

ТЭД УИЛЬЯМС

КОРОНА ИЗ ВЕДЬМИНОГО ДЕРЕВА

ТОМ 2

ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ
СВЕТЛОГО
АРДА
КНИГА ПЕРВАЯ

fan_zon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

**Корона из ведьминоного
дерева. Том 2**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Корона из ведьминого дерева. Том 2 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
2017 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-100436-1

Второй том эпической фэнтези Тэда Уильямса «Корона из ведьминого дерева». Тридцать лет назад Инелуки, Король Бурь, был повержен, а его армии рассеяны. С тех пор Светлый Ард мирно существовал под властью Саймона Снежной Пряди и Мириамель, дочери и наследницы короля Элиаса. На Севере, в ледяной горе-крепости Короля Бурь Накигге, просыпается от глубокого многолетнего сна Королева норнов. Она велит своему народу уничтожить мир людей. Ее колдуны вернут из небытия павшего демона, а отряды Когтей начнут рыскать по Арду в поисках крови живого дракона... И наконец, величайший артефакт, Корона из ведьминого дерева, будет принадлежать ей.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100436-1

© Уильямс Т., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Часть вторая. Сироты	6
Глава 24. Жуткое пламя	6
Глава 25. Пример мертвого ежа	16
Глава 26. Внутренний свет	25
Глава 27. Полдень в «Безумной девице»	38
Глава 28. Колыбельные песни Лагуны Красной Свины	48
Глава 29. Коричневые кости и черные статуи	57
Глава 30. Медленная игра	69
Глава 31. Высокое темное место	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Тэд Уильямс

Корона из ведьминоного дерева. Том 2

Tad Williams
The Witchwood Crown

© 2017 by Tad Williams

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Часть вторая. Сироты

*Небеса забрали мою жену. Теперь они
Забрали и моего сына.
Моим глазам не дозволен
Сухой сезон. Это уже слишком
Для моего сердца. Я мечтаю о смерти.
Когда падает дождь и входит
В землю, когда жемчужина погружается
В глубины моря, ты можешь
Нырнуть и найти
Жемчужину, ты можешь копать землю
И найти воду. Но никто
Никогда не возвращался из
Подземных Ключей. Однажды покинув нас, жизнь
Уже не вернется. Моя грудь
Сжимается. Мне
Не к кому обратиться. Вокруг ничто,
Нет даже тени в зеркале.*

Мэй Йао Чен

Глава 24. Жуткое пламя

Дикие земли к северу от Кванитупула, болота, которые называются Варн, протянулись на целую лигу, словно широкий язык сырых низин, до самых берегов Анхава, широкого озера, которое городские жители Наббана называли на своем языке – Эдне. Луговые всадники хорошо знали самые северные районы Варна: весной и летом тритинги охотились здесь на птиц и ловили рыбу и выдр (обитатели каменных городов высоко ценили их шкуры и платили хорошую цену), так что всадники научились находить безопасные тропы в этих предательских местах еще в ту пору, когда были детьми.

– Зачем городские жители вообще здесь появляются? – спросил Фремур. – Они не такие, как мы или даже варнаманы. Их съедят крокодилы или ганты. Они не удержатся на безопасных тропах и утонут.

– Лишь некоторые из них, – возразил Унвер. – Остальные осушат Варн и построят фермы.

Фремур надеялся, что это неправда, но он давно научился не спорить с Унвером. Высокий и спокойный мужчина говорил немного, но обычно оказывался прав.

– Невозможно, – сказал Одриг, брат Фремур, который являлся таном клана, хотя их отец еще не умер. – Только трус поверит, что обитатели городов смогут забрать нашу землю. Мы сбросим их в океан.

– Только трус или глупец, – добавил Дроджан и посмотрел на Одрига, дожидаясь одобрения.

Унвер больше ничего не сказал, и его лицо с носом коршуна оставалось бесстрастным, но Фремур почти чувствовал, как усиливается его гнев, словно натягивается тетива лука. Унвер стукнул каблуками по ребрам лошади и выехал немного вперед, выбирая дорогу между зарослями тростника и грязными лужами на старых тропах, которые снова исчезнут, когда пойдут первые осенние дожди.

– Глупец, – повторил Дроджан, но не так громко, как мог.

Дроджан, такой же широкоплечий и сильный, как Одриг, который был одного роста с Унвером, уступал им в росте на целую голову и отличался медлительностью. Фремур не сомневался, что, не будь Дроджан другом тана Одрига и подхалимом, он бы не осмелился открыто оскорблять Унвера.

Одриг рассмеялся.

– Нет нужды искать поводы для драки, – сказал он. – Скоро мы прольем кровь врага.

Фремур и сам не до конца понимал, как он относится к Унверу. Высокий мужчина ни с кем не дружил и много раз давал понять, что Фремур ему более приятен, чем его старший брат Одриг. И все же в бледнокожем Унвере было нечто, чего Фремур не мог игнорировать, какая-то сознательная сдержанность, мешавшая ему охотно делиться с другими своими мыслями. Старше прожитых трех десятков, не интересующийся похвалой, спорами или выпивкой до потери сознания, Унвер сильно отличался от своих соплеменников тритингов.

В то время как Фремур так и не определился в своем отношении к Унверу, ненависть к тану Одригу, собственному брату, сомнений не вызывала. Одриг был одним из самых крупных и свирепых мужчин клана Журавля. Он вел себя как лидер с самого детства, а когда семь лет назад их отца, Хурвальта, хватил удар, Одриг унаследовал кости клана и знамя, по факту и собственному решению.

Хурвальт продолжал жить, но старый тан теперь не слишком отличался от дурачка. С того момента Одриг управлял семьей и сделал так, что жесткий старик, их отец, стал казаться слабей женщиной. Фремур не был трусом и в другом клане мог бы процветать, но старший брат относился к нему как к ребенку.

«Нет, – подумал он. – Не как к ребенку. Как к собаке. Он лягает меня всякий раз, когда ему захочется, или швыряет кость, если пожелает. Не будь он моим братом и таном, а просто обычным членом клана, я бы давно всадил в него нож».

Иногда Фремур думал о том, чтобы покинуть клан Журавля и пойти в другой – клан Хорька, Пустельги или даже Антилопы, к луговым тритингам, которых видел однажды на общем сборе кланов и восхищался их высокими красивыми женщинами. Иногда ему даже казалось, что лучше скитаться без дома и клана, чем продолжать терпеть оскорбления Одрига, но он не мог оставить сестру Кульву страдать в одиночестве.

Фремуру казалось странным ненавидеть собственную плоть и кровь, но Одриг Каменный Кулак не раз доказывал, что он того заслуживает.

* * *

Они быстро проехали через холмы, которые окаймляли болотистые низменности, и немного помедлили, прежде чем спуститься в широкую долину. Раскинувшееся перед ними поселение почти полностью погрузилось в темноту, но тут и там на деревянном частоколе горели факелы, и Фремуру показалось, что он видит какое-то движение за воротами. Унвер, как обычно, сдвинулся немного в сторону от остальных, наклонился в седле и завернулся в длинный темный плащ, так что в лунном свете стало трудно различить, где заканчивается лошадь и начинается всадник.

Одриг выехал вперед и окинул стену взглядом. За ней находились загоны, где поселенцы держали домашний скот и овец, вместе с главным призом для тритингов – лошадьми. Лошади обитателей камней не шли ни в какое сравнение со скакунами тритингов, но их использовали для скрещивания, на продажу варнаманам и тем, кто не мог платить полную цену на лошадиных рынках Наббана.

Одриг высоко встал в стременах, вглядываясь в темноту, и, несмотря на презрение к нему, Фремур не мог не признать, что брат выглядит как настоящий луговой тан. Одриг взял жену, как и следует тану, и уже давно отрастил бороду мужчины. Унвер и Дроджан, хотя и

были почти такого же возраста, все еще носили длинные усы и гладко брили подбородки, как положено неженатым мужчинам, в то время как усы Фремюра едва доходили до подбородка.

– Где Тунздан и его проклятые кузены? – прорычал Одриг, но через мгновение со стороны ближайшего холма трижды прозвучал крик козодоя. – Вот он. Хорош. – Одриг оскалил зубы в усмешке. – Теперь мы подождем Борделма, чтобы начать веселье. – Тан посмотрел на Унвера. – Если твой план не сработает, можешь не сомневаться, я оставлю тебя здесь – пусть с тобой разберутся жители города.

Унвер молча посмотрел на него, словно Одриг не сказал ничего, достойного внимания.

Несколько долгих напряженных мгновений люди из клана Журавля, застыв в седлах, ждали. Затем у дальней границы поселения на частоколе вспыхнуло огромное пламя. Внезапно ночь наполнилась криками – как воинов Борделма, так и удивленных часовых на высоких деревянных воротах. Над воротами запылали факелы, стражники бегали взад и вперед, пытаясь понять, что происходит на дальней стороне поселения.

Одриг поднес к губам рог, трижды коротко подул в него, затем пришпорил лошадь и галопом поскакал по склону холма, за ним устремились Дроджан и Унвер. Фремур последовал за ними, сжав каблуками бока своего скакуна. Большой конный отряд спускался с другого склона – их кузен Тунздан и его семейный клан, состоящий более чем из дюжины Журавлей, жаждущих крови и добычи.

По предложению Унвера Борделм и его люди прихватили ведра со смолой, чтобы намазать бревна частокола перед тем, как разжечь огонь, и план явно сработал: когда Фремур и его отряд приближались к поселению, лунный свет затмило неровное оранжевое сияние горячей стены. Фремур слышал крики внутри поселения, когда его жители поняли, что происходит нечто ужасное. Время от времени со стороны стен вылетала стрела, озаренная на мгновение красным светом, но у воинов клана Журавля имелись свои стрелы, обернутые тряпьем, пропитанным смолой; и уже очень скоро дюжины пылающих стрел неслись через стену, падали на соломенные крыши, и по всему поселению начались пожары.

Воины клана быстро добрались до ворот в высокой стене. Часовые покинули их и помчались к пожару, разгоревшемуся у дальней стены. Унвер встал на седло, балансируя широко расставленными руками. В тот момент, когда его лошадь оказалась достаточно близко, он подпрыгнул, ухватился за верхнюю часть ворот, крепко сжал пальцы, подтянулся и забрался наверх. А еще через несколько мгновений он отодвинул засов и открыл ворота.

Одриг рассмеялся:

– Смотрите, они нас приглашают, мои кровопийцы! Не станем обижать хозяев отказом!

Фремур подхватил поводья черной лошади Унвера и завел ее в ворота. Высокий воин тут же молча вскочил в седло, пришпорил скакуна и помчался вперед. Фремур старался не отставать.

Внутри поселения уже полыхали пожары. Повсюду метались охваченные ужасом люди, но всадников тритингов было легко отличить от пеших наббанайцев в ночных рубашках или полураздетых. Части стражников не удалось добежать до противоположной стены поселения, и они повернулись, чтобы встретить Одрига и его мародеров. В ночное небо поднимался дым, который мешался с воплями женщин и детей и предсмертными криками мужчин, а стражники стали центром сопротивления.

Однако Журавлям было все равно – они не собирались уничтожать всех жителей, – здесь жило несколько сотен человек, в то время как налетчиков не набралось бы и сотни. Их цель находилась в загонах, в центре поселения, где держали животных.

Фремур и раньше участвовал в рейдах, но никогда цель не была такой большой. До этой ночи воины клана Журавля ограничивались атаками на уединенные фермы или земли отсутствующих наббанайских лордов, у которых редко хватало людей для защиты своих владений от дерзких тритингов. Но сейчас они решились на нападение совсем другого масштаба, и Фре-

мур не мог не спрашивать себя, как Одриг отнесется к успеху Унвера. Одриг явно не любил высокого спокойного мужчину, единственного из Журавлей, не относившегося к тану как к господину и повелителю.

Большинство воинов уже умчались вперед, к загонам, расположенным в центре деревни, но Одриг остановился, чтобы прикончить наббанайца, который собрался защитить свое поселение при помощи секача. У него не было доспехов, лишь длинная рубаха, но Одриг, казалось, наслаждался схваткой. Он наносил удары по рукам фермера и легко парировал ответные атаки, продолжая весело смеяться.

Брат редко смеялся, но Фремур уже давно убедился в том, что Одрига охватывает безудержное веселье в те моменты, когда у кого-то появлялась кровь.

Одриг начал наносить удары по лицу и рукам поселенца, и очень скоро ночная рубашка была рассечена в нескольких местах и пропиталась кровью. Тем временем пожар охватил многие дома, и ветер гнал по улицам дым.

– Иди сюда, Мышь! – крикнул Одриг Фремуру. – Возьми себе его ухо или нос – в качестве трофея!

Фремур всегда ненавидел имя, которое ему дал брат, – еще один способ назвать его слабым и трусливым, и ему совсем не хотелось смотреть, как Одриг играет с поселенцем, который рыдал и спотыкался в грязи, пока Одриг наносил ему одну рану за другой. Фремур пришпорил лошадь и поскакал к центру деревни.

Большая часть частокола уже горела, несколько десятков крыш также окутало пламя. Фремур слышал отчаянные крики тех, кто не мог выбраться из горящих домов – мужчин, женщин и детей, но не испытывал жалости.

«Это наша земля – наших отцов и отцов наших отцов, – подумал он. – Наббанайцы должны вернуться в свои каменные дома или умереть».

По мере приближения к центру деревни, где царил страшный хаос и откуда доносились самые громкие крики людей и визг животных, Фремур заметил нескольких членов клана Журавля, которых окружила возле частокола дюжина поселенцев, вооруженных секачами и вилами, и среди них он разглядел двух или трех стражников в доспехах и с длинными копьями. Он не видел лиц своих соплеменников из-за стелющегося дыма и мерцающего пламени, но по лентам в хвостах лошадей догадался, что это люди Тунздана. Журавли сражались отчаянно, но их было мало, и длинные копья стражников заставляли их отступать к частоколу.

Мгновение Фремур колебался. Он не был ничего должен Тунздану, который являлся одним из главных союзников Одрига, но понимал, что не может бросить воинов своего клана в схватке с крадущими чужую землю фермерами, не лишившись гордости. Фремур пришпорил лошадь и устремился к толпе разъяренных селян. Но, прежде чем он до них добрался, мимо пронеслась, словно сам Травяной Гром, огромная тень.

Он узнал Унвера на черном скакуне Деофоле и красный изогнутый клинок его меча, который выделялся на фоне темного неба. Унвер врезался в ряды поселенцев, сразу сбив с ног нескольких, и тут же из шей и плеч фонтаном брызнула кровь. Остальные испуганно закричали и окончательно смешали ряды. Все произошло так быстро, что Фремур придержал лошадь, чтобы посмотреть, как окруженные Журавли, воспользовавшись паникой врага, устремились в атаку. Первыми пали стражники в доспехах, еще через несколько мгновений поселенцы стали в ужасе разбегаться, пытаясь спастись, а тритинги из жертв превратились в охотников, с радостными криками и песнями преследующих своих недавних противников.

Унвер привстал на стременах и указал мечом в сторону центра городка.

– Туда! – крикнул он Журавлям. – Ищите там своих братьев!

В это мгновение отблески ревушего пламени высветили силуэт Унвера на фоне ночного неба, заливая резкие черты лица и летящий за спиной плащ ослепительным сиянием, он казался наполовину человеком, наполовину вороном, и Фремур ощутил, как сердце сжалось у него в

груди, и его охватила диковинная смесь восхищения и ужаса. Не вызвало сомнений – перед ним был уже не Унвер, а сам Тасдар, Сокрушающий Наковальни, один из могущественных духов, почитаемых всеми луговыми кланами.

– На что уставился, глупец? – крикнул ему богоподобный воин. – Уже почти пришло время возвращаться.

Тут только Фремур сообразил, что Унвер прав – даже Одриг не станет откладывать отступление, поскольку поселенцы значительно превосходили их числом. Они же пришли не убивать, а за добычей. И Фремур вдруг с тоской понял, что вернется домой с пустыми руками. Он знал, что Одриг и его приспешники ему скажут, и в их словах не будет сочувствия.

Фремур последовал за Унвером к центру поселения, минуя тритингов, которые небольшими группами гнали скот к воротам, – вот Журавль с полудюжиной блеющих овец, пара Журавлей с несколькими закатившими глаза домашними животными. Один из кузенов Борделма сжимал поводья двух тягловых лошадей, которые не годятся на роль боевых скакунов, но отлично подойдут для того, чтобы тащить фургон.

Когда Фремур и Унвер оказались в центре деревни, среди кричащих, обезумевших поселенцев и тритингов, спешивших поскорее убраться с добычей, Фремур увидел, что заборы загонов сломаны и почти все приличные животные исчезли. Он направил лошадь за гогочущим гусем, который спасался бегством, раскинув крылья, и краем глаза заметил, что Унвер соскочил с лошади и исчез в темном дверном проеме горящего амбара, впрочем, он тут же появился снова с огромным быком на поводу, великолепным животным с веревкой, пропущенной через кольцо в носу. На обычно мрачном лице Унвера появилась кривая улыбка.

– Смотри, что я нашел, даже опоздав на пир! – сказал высокий воин. – И он едва не сгорел!

Фремур никогда не видел Унвера совершенно счастливым – во всяком случае, он такого не помнил. Странное зрелище, но, пока он размышлял об этом, мимо его головы пролетела стрела и вонзилась в стену горящего амбара. Судя по всему, некоторые поселенцы намеревались сражаться всерьез.

Унвер тут же вскочил в седло, и они с Фремуром повели быка к главным воротам. Многие поселенцы уже пришли в себя и начали давать мародерам серьезный отпор, в налетчиков полетели камни, а изредка и стрелы – отступление тритингов придало им смелости, и поселенцы рассчитывали прикончить хотя бы нескольких врагов. Фремур и Унвер не пострадали, но Фремур видел, что один из воинов Тунздана свалился с лошади, получив стрелу в ногу; и прежде, чем он успел вернуться в седло, его утащили в темноту между домами, где собралась толпа поселян.

– Не нужно, – сказал Унвер Фремору. – Ему уже не поможет. Вперед.

Фремору не пришлось повторять дважды. Они с Унвером оказались среди последних покидавших поселение тритингов; ворота могли захлопнуться в любой момент, и тогда они оказались бы в ловушке. Пойманных во время рейдов тритингов обычно сжигали, и иногда это была самая милосердная часть из того, что им приходилось пережить перед смертью. Фремур прижался лицом к шее лошади, чтобы не стать легкой мишенью для лучников.

Наконец он увидел впереди покосившиеся ворота. Они миновали их рысью – бык мешал им скакать быстрее, – но очень скоро поселение осталось у них за спиной, и с каждым ударом копыт удалялись крики, дым и ревущее пламя, словно сон, исчезающий с утренним светом.

– Хорошая ночная работа, – сказал Унвер, который наклонился вперед, продолжая одной рукой сжимать веревку. Быку приходилось бежать гораздо быстрее, чем он привык, и он злобно мычал и фыркал. Унвер по-прежнему улыбался, и вновь Фремур удивился тому, каким счастливым он выглядел. – Удачная ночь!

Они добрались до первого склона, стены поселения остались на расстоянии броска камня, когда что-то, словно молния, угодило Фремору в голову. На миг он потерял представ-

ление о том, где находится верх, а где низ, ночь наполнилась сверканием белых звезд, потом нечто, напоминающее гигантскую руку, протянулось к нему и ударило так сильно, что белое сияние превратилось в крошечную тьму.

Когда к нему вернулась способность думать, оказалось, что он лежит на спине и видит пылающие стены. Его лошадь исчезла, Унвер исчез, и он оказался совершенно беспомощным. Фремур попытался перекатиться на живот, но сумел лишь повернуться на бок. Кровь – должно быть, это кровь, подумал он, потому что она влажная и темная – стекала с его головы, капала на руки и траву, и та становилась еще темнее. Он поднял голову, ему показалось, что кто-то бьет по ней, как в барабан, и увидел три фигуры, бегущие к нему от ворот поселения.

«Они в меня попали, – только и сумел подумать он. – Они попали мне в голову стрелой». Он поднес руку к затылку. Шлем исчез, но, хотя затылок оказался влажным от крови и он нащупал рану, Фремур не обнаружил стрелы, которая – он не сомневался – должна была оттуда торчать.

Поселенцы приближались, от возбуждения они перешли на бег, они радовались, что сумели выбить из седла одного из ненавистных врагов. Фремур уже видел, что это наббанайцы, с бритыми верхними губами, с глазами, горящими жадой мести. Один из них уже наложил новую стрелу на тетиву, двое других держали в руках секачи.

«Я не дам заколоть себя, как ягненка, – подумал Фремур, и ему едва не стало смешно, вот только слишком сильно болела голова. – Но я не ягненок, я мужчина».

Затем над ним пролетело что-то темное, он лишь успел заметить промелькнувшее лицо и услышал грохот копыт и рев воздуха, словно удар грома обрушился на землю. Это была лошадь и низко пригнувшийся к ее шее всадник, который в следующее мгновение поднялся на стременах и размахнулся изогнутым клинком, блестящим и смертельным, словно вспышка молнии.

А потом все померкло, и Фремур уже ничего не видел, хотя продолжал слышать мужские голоса, крики и стоны. Темнота возвращалась. Может быть, он умирает? Или кто-то из его товарищей по клану вернулся, чтобы ему помочь? Фремур не знал, но сейчас не мог представить, что это имело хоть какое-то значение.

* * *

Еще очень долго после того, как взошло солнце, он не мог подняться с постели, лежал с закрытыми глазами и прислушивался к странным звукам живого мира, частью которого все еще оставался. Птицы – много птиц! Они издавали трели, насвистывали, чирикали и пели, и их голоса его оглушали. Неужели так было всегда? Почему он никогда этого не замечал?

Что-то коснулось его руки. Фремур вздрогнул и попытался повернуться, но от резкого движения голова заболела так сильно, что он застонал и затих.

Еще одно прикосновение, затем кто-то осторожно погладил его по лбу.

– Фре? Ты проснулся? – От голоса, подобного бризу, веяло прохладой.

– Кульва? – Он приоткрыл глаза.

И яростный свет ударил в них, точно удар ножа.

– Я принесла тебе воды, – сказала сестра. – Как голова?

– Как разбитый котелок. Я уже думал, что умер.

– Не говори так! Иначе спасшие тебя духи рассердятся.

Свет стал уже не таким ярким, поэтому он решил сесть – очень медленно.

– Меня спасли не духи, а Унвер Длинные Ноги. – Он вспомнил, как Унвер верхом на Деофоле перепрыгивает через него и атакует поселенцев, словно волк, оказавшийся среди цыплят. – Это Унвер. Должно быть, он отдал своего быка и вернулся за мной. – Фремур сумел привстать, опираясь на локти, но на голову тут же обрушилась новая волна боли.

Встревоженное лицо Кульвы нависло над ним, точно полная луна.

– Унвер хороший человек, но тебе не следует гневить духов, – нахмурившись, сказала сестра. – Вот, выпей. – Она поднесла чашку к его губам. Фремур сделал несколько глотков и поднял руку, чтобы забрать чашку, но сестра отвела ее в сторону. – Просто дай мне поуухаживать за тобой. Твоя вечная гордость!

– Я мужчина клана Журавля. И меня всего лишь ранили в сражении. Я могу о себе позаботиться. – Он понимал, что ведет себя как ребенок. – В любом случае, если духи захотят, чтобы мне стало лучше, они мне помогут.

Кульва с трудом подавила улыбку.

– О да. Мужчины, делающие мужскую работу. Прости меня, что попыталась тебе помочь, пока ты лежал на земле и стонал. Все встали несколько часов назад.

– Клянусь Камнедержцем! – Фремур застонал, но сумел сесть. – Почему мне никто ничего не рассказал? Одриг злится?

– Он посмеялся. – Кульва явно его не одобряла. – Он расхохотался и отправился с Дроджаном на озеро охотиться.

Какое облегчение! Фремур сел, скрестив ноги, что помогло ему удерживать равновесие. Собственная голова напоминала ему переполненный мочевой пузырь – если она станет еще полнее, моча начнет выливаться через уши.

– Над чем ты смеешься, Фре?

– Я не знаю. У меня болит голова. Я могу чего-нибудь поесть?

– Я принесла тебе хлеб. – Она достала из передника завернутый в листья хлеб.

Фремур развернул пресную лепешку, откусил кусочек и начал жевать, и в голове у него возникло странное ощущение, как будто она камень, находящийся в неустойчивом равновесии на вершине горы, и в любой момент может покатиться вниз. Он откусил еще немного, прожевал и вдруг понял, что больше не хочет. Даже после того, как в животе оказалась еда, он чувствовал себя странно. Цвета вокруг, как и голоса птиц, казались слишком яркими и громкими – прежде мир был совсем не таким! Фургоны клана сияли словно драгоценные камни, а разноцветные ленточки, которые их украшали, окутывали полосы ослепительного света. Но когда он закрыл глаза, вместо темноты он увидел Унвера, стоящего на стене поселения, – свет факелов превратил его в великана, ожившее божество, Сокрушающего Наковальни. И в этот момент у Фремюра возникло ощущение, что священный огонь коснулся высокого воина клана, как великого тана – или кого-то еще более значительного.

– Он меня спас, – тихо сказал Фремур. – Он спас многих.

– Что ты сказал? Вот, выпей еще воды. – Кульва снова протянула ему чашку.

Пока Фремур пил, цвета становились мягче, но сестра все еще оставалась нависающим над ним ярким пятном. Она не была красивой по понятиям клана Журавля – худая, каштановые волосы слишком светлые, чтобы производить ошеломляющее впечатление, на коже целая россыпь веснушек, что не соответствовало представлению соплеменников Фремюра о красоте, но он считал, что доброта и спокойная уверенность взгляда делали ее невероятной. Когда мать назвала ее Кульвой, что означало «голубка», отец сказал: «Ну в таком случае она костлявая веснушчатая голубка, пригодная только для тушения». Но после того как на четвертом или пятом году жизни Фремюра их мать умерла, Кульва взяла на себя роль защитницы Фремюра. Теперь он уже с трудом мог вспомнить лицо матери, не думая о Кульве.

Их отец, Хурвалът, не был добрым человеком, но никогда специально не причинял боль. Фремур считал, что Одриг унаследовал худшие черты отца, и он не любил свой народ так, как Хурвалът. И, хотя сестра никогда не возражала старшему брату, возглавлявшему семью и клан, Фремур знал, что она испытывает такие же чувства, как он.

– Я должен встать, – сказал он.

– Зачем? Тебе следует отдыхать.

– Мне нужно поговорить с Унвером. – Какая-то его часть была недовольна, что женщина, пусть даже любимая сестра, ставит под сомнение его действия. Мужчинам клана не задают подобных вопросов – во всяком случае, жены или сестры. – Я обязан ему жизнью.

– Унвер все еще будет в фургоне своего отца, когда ты сможешь ходить.

– Нет. – Он сумел подняться на ноги, пошатываясь, точно новорожденный жеребенок. – Я уже могу ходить. Я мужчина клана Журавля.

Кульва вздохнула:

– Конечно, так и есть.

* * *

Жакар, приемный отец Унвера Длинные Ноги, сидел на ступеньках своего фургона, курил трубку и хмуро смотрел на тучи над головой – ничего другого Фремур и не ждал. Жакар был слишком старым, к тому же хромым, чтобы представлять опасность, но неспособность навязывать свою волю при помощи ремня или кулака делали его взгляд на жизнь еще более неприятным. Когда-то он был сильным и красивым мужчиной, во всяком случае, так говорили многие в клане, но сейчас его тело состояло из костей и сухожилий, покрытых морщинистой коричневой кожей, словно шкура, которая слишком долго провисела на солнце и под дождем.

– Что тебе нужно, мальчик? – спросил старик. – Тебя послал брат? – Тан Одриг был одним из немногих мужчин, которых Жакар уважал, что, как знал Фремур, означало «боялся».

– Я пришел поговорить с Унвером.

Старик вытащил трубку и сплюнул.

– Поговорить с Унвером? Этот олух едва ли способен связать два слова, и, да будут духи свидетелями, он ни на что другое не пригоден. Отправился в рейд и вернулся с пустыми руками.

– Он спас мне жизнь. Вот почему он ничего не добыл.

Фремуру показалось, что старик сейчас встанет, доковыляет до него и попытается ударить – такая мрачная гримаса появилась у него на лице.

– Спас тебе жизнь? Клянусь колесами и хлыстом, значит, он еще глупее, чем я думал. Твоему отцу следовало утопить такого тощего щенка, как ты, при рождении. Впрочем, именно так мне следовало поступить со своим, когда мне его принесли.

– Где он? – Фремуру не хотелось продолжать разговор с Жакаром.

Голова продолжала болеть, и от короткой прогулки по лагерю ему стало только хуже. Фремур представил, как он вгоняет нож в горло старого ублюдка, и ему еще сильнее захотелось это сделать. Стоит ли удивляться, что Унвер предпочитает молчать, если ему приходится иметь дело со своим отцом.

Старик снова сплюнул.

– Возится с грудой своих бесполезных палок. И они все равно останутся грудой дровяшек, валяющихся в моем загоне.

Фремур неспешно окинул взглядом кучу битых горшков, костей и прочего мусора, разбросанного возле фургона.

– Это позор.

Жакар сильно покраснел и начал вставать, но потом передумал.

– Не смей так со мной говорить, мальчишка. Я вырву твой язык. И у меня хватит сил, чтобы научить тебя уважению. Я еще могу держать в руках хлыст!

– Что ж, пусть он доставит тебе удовольствие.

Фремур направился к загону, расположенному за ветхим фургоном. Деофол, огромный конь Унвера, щипал траву вместе с остальными у ближайшей части ограды. Унвер находился у дальнего конца загона, снаружи, за оградой, где вбивал ясеновые спицы в ступицу колеса,

чтобы заменить треснувшую. В тени ясеновой рощи, опираясь осяю на камень, стоял незаконченный фургон, для которого он делал новое колесо. Фургон был еще не достроен – после того, как все колеса займут свои места, еще целый сезон уйдет на нанесение орнамента, полировку и покраску.

Унвер оторвался от работы, посмотрел на Фремур, но промолчал. Фремур так и не придумал, что сказать, поэтому просто стоял и смотрел, как Унвер работает. Наконец слова к нему пришли.

– Прошлой ночью, Унвер, ты меня спас.

Высокий мужчина положил деревянный молоток и убрал с лица прямые темные волосы. Перед тем как начать работать, он снял рубашку и повесил ее на ветке, и его грудь и длинные руки блестели от пота. Некоторое время он смотрел на Фремур, а потом пожал плечами:

– Я не видел смысла в том, чтобы позволить тебе умереть.

– Но ты потерял свою добычу из-за меня. Более того, ты вернулся домой с пустыми руками.

Унвер сделал кислое лицо.

– Должно быть, ты говорил с моим отчимом.

– Ты не должен был так поступать, но помог мне. Как и другим. Почему?

– Какой смысл оставлять мужчин умирать? – Унвер взял молоток и снова принялся наносить сильные точные удары. – Неужели нас в клане Журавля так много, а обитателей городов настолько мало, что мы можем терять людей, только чтобы украсть несколько лошадей и голов домашнего скота? Лошадей *наббанайцев*?

– Но ты мог бы продать того быка. И купить все, что необходимо для покраски и завершения работы над фургоном. – Ни один тритинг не мог считать себя добившимся чего-то мужчиной, рассчитывать на уважение и женитьбу, пока у него не будет собственного фургона. Странно, что Унвер ждал так долго и только сейчас занялся его постройкой, но он всегда был странным и очень скрытным.

– А тебе какое дело? – резко спросил Унвер. – Какое это имеет для тебя значение, Фремур, сын Хурвальта?

– Это моя вина. Ты потерял свою добычу из-за меня. Ты мог бы получить за быка краску и бронзу для украшения фургона.

– Да, мне не хватает именно этого, – сказал Унвер. Фремур впервые заметил гнев, который Унвер прятал под молчанием. Мышцы на его руках напряглись, когда он забил очередную спицу на место, но он хмурился, словно у него ничего не получилось. – Лошади у меня уже есть. Наступит день, и я буду путешествовать, как положено мужчине. – Что-то в его глазах изменилось; и на мгновение появилось то, что он так тщательно скрывал. – Наступит день, и я поеду, куда мне захочется. И буду делать все, что захочу. И никто... – Он замолчал.

– Так почему же ты вернулся, чтобы мне помочь?

– Потому что так было надо. Потому что... – Унвер нанес по спице еще пару тяжелых ударов и отшвырнул молоток. – Я устал отвечать на твои вопросы. Должно быть, тебе сильно разбили голову, если ты столько болтаешь. Ты должен вернуться в постель.

Фремур понял, что Унвер его прогоняет, и знал, что нет смысла его сердить – как и Одрига. Конечно, Унвер не станет его бить, как брат, но будет злиться на него в течение нескольких дней или даже недель, а Фремур этого не хотел.

– Тогда я больше не стану задавать вопросы, – сказал он. – Спасибо тебе за то, что ты не оставил меня там.

– Лучше быть живым, чем мертвым, – сказал Унвер, пожалуй, впервые дав настоящий ответ.

Пока Фремур шел обратно, он думал о том, что чувствовал ярость Унвера даже с того места, где стоял, словно жар от большого костра, но каким-то образом он понимал, что он направлен не на него или даже ядовитого отчима.

«Он горит, – сообразил Фремур. – Иногда угли тлеют, но никогда не гаснут. И однажды пламя вспыхнет по-настоящему».

Фремур вспомнил, каким видел Унвера прошлой ночью на фоне ревущего пламени и темного неба, и содрогнулся, как в детстве, когда мать рассказывала ему истории о мстительных духах воздуха и травы, которые их окружают.

«Ужасное пламя».

Глава 25. Пример мертвого ежа

Что-то пошло не так. Воздух был тяжелым и жарким, небо заволокло туманом. Даже чистые воды Сумию Шиса потемнели и бурлили, точно кипящий суп. Танахайа, спотыкаясь, брела вдоль берега нереальной страны, которая должна была быть ее домом, ее сердцем, так хорошо знакомой ей долиной Шисей'рон. Она направлялась в сторону Ивового дома к месту своего рождения, но с трудом передвигала ноги. Земля почти кипела, и полный испарений воздух душил. Снова и снова она соскальзывала назад, словно пыталась карабкаться вверх по длинному крутому склону.

Наконец Танахайа добралась до речной долины, где стоял дом ее семьи, но и там все изменилось до неузнаваемости.

Невозделанная земля. Гниющий на полях урожай. Расточительство!..

Даже центральная лестница, изящная конструкция из тщательно уложенных белых камней, превратилась в груды мусора и грязи. Дом, крышей которого служили кроны огромных ив, напоминал каркас грудной клетки, лишенной плоти, и шесты медленно погружались в липкую грязь.

– Мама! – позвала она, но внутри дома царил тишина.

Охваченная страхом Танахайа попыталась отыскать путь в свое детское убежище, но, как если бы собственные воспоминания ее отвергли, поникшие ветви ивы оказались липкими, а листья остались в руке, когда она к ним прикоснулась, точно волосы с головы трупа. Чем дальше она углублялась в дом, тем меньше его узнавала, а двигаться сквозь удушающую жару и проваливающийся под ногами пол становилось все труднее. Всякий раз, когда она сворачивала, дорогу ей загораживал упавший ствол или беспорядочный лабиринт, в который превратился каменный узорчатый пол, будто смеявшийся над ней. Лишь мысль о том, что у нее есть какая-то причина быть здесь, что она вернулась за чем-то важным, заставляла ее двигаться дальше, хотя Танахайа уже не помнила, в чем она состоит.

Участок земли у нее под ногами растворился, и она покатила в переплетение грязных корней, поджидавших ее, точно морское чудовище. Она упала на четвереньки и продолжала ползти к центру дома, месту, где ее мать ухаживала за огнем и пела мелодичные, успокаивающие песни, но корни ив извивались под ней, сворачивались и разворачивались точно змеи, и ей удавалось лишь медленно продвигаться вперед, ее ладони и руки до локтей стали скользкими от липкой грязи, глаза застилал жаркий жгучий туман.

– Мама? – Наконец Танахайа увидела камин, и ее охватила радость: он уцелел, единственная часть дома, не поддавшаяся разложению и гниению.

Камин оставался таким, каким его сделала и хотела видеть ее мать, чаша для огня из аккуратных белых камней, ритуальные предметы на деревянном резном столике, кувшины и кубки, связки успокаивающих и лекарственных трав, окружавшие ее в течение всего детства, вещи столь хорошо знакомые, что Танахайа, увидев их снова, почувствовала страстное желание вернуть давно ушедшие дни. Но в центре стола, словно мать поставила это туда лишь мгновение назад, стояло нечто – Танахайа никогда не встречала ничего подобного – яйцо из сияющего, гладко отполированного ведьмино дерева, жемчужно-серый цвет которого сочетался с дюжиной других столь изысканно, что все оттенки уловить было невозможно. Танахайе сразу захотелось взять и защитить прекрасный предмет. Почему мама оставила его здесь? Что ей делать? Все, что она здесь знала, изменилось – изменилось и разрушилось, – а эта загадка находилась прямо перед ней.

Неожиданно она услышала шум у себя за спиной – не шаги, но протяжный, хлюпающий, скользкий звук. И прежде чем успела увидеть, что там, земляной пол у нее под ногами снова

подался вниз, она рухнула в горячую липкую темноту, и все остальное – дом ее детства, сияющее яйцо из ведьминого дерева и даже сама Танахайя – исчезло в удушающем забвении.

* * *

Она вела войну, тяжелую борьбу с могущественным врагом, и до сих пор проиграла все схватки. Но Танахайя не могла отступить, потому что сражение шло внутри ее тела.

В те моменты, когда к ней возвращалась способность мыслить рационально, она понимала, что ее уничтожает какой-то яд, а не раны, которые уже начали заживать. Как и все зида'я, Танахайя обладала огромными резервами для борьбы с болезнями и ранениями, но с каждым днем все больше слабела. Она чувствовала, что какая-то мерзость у нее внутри пытается по крови добраться до сердца, точно дикие пираты на своих гребных галерах, плывущие вверх по реке, чтобы атаковать великий город. Танахайя знала, что пройдет еще немного времени, и она умрет.

«Однако яд, которым смазали стрелы и который ползет по моим венам, создан смертными. Если бы его сделали наши кузены хикедэ'я, я бы давно проиграла сражение с ним».

Но то, что с ней случилось, выглядело бессмысленным: зачем смертные приложили такие усилия, чтобы ее уничтожить? Если бы в нее стреляли обычными стрелами, она могла бы предположить, что такова реакция испуганного браконьера, увидевшего нечто странное, – смертные, Дети Заката, склонны атаковать то, чего они не понимают, это известно всем зида'я. Но обычный браконьер никогда не стал бы использовать яд, отравлявший сейчас ее кровь, ведь он испортил бы любую убитую им дичь. Какой смысл голодному человеку рисковать жизнью или свободой и стрелять в то, что он даже не сможет съесть?

Нет, яд на стрелах предназначался для убийства, и только дитя ее крепкой древней расы могло прожить столько времени после того, как он попал к ней в организм. Танахайя вполне могла представить врага, который не хотел, чтобы она добралась сюда и встретила с королем и королевой, смертного, ненавидевшего народ Танахайи и сделавшего все, что в его силах, чтобы она не достигла цели, – но откуда он узнал, что она тут появится? Это напомнило ей о Сиянди и о том, что его судьба до сих пор оставалась неизвестной. Не приходилось сомневаться, что в наступившие опасные времена лорд Джирики и леди Адиту рассказали о ее миссии только тем, кому полностью доверяли. Но даже если кто-то из соплеменников Танахайи по необъяснимой причине хотел ее убить, зачем давать такое поручение смертным?

В моменты передышки от лихорадки, вызванной ядом, подобные мысли металась в ее сознании словно напуганные рыбы; но мгновения просветления становились все более редкими, и Танахайя знала, что если что-то не изменится в самое ближайшее время, она проиграет это сражение.

* * *

Вынырнув из темноты в следующий раз, она обнаружила искаженное страхом лицо склонившейся над ней молодой смертной женщины. Она крепко прижимала руки к груди, чтобы случайно не коснуться раненой, лежавшей на кровати.

– *Приведи... целителя...* – только и сумела произнести Танахайя. – *Нужен... целитель...*

Объятая ужасом женщина озадаченно посмотрела на нее, и тут только Танахайя сообразила, что она заговорила на своем родном языке, а не на общем языке смертных. Она попыталась еще раз.

– *Приведи... целителя.*

И силы ее оставили. Темнота, жар и тление вновь атаковали ее и утащили за собой в черные кипящие глубины.

– Зачем ты поливаешь растения водой, тетя Тиа-Лиа? Почему они не тонут? Однажды я видела, как мышь утонула во рву. Я не могла ее достать, а дедушка Осрик не помог мне ее вытащить. Мышь плавала довольно долго, а потом умерла.

– Ты пьешь воду, маленькая Лиллия, однако *ты* не тонешь. Немного воды полезно для живых существ – более того, она им необходима. Но, если ее будет слишком много, вода может причинить вред. Поднеси свечу поближе, пожалуйста.

Принцесса задумалась.

– А сколько это – слишком много?

Тетя Тиа-Лиа продолжала смотреть на растения и не поворачивалась к Лиллии.

– На этот вопрос нет простого ответа.

Лиллия любила тетю Тиа-Лиа, но ей далеко не всегда нравились ее ответы.

– А растение может утонуть?

– Если ты дашь ему слишком много воды, да. А сейчас, пожалуйста, моя дорогая, позволь мне закончить, и ты сможешь помочь мне рисовать цветы, о которых я тебе рассказывала.

Следующий вопрос принцессы Лиллии предотвратило шумное появление служанки возле сарая для выгонки. Казалось, девушка долго бежала – ее лицо покраснелось, и она задыхалась.

– О, леди Телия, вы здесь? – воскликнула она, опираясь на ворота. – Милосердный Риappa, что мне делать? Брат Этан ушел в город, а она в ужасном состоянии, и я не понимаю... Она сказала, чтобы я привела целителя, но я ничего не знаю!

– Успокойся, девочка, я тебя не понимаю. Кто нуждается в целителе?

– Странная женщина. Та, что наверху, в Резиденции, за которой ухаживает брат Этан. Она все время стонала, и я вошла, чтобы проверить, что с ней, и тут ее глаза открылись – вот так, сразу! Я ужасно испугалась! Она все время повторяла, что хочет целителя, целителя. Но брат Этан ушел в город.

Телия посмотрела на небо.

– Неужели у меня не будет даже одного дня, чтобы заняться моим садом? – спросила она и поставила лейку на землю. – Успокойся, девочка. Я сейчас приду. Только мне сначала нужно помыть руки.

* * *

Лиллия никак не могла понять, почему дядя Тимо и тетя Тиа-Лиа являются мужем и женой, потому что они казались ей совсем разными. Тетя Тиа-Лиа намного выше мужа, что производило на Лиллию очень странное впечатление, кожа у дяди Тимо смуглая, а у его жены совсем бледная, если не считать рук и шеи, где она потемнела от солнца. Дядя Тимо был тихим и стеснительным, к тому же он хромал, а тетя Тиа-Лиа неизменно сохраняла уверенность и ходила так быстро, что Лиллия едва за ней поспевала – как сейчас, когда они шагали через Внутренний двор.

Однажды Лиллия спросила у матери, почему люди женятся.

«Потому что бог посылает тебе кого-нибудь, а потом появляются дети», – ответила она, однако Лиллия так и не поняла, почему дядя Тимо получил именно такую невесту, поскольку у них не было своих детей. Отец Лиллии умер, однако у него и мамы родились дети – Лиллия и ее старший брат Морган.

«А есть другие причины, по которым люди женятся?» – спросила она, но мама лишь сказала:

«Мне больше ничего в голову не приходит».

И Лиллия сразу узнала тон – еще один вопрос, и она скажет: «Я устала от разговоров».

Теперь, когда она старалась не отстать от тети Тиа-Лиа, у нее снова возник этот вопрос. – А почему люди женятся? – спросила она.

– Ну, на то есть много причин. – Она повернулась и посмотрела на служанку. – Поторопись, девочка. Я понимаю, почему ты оставила ее одну, но нам нельзя мешкать.

– Я спешу, леди Телия, – сказала горничная. – Просто это незаметно, потому что у меня не такие длинные ноги, как у вас. Я бы ее не оставила, но брат Этан сказал, что Марта больше не будет за ней ухаживать, так что теперь я одна...

Тетя Тиа-Лиа состроила гримасу.

– Хватит объяснений, дорогая, просто не отставай, ладно? Что до *твоего* вопроса, принцесса Лиллия, иногда люди женятся из-за того, что так хотят их родители. В других случаях они заключают брак, когда хотят иметь дружеское общение – не хмурься, у тебя становится совершенно неподобающее лицо. – «Дружеское общение» означает, что у тебя появляется друг, который составляет тебе компанию. Ты меня поняла?

Лиллия кивнула.

– А любовь, как в историях? Люди женятся из-за любви?

– О да. И бывает, продолжают любить друг друга, но иногда получается иначе. Я бы сказала, что любовь самый ненадежный повод для женитьбы.

– Почему?... – Лиллия запыхалась. – Почему ты вышла замуж за дядю Тимо?

Ее вопрос слегка удивил тетю Тиа-Лиа.

– Почему? Ну, наверное... дружеское общение, вне всякого сомнения. Но главным образом из-за того, что я никогда не встречала доброго мужчину – *доброго* мужчину, – который задавал бы столько вопросов и которому интереснее узнавать что-то новое, чем рассказывать другим людям, как вещи устроены или как все должно быть.

– Я не понимаю.

Ее тетя (на самом деле она не была ее тетей, как и дядя Тимо не был дядей) покачала головой, но улыбка смягчила ее лицо.

– Пожалуй, нам следует поговорить об этом в другое время, дорогая. Мы уже почти пришли, а у тебя сильно покраснело лицо. Теперь побереги дыхание. Нам предстоит подняться по лестнице.

Лиллия слышала, как тяжело дышит горничная, которая с трудом поспевала за ними по лестнице, но сама изо всех сил старалась не отставать от тети Тиа-Лиа.

– Я уже видела ту леди раньше, – сказала Лиллия, когда они добрались до площадки. – Которая больна. Я думаю, она ведьма.

– Что ты имеешь в виду?

– Она выглядит неправильно. И она страшная.

Тетя Тиа-Лиа ничего не ответила, лишь распахнула дверь. Сейчас леди не была привязана к постели, как в тот раз, когда Лиллия увидела ее впервые, но выглядела еще более нездоровой, ее золотистая кожа приобрела голубовато-серый оттенок, а на лице выступили капли пота.

– Она умрет? – спросила Лиллия, соответствующим образом понизив голос. – Брат Этан сказал, что она зитха.

– Что? – Ее как бы тетушка остановилась возле кровати и посмотрела на лежавшую там женщину. – Нет, она *ситхи*. Некоторые называют их фейри.

Она осторожно присела на постель и принялась ощупывать тело женщины в разных местах – лицо и шею, даже наклонилась вперед и приложила голову к ее груди, что вызвало у девочки некоторую тревогу. Лиллия все еще не знала, кто такие зитеры (или ситхиры), поэтому совсем не была уверена, что больная не может оказаться ведьмой. Глаза женщины приоткрылись настолько, что Лиллия успела увидеть белки, но тут же закрылись снова. Потом фейри открыла рот и сделала долгий хриплый вдох, но не произнесла ни слова.

– Она горит от лихорадки! – сказала тетя Тиа-Лиа. – Табата, тебе следует протирать ее лицо и лоб прохладной водой – и запястья. Но здесь совсем нет воды.

– Тут была вода, вчера...

– О, клянусь... Иди и быстро принеси воды! Ведро из колодца и чистую ткань. Прямо сейчас!

Горничная поспешно ушла. Она не выглядела печальной из-за того, что ей дали поручение, и это показалось Лиллии странным – *она* была бы вне себя, если бы ее отослали прочь из комнаты.

Тетя Тиа-Лиа нашла чашу, в которой осталось немного воды, и собственным рукавом протерла лоб женщины. Глаза открылись полностью, и на мгновение странный золотой взгляд остановился на прелестных, но обычных глазах тети Тиа-Лиа. Потом женщина облизнула губы.

– Я-я-яд... – Ее тонкие пальцы сомкнулись на запястье тети Тиа-Лиа, а голос показался едва слышным даже Лиллии, и она – несмотря на тревогу – наклонилась поближе, чтобы услышать. – *Нужно!..*

– Что вам нужно, дорогая? – Тиа-Лиа также наклонилась вперед. – Скажите мне...

Но женщина только покачала головой – очень медленно, словно она была невероятно тяжелой. Потом она подняла руку вверх, и ее пальцы задрожали.

– Она хочет чашку с водой, – сказала Лиллия.

– Думаю, ты права. – Тетя поднесла к ней чашку, и женщина-ситхи опустила в нее руку, а потом снова подняла, но проделала это так медленно, что Лиллия едва не начала ей помогать.

Потом длинные пальцы потянулись к стоявшему рядом с постелью стулу, и странная женщина медленно провела пальцем по сиденью, так что вода заблестела под полуденным солнцем. Лиллия и тетя Тиа-Лиа уставились на стул, и в этот момент дверь открылась.

– Ты принесла воду? – спросила тетушка, не поворачивая головы.

– Прошу прощения, леди Телия, я не знал, что нужна вода.

Тиа-Лиа удивленно посмотрела на него.

– Брат Этан! Мне сказали, что вы ушли в город.

– Все верно, леди Телия. Я искал новые лекарственные травы, которые могли бы помочь. Когда я в последний раз был здесь, она сказала, что ее отравили, – тут не может быть никаких сомнений. Я принес ясенец белый из Арчана и очищенное масло руты.

– К сожалению, я сомневаюсь, что они помогут. Посмотрите, бедняжка что-то нарисовала пальцем, – сказала тетя Тиа-Лиа. – Это все, что она сумела сделать. – Глаза ситхи снова закрылись, а рука бессильно упала и теперь свешивалась с края кровати, даже после таких небольших усилий. – Вчера вечером я заходила ее проведать, и мне показалось, что она спокойно спит.

Этан обошел кровать, чтобы взглянуть на сиденье деревянного стула.

– Что она нарисовала... это сердце?

– Я не знаю, чем еще это может быть. Возможно, она хочет, чтобы мы нашли лекарственное растение с листьями в форме сердца? – Телия поморщилась. – Я должна подумать. Возможно, в книгах моего мужа есть что-то...

Появилась Табата, которая принесла полное ведро воды, ей пришлось держать его двумя руками, она с большим трудом взобралась по лестнице и сильно вспотела.

– Кажется, у меня сейчас будет припадок, – мрачно сообщила она. – Я ударила ногу, когда поднималась наверх.

Тиа-Лиа рассеянно кивнула.

– О, бедняжка, как печально. Поставь ведро сюда – да, и ткань, – теперь можешь пойти куда-нибудь и заняться своими ранами. И, если у тебя начнется припадок, обязательно дай мне знать.

Когда девушка ушла, вполне довольная и резвая для того, кто сильно ушиб колено, подумала Лиллия, – ее тетя и монах протерли влажной тряпичей лоб и конечности женщины-ситхи. Когда они закончили и накрыли одеялом хрупкую стройную фигуру, Телия повернулась к монаху.

– Брат, – сказала она, – вы не сходите в мою комнату? Найдите там книгу моего мужа «Лекарства Сорвана» – да, кстати, прихватите еще экземпляр Патиллана. Возможно, мы найдем там лист в форме сердца.

– Но откуда нам знать, что она не ошибается относительно яда, леди Телия? Сегодня утром она бредила о ходящих горах!

– Мы даже не знаем, зачем она здесь, Этан, – сказала тетя Тиа-Лиа, и Лиллии показалось, что она немного рассердилась. – Стоит ли отказываться от мер, которые могут принести пользу? Мы должны сделать все, чтобы попытаться ее спасти.

– Конечно, она творение бога, что бы о ней ни думали некоторые. Я в этом не сомневаюсь.

– Дело не только в этом, глупец. – Тетя повернулась, и на ее лице смешались смех и неудовольствие. – На минутку представьте, что будет с моим мужем, если мы позволим ситхи умереть до того, как у него появится шанс с ней побеседовать? Сердце Тиамака будет разбито. Вы помните, что случилось с ежом, не так ли? А зверек был старым, сварливым, и у него осталось только три ноги. Однако когда он умер, Тиамак страдал со Дня святого Танато до самой весны. – Она состроила гримасу. – И я не утверждаю, что это одно и то же. Бедная женщина.

– Вы привели серьезный довод, миледи. – Брат Этан встал. – Я схожу за книгами.

Он с некоторым беспокойством улыбнулся Лиллии, проскользнул мимо нее за дверь, и Лиллия подумала, что монах немного побаивается тети Тиа-Лиа.

Внимания лорда-канцлера требовало слишком много вещей, чтобы он мог позволить себе просто так сидеть у окна, но он никак не мог от него оторваться. Внизу рыбацкие лодки усеивали озеро Кинслаг точно плавуны, потом ветер изменил направление, и он услышал крики рыбаков – не сами слова, но лишь хриплые голоса, когда они перекликались с лодки на лодку. До полудня оставалось два часа, однако небо затянули тучи и вода приобрела блестящий серый цвет, словно тарелка из сплава олова со свинцом.

Пасеваллеса посетил легкий приступ эгоизма: он подумал, что с сожалением уступит этот вид Эoleyру, когда камергер вернется. Вид из окна его собственных покоев частично закрывала Башня Священного Дерева. Ему нравилось стоять на вершине башни, но находиться так близко к ее стенам, когда остается лишь ограниченный, почти тюремный вид, отчего у него возникала тяжесть на сердце, а сцена казалась мрачной, как суд или даже наказание, не доставляло ему никакого удовольствия.

«Не нужно отвлекаться, – выругал он себя. – Фройе ждет ответа».

Он отвернулся от окна, испытывая разочарование, но вернулся к письменному столу и последнему письму своего информатора при дворе Наббана и принялся читать его во второй раз.

«Мой дорогой сэръ, вы не представляете, как больно мне писать об этом, но я не исполню свой долг перед вашей добротой, если не поставлю вас в известность, что здесь становится очень опасно.

Брат герцога, Друсис, как вы знаете, сделал нападения обитателей луговых земель на поселения Наббана причиной упреков. Он сетует на слабость брата на каждой встрече Доминиата. Конфликт вызывает большую тревогу, и не только в особняках знати, но даже на улицах, среди купцов, ремесленников и бедняков, так что иногда возникает ощущение, что люди не могут говорить ни о чем другом.

Друсис во многом прав, мой добрый лорд, когда предупреждает об опасности, исходящей от этого врага. Народ Наббана всегда боялся и ненавидел тритингов, у которых нет постоянных домов, деревень или ферм и которые немногим отличаются от дикарей. К тому же рейды всадников участились. В последние полгода они несколько раз наносили удары, сжигали урожаи и жителей деревень, а также атаковали арендаторов лордов, владеющих большими домами в приграничных районах. В том нет ничего нового, хотя количество жертв увеличивается. Видит бог, мы не ведем с ними войны, потому что тритинги многочисленны, к тому же они превосходные воины, хотя и плохо организованы. Они сражаются толпой и очень яростны, когда побеждают, но склонны быстро разбежаться и отступить, если встречаются серьезное сопротивление – вот почему Наббану и Эркинланду удавалось все эти годы удерживать их в луговых землях.

И, хотя они остаются серьезной угрозой, мое письмо к вам спровоцировали не рейды, а брат герцога. Друсис, несмотря на поддержку нескольких восточных и северных лордов в Доминиате, не может добиться преимущества в борьбе с герцогом Салюсером из-за недостаточной поддержки со стороны знати, чьи владения находятся далеко от пограничных земель тритингов. Его попытки заставить брата начать действовать всякий раз заканчивались неудачей.

В последнее время положение изменилось. Недавно у Друсиса появился могущественный союзник, чье состояние связано с Домом Ингадарин, который, как вы знаете, является вторым по значимости в Наббане после собственного герцогского Дома Бенидривина. Друсис и Далло Ингадарис встречались много раз, и ходят слухи, что скоро граф Далло объявит, что Друсис женится на его дочери.

Конечно, я не порицаю Дом Ингадарин. Я знаю, что половина крови Верховной королевы Мириамель из этой семьи, да и в венах Салюсера течет та же кровь. Но то, как обстояли дела в те дни, когда два дома были тесно связаны, сейчас уже не соответствует действительности. За последние годы все чаще и чаще между ними возникают конфликты, и уже ни для кого не является секретом, что Далло Ингадарис хочет, чтобы Доминиат, где его позиции сильны, имел больше влияния на правительство Наббана. А так будет только в том случае, если герцог Салюсер ослабнет, естественно, именно по этой причине Далло продемонстрировал расположение Друсису, предложив ему в жены свою дочь Туришо ...»

* * *

Пасеваллес не стал перечитывать остальное, где Фройе рассказывал о вещах, которые он ему поручил выяснить, большая их часть относилась к продолжавшейся борьбе между двумя ведущими торговыми союзами Светлого Арда, Синдикатом Пердруина и выскочками из Северного Альянса. Но ни одна из оставшихся новостей графа Фройе не имела такого значения, как приготовления к свадьбе Друсиса с дочерью Далло Ингадариса, которая заметно осложнит и без того запутанную ситуацию, беспокоившую Пасеваллеса уже несколько месяцев. Друсис слишком быстро набирал силу, и герцог Салюсер, казалось, относился к этому равнодушно или попросту ничего не мог противопоставить. Пасеваллес считал, что данное положение вещей может привести к катастрофе. Иногда он спрашивал себя: возможно, он помогал не тому брату?

Что можно предпринять? Король Саймон и королева Мириамель прибудут в Хейхолт только через две недели. От купцов, чьи корабли недавно вернулись с юга, до Пасеваллеса дошли слухи, что конфликт между двумя соперничающими Домами Наббана перешел в открытую и жесткую форму, с пьяными драками на улицах и едва не начавшемся мятежу в цирке Ларекса после гонок колесниц. Дом Ингадарин уже давно возмущался из-за власти, которую король Джон дал Дому Бенидривиса, а теперь сторонники Ингадариса, носившие эмблемы

Альбатроса и называвшие себя «Буревестниками», устраивали публичные драки с приверженцами герцога Короля Рыбака.

«Это вроде опрокинутой лампы, – подумал Пасеваллес. – Как погасить пламя, прежде чем оно выйдет из-под контроля?»

Однако Наббан являлся самой густонаселенной частью Верховного Протектората, и все его лидеры исторически отличались гордостью и упрямством. Что он может сделать, чтобы предотвратить быстрое распространение пожара?

«Я бессилен, – понял Пасеваллес. – Только королю и королеве по силам сделать то, что требуется. А их здесь нет».

Его мрачные размышления прервал стук в дверь. Стражник сообщил о приходе брата Этана, поэтому Пасеваллес сложил письмо и спрятал его в кошель.

– Простите меня за беспокойство, милорд.

– Ерунда, брат Этан. Я с радостью отвлекусь. Каковы новости?

Казалось, молодой монах смущен.

– Леди Телия навестила ситхи. Когда та сумела заговорить, она сообщила, что ее отравили, и мы полагаем, что это весьма вероятно. Прошел почти месяц с того момента, как в нее стреляли, а она все еще страдает от жестокой лихорадки.

– Какой яд может дать такой эффект, но не убить?

– Я не могу сказать, милорд. Мой опыт лежит в другой области, к тому же не забывайте у нас очень... *необычная* пациентка.

Пасеваллес не сумел сдержать улыбки.

– Это так. Но расскажи мне, как она себя чувствует сейчас.

– Большую часть времени она спит – с того момента, как леди Телия дала ей лекарство. Сейчас ее сон выглядит чуть более спокойным, но у нас нет уверенности. Она все еще очень слаба. Ситхи едва дышит, а ее грудь почти незаметно поднимается и опускается.

– Я буду молиться за нее, как, вне всякого сомнения, это делаешь ты. – Пасеваллес постарался рассеять бесконечные тревоги, осаждавшие его словно туча надоедливых мух. – Не хотите выпить вина, брат?

– Нет. Нет, благодарю вас, милорд. Мне нужно вернуться в монастырь Святого Сутрина для Нонамансы, и я не хочу, чтобы его преосвященство архиепископ Джервис уловил алкоголь в моем дыхании.

– Клянусь чашей святой Пелиппы, что же тебе следует пить? Только колодезную воду? Тогда тебя ждет короткая, печальная и нездоровая жизнь, разве не так?

Этан улыбнулся, но его улыбка получилась напряженной.

– Наверное, вы правы, милорд. Но мне бы хотелось поговорить с вами еще об одном. Это касается принцессы. Принцессы Иделы.

– Вот оно что. – Пасеваллес изо всех сил постарался сохранить веселое выражение лица. – Да, конечно. Я попросил тебя помочь разобраться с книгами ее мужа. Ты знал принца, Этан?

– Принца Джона Джошуа? Нет, лорд-канцлер. Я находился в аббатстве Святого Катмана в Мермунде, когда он нас покинул. Но я знаю, что молодого принца очень любили и он был замечательным ученым. – В выражении лица Этана появилось нечто странное, но Пасеваллес не сумел понять, в чем дело.

– Да, он был замечательным человеком, брат. Но бог не дал ему сильного тела, и он очень болел. Это одна из причин, по которой он так сильно увлекся книгами. Тома, собранные им, помогали ему отправиться в такие места, куда он не мог попасть из-за слабого здоровья.

Пасеваллесу хотелось вернуться к письму Фройе.

– Насколько его книги представляют ценность и стоит ли передавать их в новую библиотеку? Конечно, уже один тот факт, что они принадлежали принцу, придает им особую значимость, я полагаю, ведь библиотека создается в его честь.

– Да, милорд. Большая их часть интересна, но в них нет ничего необычного. Однако...

Этан смолк. Пасеваллес также услышал шум потасовки за дверью, его рука потянулась к висевшему на поясе кинжалу, но через мгновение он узнал один из голосов – высокий и пронзительный.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Лиллия, за которой тут же последовал растерянный эркингارد, который с тем же успехом мог поймать намазанную маслом змею.

– Пасеваллес! – закричала девочка. – Лорд Пасеваллес! Вы слышали новость?

– Я сожалею, милорд, – сказал краснолицый стражник. – Я боялся причинить ей вред и не мог остановить...

Пасеваллес махнул ему рукой, но, прежде чем стражник успел отступить, в дверях появилось еще одно лицо.

– Ах ты, вредный ребенок! – сказала графиня Рона. – Мирча любит тебя, ты быстра, как кошка! Я сожалею, лорд Пасеваллес, она убежала от меня.

– Вы слышали? – воскликнула Лиллия, подпрыгивая на месте от возбуждения. – Вы слышали? Бабушка и дедушка возвращаются!

Пасеваллес попытался разобраться в этом внезапном извержении.

– Что я слышал? Да, они скоро возвращаются. Возможно, через две недели...

Лиллия замерла на месте, и ее глаза широко раскрылись от важности сообщения и поразительного, замечательного незнания Пасеваллеса.

– Нет! Они *здесь*!

Он беспомощно повернулся к графине:

– О чем она говорит?

– На самом деле она говорит правду, лорд Пасеваллес. Только что появился курьер. Они еще не *здесь*, Лиллия, глупая девчонка, но уже очень близко. Курьер говорит, что прошлой ночью они остановились в Дальчестере, но сегодня двигаются по дороге домой.

– В Дальчестере? Значит, они будут здесь завтра вечером! Почему они так быстро вернулись?

Графиня Рона покачала головой:

– Курьер от короля и королевы ничего не сказал – во всяком случае, мне. Он ждет вас в нижнем зале. Вы спуститесь к нему?

– Конечно. – Пасеваллес встал. – Это превосходные новости! Брат Этан, мы продолжим наш разговор в другое время, хорошо?

– Да, милорд. – Выражение лица монаха показалось Пасеваллесу немного мрачным, но лорд-канцлер решил, что воспоминания о разговоре с принцессой-вдовой доставляли ему не слишком большое удовольствие.

«Возможно, он расстроен из-за того, что я использую его в качестве щита против принцессы Иделы. Впрочем, это несущественно».

Тревога Этана и то, что ее вызвало, подождет. Король и королева возвращаются – слишком рано, да, но Пасеваллеса это вполне устраивало. Однако теперь ему предстояло очень многое сделать, чтобы принять их дома, как они того заслуживают.

Глава 26. Внутренний свет

Порывы аврилского ветра трепали громко хлопавшие флаги на вершинах башен. «На таком можно развешивать одежду», – говаривала старая Рейчел Дракониха, старшая горничная во времена молодости Саймона. Он даже заметил несколько зеленых и золотых вымпелов, которые ветер вырвал из рук людей и уносил в небо, где они вступили в гонку с облаками. Рыночную площадь заполнили тысячи ликующих людей и сотни торговцев, продававших пиво и еду, а также – тут Саймон не сомневался ни минуты – определенного рода типы, собиравшиеся обчистить пару чужих карманов. Казалось, весь Эрчестер пришел приветствовать возвращавшихся домой короля и королеву.

– Ты можешь в это поверить? – спросил Саймон у жены.

Мириамель улыбалась, но такая улыбка появлялась у нее на губах, если ей приходилось участвовать в слишком долгом приеме, когда она была утомлена или встревожена.

– Во что поверить?

– В *это*. – Люди в толпе выкрикивали его имя, словно старые друзья, и Саймон никак не мог найти подходящих слов, чтобы объяснить Мириамель, насколько странно он себя чувствует. На нее всю жизнь смотрели, ею восхищались или презирали те, кого она никогда не встречала, ее одежду, и внешность, и даже выражение лица обсуждали незнакомцы с такой же легкостью, как если бы она жила с ними по соседству. – Ну ладно, в меня. Они пришли посмотреть на меня – поваренка. Потому что кто-то решил, будто я король, и они говорят: «Ну, тогда все в порядке. Да здравствует король Саймон!»

«Как Ринан, – подумал он, и перед его мысленным взором появилось бледное потухшее лицо юноши, как уже случалось множество раз за последние дни. Арфист не видел того, кто когда-то был смущенным, напуганным мальчишкой, как он сам, Ринан знал лишь взрослого мужчину. Короля. И делал то, что велел ему король. А теперь мальчик мертв и похоронен вместе с двумя дюжинами мужчин в поле, возле дороги Фростмарш. Из-за того, что верил...»

– Ты слышишь только крики, приветствующие короля? – спросила у него Мириамель.

– Я имел в виду нечто другое, моя дорогая, – сказал он Мириамель. – Понимаешь, ты к такому привыкла. – Он посмотрел на детей, которые едва не вываливались из окон верхних этажей, когда они покидали Рыночную площадь и выходили на Главную улицу, сделал глубокий вдох и постарался не думать об арфисте. – А я – нет. И никогда не привыкну. Что они *видят*?

– Они видят короля и королеву. Видят нас и знают, что все идет как должно и бог присматривает за нами. – Она оглядела море лиц. – Они видят, что один сезон сменит другой, пойдет дождь и вырастет новый урожай. Они видят, что есть люди, которые защитят их от злых вещей, которых они боятся.

– Ты говоришь так, словно сама не веришь в свои слова.

– О, Саймон, какое это имеет значение? – Мири посмотрела на него, перевела взгляд на толпу, и королевская улыбка снова заняла свое место. – Торжественное шествие, как в День святого Таната. Мы делаем вид, что заботимся о них, а они делают вид, что любят нас.

– Но они нас на самом деле любят, – сказал Саймон. – Разве не так?

– До тех пор, пока один сезон сменяет другой, идут дожди и растет ячмень, да. Но если начнется война и станут умирать их братья и сыновья, они будут винить нас.

Он посмотрел в ее мудрое, знакомое, любимое лицо.

– Ты напугана из-за того происшествия на дороге, не так ли? И из-за послания Белой Руки?

– Конечно, я напугана, да и тебе бы следовало бояться. Потому что тебя едва не убили, Саймон. Мы думали, что сумели навсегда оттеснить существ с бледной кожей в горы, но теперь

все начнется снова. Война с норнами едва не привела к нашей гибели, когда мы были молодыми и сильными, но сейчас все значительно хуже.

– Я также испугался из-за тебя, – сказал он, не совсем понимая, *что* защищает, но все еще чувствуя в этом нужду. – Я слышал твой голос перед тем, как они пошли в атаку. Я не знал, где ты находишься!

Мири коснулась его руки и некоторое время больше ничего не говорила.

Они проехали по широким улицам к площади Святого Сутрина. Здесь у огромной церкви толпа устроила настоящий праздник и громко приветствовала королевскую процессию, проезжавшую мимо. Играли музыканты, а те, кто сумел найти достаточно места, танцевали. Саймон и Мириамель остановились, чтобы обменяться приветствиями с архиепископом Джервисом и мэром Эрчестера, Томасом Ойстеркэчером, толстым, умным человеком, который позаботился о том, чтобы все увидели, как он поклонился королю и королеве – но не слишком *низко* – и получил ответное приветствие. Купцы и городское управление Эрчестера всегда яростно защищали свою независимость, даже в дни праздников. После поклона мэр выпрямился и помахал шапкой толпе, словно люди пришли встретить именно его.

– Выжимаешь последнюю каплю молока из груди, лорд мэр? – спросила у него королева, но тихо, чтобы ее слышали только сам мэр, король и архиепископ.

Высокие здания по обе стороны Главной улицы уже закрыли солнце, королевская процессия ехала по длинному, затененному коридору, и копыта лошадей шлепали по грязи. Солдаты в передних рядах сняли шлемы, чтобы показать свои лица, и махали толпе, где у многих были друзья и возлюбленные, которых они не видели с начала зимы.

– Посмотри на них, – сказала Мириамель, и в первый момент Саймон подумал, что она имеет в виду солдат, но потом понял, что она говорит о приветствовавших процессию горожанах Эрчестера. Главная улица выходила на Ворота Нирулаг и въезд в Хейхолт. – Половина из них знала только мирное время. Или только нас с тобой в качестве монархов.

– Но это, несомненно, хорошо. – Весь день его настроение оставалось скорбным, но мысли жены оказались еще более мрачными и вызывали тревогу. – Именно ради этого мы работали. Чтобы дать им мир и накормить. Все *хорошо*, Мири.

– Так было. Возможно, теперь будет иначе.

Он поджал губы и не ответил. Саймон уже давно понял, что иногда наступают моменты, когда он может только еще сильнее ухудшить ситуацию. «Она никогда не сможет забыть, что сделал с этими людьми и землей ее отец, – подумал он. – И, что еще обиднее, никогда не забудет своего отца».

Мгновение он думал о короле Элиасе в период его краткого расцвета, когда он въезжал в эти же ворота в день коронации, под теми же замечательными резными изображениями Престера Джона, созданными в честь одержанной им столетие назад победы над Адривисом, последним императором Наббана. Упадок древней южной империи начался намного раньше, но после победы Джона Наббан, прежде повелевавший миром, стал всего лишь частью империи Джона – владением, простиравшимся от островов теплого южного океана до мерзлых северных земель Риммергарда. А когда Джон наконец умер, дожив до весьма преклонного возраста, и отец Мириамель, красивый сын короля Элиас бескровно получил корону, короткое время империя оставалась мирной и богатой – и стабильной.

Но не прошло и года, как в Эрчестере возникло множество проблем, мужчины и женщины начали испуганно метаться в поисках сомнительных убежищ, дома рушились под тяжестью снега и пренебрежения, странные тени бродили по пустым ночным улицам. А Хейхолт вместе со своими гордыми башнями стал местом еще более пугающим, где шепотом передавались жуткие секреты, раздавались раздирающие сердце крики, но никто не пытался расследовать их причины, а убывающее население пряталось за запертыми после заката дверями.

В конце концов Мириамель пришлось убить собственного отца. Чтобы спасти его и остановить и, весьма вероятно, сохранить всем жизнь, но она никогда не говорила об этом, и Саймон старался не вспоминать о тех событиях.

«Но так больше не будет – мы этого не допустим. Мири должна знать, – думал Саймон. – Да, плохие вещи случаются, такова судьба смертных людей, но Мири и я... нам суждено жить счастливо».

Однако собственные мысли показались королю не слишком убедительными.

* * *

Если в Эрчестере развевались флаги и бурлили радостные толпы горожан, то в самом замке все выглядело заметно спокойнее, хотя придворные и слуги не скрывали удовольствия от возвращения монархов. Саймон, Мириамель и остальные придворные спешили в Наружном дворе, большая часть солдат разошлась по казармам, но королевская стража продолжала окружать короля и королеву. Саймон изо всех сил старался выглядеть довольным, когда высокопоставленные придворные один за другим подходили, чтобы приветствовать королевскую чету и радушно пригласить их в замок.

Последним, с церемониальными ключами от Хейхолта в руках, стал сам лорд-канцлер Пасеваллес. Он преклонил перед ними колено, протянул шкатулку с ее сверкающим содержимым и сразу поднялся. В его соломенного цвета волосах все еще не появилось седины, с некоторой завистью отметил Саймон, хотя Пасеваллес был всего на несколько лет младше.

– Боюсь, нам нужно многое обсудить, – сказал Пасеваллес. – Конечно, я понимаю, что ваши величества устали...

– Нет, вы правы, лорд-канцлер, – ответил Саймон, и Мири кивнула. – Есть вещи, о которых нам следует узнать немедленно. На самом деле мы поедим и немного отдохнем, а потом, когда часы пробьют два, мы с королевой ждем тебя в Большом зале. Граф Эoleyр и герцог Осрик также должны прийти. Да, пожалуйста, позаботься, чтобы присутствовал принц Морган.

– Конечно, ваше величество. – Однако Пасеваллес выглядел смущенным.

– Что-то не так, лорд-канцлер? – спросила Мири.

– Просто... слишком много всего произошло за время вашего отсутствия. – Он наклонился вперед и заговорил, приглушив голос, хотя остальные придворные находилась на значительном расстоянии. – К нам вроде бы пожаловал... посол ситхи.

– От Джирики и Адиту? В самом деле? – Саймон явно удивился и почувствовал, как сердце забилося быстрее – это была очень хорошая новость. – Превосходно! Где он? Мири, ты слышала?

– Я слышала. – Но королева смотрела в лицо лорд-канцлера и увидела там то, чего не заметил Саймон.

– Но это еще далеко не все, верно? Ты сказал: «вроде бы»?

Пасеваллес кивнул.

– Да, ваше величество. Посол не *он*, а *она*. Кто-то попытался ее убить. Мы еще не знаем, добился он своего или нет, она находится в тяжелом состоянии.

После возвращения королевской четы в конюшнях стало шумно – лошади, конюхи, мальчишки, уборщики и, конечно, несколько дюжин оруженосцев ревностно приглядывали за великолепными лошадьми своего господина или госпожи. Вернувшиеся животные фыркали и громко ржали, когда их вели в прежние стойла, словно приветствовали старых друзей и родственников, остававшихся дома.

При других обстоятельствах, в особенности после долгой утренней прогулки, Морган с радостью предоставил бы своему оруженосцу Мелкину позаботиться о Каване, но мерин захро-

мал во время последней части путешествия через Эрчестер, и Морган хотел проследить, чтобы с лошадыю обошлись надлежащим образом. Он увидел одного из конюхов и поманил его к себе.

– Да, ваше высочество? И добро пожаловать домой, принц Морган.

– Устрой моего Кавана. – Морган похлопал мерина по шее. – У него не в порядке правая передняя нога. Возможно, под подкову попал мелкий камешек, но я не сумел его найти.

– Я попрошу кузнеца его осмотреть, ваше высочество, – с поклоном сказал конюх и взял поводья. – Здесь полно сладкой летней травы, так что не беспокойтесь за него.

Пока Морган наблюдал за конюхом, который вел лошадь через толпу кривоногих мужчин и сновавших туда-сюда мальчишек, что-то так сильно ударило его сзади по ногам, что колени у него едва не подогнулись, но уже в следующее мгновение две руки обхватили его за пояс и сжали. Охватившая Моргана паника тут же исчезла, как только он услышал знакомый голос:

– Я так на тебя сердита! Ты обещал отправлять мне письма, но совсем не писал!

Морган попытался оторвать от себя сестру, но она уже обежала вокруг него и принялась цепляться за тунику и наступать ему на ноги, словно собиралась забраться на него, как на дерево.

– Подожди. Подожди! – рассмеялся он. – Я тебе писал. – Морган наклонился, поднял Лиллию на руки и прижал к себе. – Ты стала тяжелее. Наверное, пробиралась на кухню и таскала конфеты? Неужели никто за тобой не присматривал? – Он слегка отодвинул ее от себя, хотя она так извивалась, что Морган с трудом удерживал ее на руках. Она заметно повзрослела, и это его поразило, лицо Лиллии стало более вытянутым и худым, хотя она и состроила гримасу. – И ты потеряла зуб, Лил! Теперь ты выглядишь как старая нищенка!

Она попытался стукнуть его по голове, но Морган увернулся.

– Ты написал всего одно письмо, Морган, – сказала она, – ужасно давно – в месяце фейервер! Я знаю, потому что получила его сразу после Праздника свечей. Бабушка и дедушка присылали мне много писем королевской почтой, и дядя Тимо, а ты только одно! – Лиллия посмотрела на него с мрачным выражением, впрочем, ее лицо тут же посветлело. – А ты знаешь, что у нас в замке зитер? Она едва жива, но тетя Тиа-Лиа сказала, что она настоящая фейри.

Морган не понял, о чем говорит сестра, но не сумел сдержать смех.

– Я скучал по тебе. И сожалею, что не писал больше. – Он обнял сестру и поцеловал ее в щеку, но она продолжала сопротивляться. – А теперь я ужасно хочу есть. Ты мне можешь помочь?

– Глупый. – Она бросила на него взгляд, настолько переполненный одновременно возмущением и любовью, что именно в это мгновение Морган почувствовал, что он действительно вернулся домой. – Тебе не нужна помощь. Кто-нибудь тебе принесет. Ты принц.

– О да, ты права. Я забыл. Ладно, тогда я приказываю тебе пойти и отыскать для меня какой-нибудь еды, чтобы я мог утолить голод.

Она покачала головой:

– И это тоже глупые слова. Я принцесса. Я не должна.

– Тогда мне придется тебя похитить и заставить выполнять мои приказы! – Он внезапно наклонился, подхватил ее за талию, поднял и перебросил через плечо. – Поймана жестоким гигантом! Принцесса-поросенок теперь обречена!

Она перестала отбиваться и завизжала.

– Гигант! Я забыла! Один из солдат рассказал нам, что вы встретились с гигантом, и рыцари с ним сражались! Это правда, Морган? Ты действительно сражался с гигантом?

По лицу Моргана пробежала тень, на мгновение испортив радость от встречи с сестрой, и он аккуратно поставил ее на усыпанный соломой пол.

– Тебе не о чем беспокоиться, – сказал он ей. – Я не видел никаких гигантов.

– Мы так скучали! Должно быть, вы рады вернуться домой, ваше величество. Теперь вы снова там, где все можно делать должным образом. – Леди Тамар, жена барона Эйнсберри, от которой пахло фиалковым корнем и совсем чуть-чуть потом (стало довольно тепло), принялась зашнуровывать корсет Мириамель.

Хрупкое здоровье молодой женщины не позволило ей отправиться на север.

– О да, замечательно.

Однако после сравнительной свободы в течение нескольких месяцев путешествия, проведенных в седле, Мириамель совсем не спешила вернуться к формальной одежде, которой требовало участие во Внутреннем совете. Она и в лучшие времена не любила носить корсет, теперь же у нее возникло чувство, будто ее заколачивают в гроб.

Женщины быстро надели на нее драгоценности и тяжелый головной убор. Леди Тамар, которая обнаружила, что беременна, как раз в тот момент, когда королевская процессия отправилась в Риммерсгард, уже заметно округлилась.

– Вы так красивы, моя королева, – сказала Тамар, глядя на работу придворных дам. – Как ваш муж должен вами гордиться!

Мириамель только вздохнула. Она чувствовала себя как статуя святого, которую готовят к религиозным праздникам. В разговор вмешалась леди Шуламит.

– С вашего разрешения, ваше величество, могу я привести в порядок ваше лицо? Прошу меня простить, но у вас кожа покраснела от солнца.

– О да, конечно.

Эту процедуру Мириамель также ненавидела, но терпела в особых случаях – в те моменты, когда ей требовалось выглядеть как настоящая королева. Она наморщила нос, уловив уксусный запах отбеливателя, но позволила молодой женщине его нанести и почувствовала, как он сушит и без того сухую кожу, когда леди Тамар передала ей зеркало. Было довольно трудно его поднять так, чтобы увидеть собственное отражение, когда рядом находились три женщины, а четвертая неуклюже возилась у щиколоток, надевая туфли ей на ноги. Когда королеве наконец удалось разглядеть свое белое, как у призрака, лицо, она едва не уронила зеркало.

– Нет! – сказала она. – Нет. Уберите это.

– Что? Что убрать, ваше величество?

– Краску с лица. Я не буду так выглядеть. Не сегодня. – Из зеркала на нее смотрели не знакомые черты стареющей женщины, а отвратительное привидение, которое выскочило к ней из темноты рядом с Северной дорогой, похожие на трупы лица убегающих норнов. – Немедленно, Шуламит. Я похожа на Белых Лис.

Дамы были настолько изумлены, что с трудом сумели скрыть свои удивленные взгляды, но леди Шуламит тут же принялась снимать свинец и уксусный отбеливатель при помощи куска влажной ткани.

У Мириамель так сильно дрожали руки, что ей пришлось их стиснуть и положить на колени. Она понимала, что ее дамы пребывают в недоумении. Как они могли знать, чему она стала свидетельницей, что чувствовала? Те, что сопровождали ее в Элвритсхолл, сидели в палатках под охраной, когда норны с боем пробивались вниз по крутому склону холма, в то время как сама Мириамель находилась в темноте, в хаосе, среди мечущихся солдат и лошадей и пыталась отыскать мужа.

Ее дамы ничего не видели, кроме встревоженных лиц подруг, их всех собрали в королевском шатре, чтобы они там дождались окончания страшного нападения норнов. Но их королева не могла забыть жуткое чудовище, которое продиралось к ней сквозь деревья, точно гигант-людоед из далекого прошлого, когда эти ужасные существа бродили по земле, а люди могли лишь прятаться и молить небеса о спасении.

Хватило бы одного гиганта, но эти женщины и представить не могли, как скакали норны вслед за ним, прижимаясь к шеем своих темных лошадей, и их лица казались в ночи погреб-

бальными масками, они кричали и смеялись, прорываясь сквозь ряды смертных, превосходящих их числом в десять раз, а потом исчезли в степях, начинавшихся за дорогой, оставив распростертые тела тех, кто не успел убраться с их пути.

«Нет, – решила Мириамель. – Я не пойду на совет с лицом, как у этих демонов».

– Давайте, убирайте все белое, – заявила она. – Пусть я буду загорелой, как обычная крестьянка. И замените черную мантию на голубую, со звездами, похожую на вечернее небо. Да, мы продолжаем скорбеть по герцогу Изgrimнуру, но сегодня я должна надеть что-то другое.

Ее дамы, так и не поняв странного настроения королевы, поспешно повиновались.

* * *

Мири удивилась, увидев, что муж ждет ее у входа в тронный зал.

– А где остальные? – спросила она. – Почему ты тут стоишь?

– Потому что я хотел войти вместе с женой – моей королевой. – Он улыбнулся, но Мириамель почувствовала, что он, как и она, испытывает тревогу. – Я ходил навестить посла ситхи.

– Она говорила с тобой?

Он покачал головой:

– Телия сделала все, что было в ее силах, и ситхи отдыхает, но она едва может шевелиться. Мне сказали, что она слабеет с каждым днем.

– И мы ничего не можем для нее сделать?

– Я очень надеюсь, что сможем. Нам нужно отправить ее домой, Мири. У них есть целители, которым известно больше, чем Тиамаку или его жене, в особенности когда нужно лечить ситхи.

Теперь пришел черед Мириамель покачать головой.

– Клянусь святой Элизией! Я так надеялась, что у нас будет несколько дней для отдыха, чтобы все спокойно обдумать и обсудить нападение норнов и послание на стреле. Но мне бы следовало знать, что рассчитывать на покой не приходится.

– Да, моя дорогая, такой надежды нет.

Она вздохнула:

– Ты видел нашу внучку?

– Да, но совсем недолго. Клянусь, Лиллия выросла на целую ладонь за то время, что нас не было. Она сразу же отругала меня за то, что я отправляюсь на совет, поэтому я обещал посмотреть, как она ездит на пони, позднее. – Он предложил Мири руку. – Теперь мы можем войти, дорогая? Остальные уже нас ждут.

Большой тронный зал привели в порядок, знамена почистили по случаю возвращения Верховных короля и королевы, но после месяцев, проведенных в путешествии, он показался Мириамель почти незнакомым. Огромное кресло из костей дракона – знаменитый трон Престера Джона – стояло на возвышении в одном из концов зала, освещенное яркими лучами солнца, льющимися из высоких окон, но задняя его часть оставалась в тени нависающего огромного черепа дракона Шуракаи, являвшегося средоточием грандиозной лжи. Король Джон утверждал, что он убил дракона, но на самом деле его поразил предок Саймона Эльстан, Король Рыбак.

По этой, а также по другим причинам Саймон не любил старый трофей, и его даже на некоторое время вынесли из большого зала: в течение года или даже больше огромный трон стоял во дворе под открытым небом, отданный на волю стихий. Но, в отличие от Саймона, народ Эркинланда испытывал к нему совсем другие чувства, и со временем король сдался и позволил вернуть трон на почетное место в зале. Тем не менее ни он, ни его жена никогда на него не садились. Мириамель понимала, трон означал для простых людей, что преемственность сохраняется, но она ненавидела воспоминания о последних безумных годах своего отца.

«В любом случае, – напомнила она себе, – нас двое, король и королева, мы правим вместе, пусть часть придворных иногда об этом и забывают. Один трон не подходит для нас».

И на нее вдруг накатила волна благодарности к мужчине, на руку которого она опиралась, кухонному мальчишке, ставшему ее мужем.

«Я пыталась не пускать его в свое сердце, – подумала она. – Святые тому свидетели, как я пыталась! Я не хотела такой жизни для него. Меня растили для выполнения обязанностей, которые никогда не кончаются, – он должен был получить лучшую судьбу. Но благодарение Богу, что он у меня есть!»

Она сжала руку Саймона. Он не мог знать, о чем она думала, но Мириамель ощутила ответное пожатие.

* * *

Длинный Пелларинский стол, подарок императора Наббана Пеллариса королю Тестейну, покорителю Эрнистира, который быстро добавил Эркинланд к своим владениям и последние несколько лет жизни использовал Хейхолт в качестве одной из королевских резиденций, стоял у края помоста. Он столетиями находился в замке.

За ним сидело более дюжины членов совета, самое представительное собрание с тех пор, как Мириамель и Саймон начали править Эркинландом и Верховным Протекторатом. Вокруг сновали слуги.

Слева от пустого кресла Саймона сидел граф Эoleyр, Мастер Престола, который погрузился в изучение почты и сначала не заметил, что король и королева вошли в зал. Справа расположился Пасеваллес, лорд-канцлер, пришедший с собственной деревянной коробкой с письмами. С другой стороны, рядом с креслом Мириамель, почетное место занимал Осрик, лорд-констебль и герцог Фальшира и Вентмута, а также отец вдовы Джона Джошуа Иделы. Мириамель не особенно нравилась вдова сына, но к самому Осрику, осторожному и разумному землевладельцу, прославившемуся во время Второй войны тритингов еще до рождения дочери, относилась лучше.

По обе стороны от короля и королевы сидели еще несколько их друзей и придворных: Тиамак, сэр Кенрик и его военачальник, сэр Закиель, известные офицеры Эркинланда; его преосвященство, архиепископ Джервис из собора Святого Сутрина, представлявший верховную религиозную власть Эркинланда, обычно благосклонный и изредка полезный человек, отвечавший также за раздачу королевской милостыни. Кроме того, за столом находились лорд Феран, конюший и церемониймейстер; граф Роусон из Гленвика, которого Саймон и Мириамель между собой называли Роусон Неотвратимый.

Граф являлся главой одной из самых могущественных семей Эркинланда – и был среди первых сторонников старого короля Джона, – а потому его приходилось включать даже в самый узкий круг представителей власти, несмотря на то, что он отличался невероятным упрямством и полным отсутствием любознательности. Саймон относился к нему немного лучше – еще одна причина, по которой Мириамель считала, что ее мужу так же повезло с женой, как ей, когда она за него вышла: она оставалась единственной защитой от его неизменной слабости – излишней доброты. Саймон не умел сказать «нет» даже самым неряшливым и ленивым бездельникам.

В дальнем конце длинного стола, из-за чего они казались еще меньше, сидели Бинабик и Сискви, на которых бросали любопытные взгляды те, кто не побывал на севере вместе с королевской четой. Рядом с ними расположился Тиамак, но его жена отсутствовала, она ухаживала за раненой ситхи. С радостью и облегчением Мириамель увидела свою дорогую подругу, графиню Рону. Королева и король ценили здравый смысл графини, а вещи, которые им предстояло обсудить сегодня, требовали присутствия рассудительных людей. Кроме того, Мириамель

хорошо знала, что графиня замечает детали, находящиеся вне сферы интересов мужчин-придворных.

Однако королеву огорчило, что ее внук не пришел на совет, и она надеялась, что ее муж не обратит на это внимания. Он и без того сердился на Моргана за многочисленные проступки, совершенные во время путешествия на север.

Саймон бросил на жену многозначительный взгляд, и сначала Мириамель подумала, что он догадался, о чем она думает, но почти сразу сообразила, что ошиблась, когда король повернулся к Эoleyру.

– Я знаю, что ты озабочен другими вещами, старый друг, – тихо заговорил Саймон. – Но ты нам нужен здесь. Сегодня мы с королевой просим тебя вести Внутренний совет.

Лорд-распорядитель кивнул:

– Конечно, ваше величество.

Мириамель не могла ему не сочувствовать, она понимала, чего стоило ему отказать в помощи королеве Инавен. Тридцать с лишним лет Эoleyр служил Верховному Престолу – он отказался от всех титулов и наград, он мог и ему следовало занять трон Эрнистира после войны Короля Бурь – во всяком случае, Мириамель считала именно так и знала, что Саймон с ней согласен. Несомненно, в Верховном Протекторате не нашлось бы лучшего политика, который принес бы ему столько же пользы.

«Саймон слишком добр, а Эoleyр слишком послушен долгу, ему всегда не хватало здоровой толики эгоизма, и это одна из его главных проблем», – подумала она.

Мириамель сама предложила, чтобы заседание совета вел именно он. Она знала, что граф испытывает боль из-за того, что не сумел прийти на помощь королеве Инавен, а от своего деда и отца Мири знала, что лучший способ привлечь утраченное внимание полезного человека – поручить ему важное дело. Как жаль, что ее отец забыл эту мудрую истину, которой его научил собственный отец!

– Слушайте все! – возвестил герольд по сигналу Мириамель и стукнул посохом по каменным плитам, прервав негромкие разговоры сидевших за столом людей. – Его величество король и ее величество королева взывают к вашему вниманию!

– Мы благодарим милосердного бога за то, что все благополучно вернулись домой, – заговорил Саймон, когда в зале воцарилась тишина. – Мы рады возвращению в Эркинланд. Мы бы предпочли более счастливые и спокойные времена, но следующая неделя будет очень непростой для всех нас. В следующий дордрень состоится мемориальная манса в честь герцога Изгримнура, нашего дорогого друга. – На мгновение тень улыбки промелькнула по его губам. – И это правильно, я полагаю. И, хотя Изгримнур всегда был хорошим эйдонитом, он не утратил привычку вспоминать имена старых богов, когда бывал чем-то огорчен.

Те немногие, кто знал старого герцога, рассмеялись, остальные кивнули. Известие о смерти Изгримнура пришло вместе с другими письмами из Элвритсхолла более двух недель назад, поэтому слова короля не вызвали удивления.

– В следующий фрейдень, после мемориальной службы, состоится Великий совет, на котором нам предстоит многое обсудить. Большинство из вас уже слышали истории о нападении на королевскую процессию после того, как мы покинули Риммерсгард. События в Наббане, как ясно дал понять лорд Пасеваллес, также требуют нашего внимания, а кроме того, все, что связано с прибытием к нам посла ситхи.

Сэр Кенрик и часть из тех, кто находился с королем и королевой на севере, удивленно переглянулись.

– Ваше величество, пожалуйста, – сказал капитан, – неужели, после стольких лет, мы получили послание от ситхи?

– Как я уже сказал, мы поговорим об этом на Великом совете, – сказал король. – Сегодня нам предстоит обсудить более срочные вопросы. Лорд-камергер, предоставляю вам слово. –

Саймон указал на Эoleyра. – Расскажите о том, что случилось, и вместе мы постараемся понять, что происходит. Кроме того, я хочу просить вас о том, чтобы все, о чем пойдет разговор, не вышло за стены данного зала – ведь здесь собрались люди, приближенные к трону, наши ближайшие друзья и самые надежные союзники.

– Но о нападении белокожих уже стало известно в Эрчестере, ваше величество, – сказал граф Роусон с видом человека, который скоро повсюду наведет порядок.

– Да, о нападении знают многие, – сказала Мириамель, которую, как всегда, раздражала самоуверенность графа. То, что он являлся потомком одной из старейших семей Эркинланда, не давало ему права прерывать ее мужа. – Но некоторые подробности известны лишь немногим – важные подробности. Несомненно, вы бы хотели их узнать, граф, чтобы ваши неизменно превосходные советы основывались на фактах...

Роусон редко понимал ее иронию, что раздражало Мириамель едва ли не больше всего. Он расправил плечи и погладил бороду, показывая, что не сомневается в собственной мудрости.

– Конечно, ваше величество, у меня лишь одна цель: служить Верховному Престолу.

– Тогда позвольте мне ознакомить вас с фактами, милорды, – сказал Эoleyр.

Как всегда, Эoleyр говорил сжато, тщательно подбирая слова, излагая лишь то, что он точно знал, и не делая никаких предположений. И все же, несмотря на стремление Эoleyра к правде, он умолчал про историю леди Альвы о норнах и трупах ситхи в далеком Энгни. Саймон и Мириамель согласились, что слишком рано рассказывать об этих событиях всем, потому что некоторые придворные могут решить, что конфликт произошел между двумя кланами бессмертных, и откажутся отнестись серьезно к другим признакам опасности. Большинство из них никогда не понимало и не верило в дружбу своих правителей с фейри, как они их называли.

– Те из нас, кто был на Северной дороге, согласились, что никогда не видели гиганта таких размеров, – закончил Эoleyр. – Вдвое выше любого человека и в десять раз тяжелее.

– Значит, фейри их откармливают? – спросил герцог Осрик. – Это очень плохо. Мне рассказывали, что во время прошлых сражений мы теряли не менее дюжины человек, чтобы убить одно чудовище.

– Мы не знаем ответа на данный вопрос, ваша светлость, – сказал Эoleyр. – Но даже если Белые Лисы разводят чудовищ, словно охотничьих собак или лошадей, не это является нашей главной проблемой. – Он развернул испачканный кровью пергамент. – После того как норны сбежали от нас, они устремились на восток, как нам удалось выяснить, но один из солдат сэра Кенрика нашел это на дороге. Архиепископ, вы узнаете язык?

Джервис встал, подошел поближе и наклонился, опираясь на кресло Эoleyра, чтобы изучить пергамент.

– Руны Риммергарда! – сказал он. – Зачем норнам их использовать?

– Потому что, как объяснил лорд Тиамак, ваша милость, – ответил ему Эoleyр, – в самом сообщении – а это действительно сообщение – написано, что составил его не норн, а человек, который путешествует вместе с ними, быть может, как пленник или раб. Тиамак?

Вранн медленно вышел вперед. Его хромота, приобретенная в те дни, когда Мириамель с ним познакомилась, заметно усилилась за прошедшие годы. Тиамак рассказал Внутреннему совету о древнем происхождении рун, а потом прочитал сообщение вслух. Когда он закончил, в зале надолго воцарилось молчание.

– Сплошное вранье, – наконец заявил граф Роусон. – Проклятая ловушка, которую придумали белокожие, чтобы лишить нас бдительности.

– Такое возможно, милорд, – кротко ответил Тиамак. – Но если они хотят нас обмануть, зачем выдумывать историю, которая заставит нас насторожиться? И зачем придумывать такой странный способ доставки сообщения, когда они могли просто оставить его в лагере?

– Имя Ярнульф ничего мне не говорит, но до меня доходили слухи о Белой Руке, – заговорил герцог Осрик. – В северных землях, а иногда даже на юге рассказывают легенду об отряде разбойников с таким названием, которые охотятся на норнов и убивают их всякий раз, когда те пересекают границы земель смертных. Но мне кажется, более вероятно, что это лишь воспоминания о древнем герое вроде Джека Мундвода и его отряда.

– Возможно, так и есть, – сказал король. – Или это старое имя, которое взял кто-то новый – тот, кто затаил обиду на норнов. Тиамак, покажи нам, что еще было вместе с посланием.

Тиамак кивнул, вытащил какой-то блестящий предмет из внутренних складок свободной мантии и положил его на стол. Все члены совета, не видевшие ничего подобного прежде, наклонились вперед, чтобы его рассмотреть.

– И что это такое? – спросил Осрик. – Я не узнаю эмблему.

– Я не удивлен, – сказал Тиамак. – Мы храним в тайне наше членство и редко рассказываем о своих делах.

– *Мы?* – спросил архиепископ Джервис. – Вы хотите сказать, что каким-то образом связаны с этим человеком, лорд Тиамак? С тем, кто отправил нам послание?

Тиамак повернулся к Саймону и Мириамель:

– Какую часть истории мне следует рассказать, ваши величества? Ведь она довольно длинная.

– В том объеме, какой ты считаешь нужным, – ответила Мириамель. – Столько, сколько необходимо, чтобы члены Внутреннего совета поняли, почему к посланию следует отнестись серьезно.

Тиамак кивнул и провел рукой по темным редеющим волосам.

– Во-первых, благородные лорды и леди, сами того не зная, вы уже встречали нескольких человек, которые принадлежат к группе, использующей данный знак, – Ордену манускрипта. – Он показал в конец стола. – Как и я, Бинабик из Иканука является членом Ордена с тех самых пор, как его магистр вручил ему такую же эмблему еще в те времена, когда началась война Короля Бурь.

Бинабик протянул руку к вороту домотканой рубашки и вытащил блестящий предмет, который поднял вверх своими короткими толстыми пальцами.

– И с тех пор я с гордостью его ношу, – сказал тролль. – Орден сделал очень много, чтобы сохранить и защитить мир и мудрость от тех, кто не ценит ни то, ни другое.

– Прошу прощения, лорд Тиамак, – сказал архиепископ Джервис, – но у меня это вызывает тревогу. Вы хотите сказать, что являлись членом тайной гильдии, оставаясь советником Верховного Престола? И что все его члены иностранцы?

Тиамак покачал головой.

– Если под «иностранцами» вы имеете в виду тех, кто выглядит не так, как вы, ваше преосвященство, то ответ «нет». Более того, в течение многих лет до своего исчезновения сам принц Джошуа, юный сын короля Джона, являлся одним из членов нашего Ордена. И если Джошуа жив, да хранят его небеса, возможно, он все еще носит этот символ. – Тиамак вежливо улыбнулся. – Но наша тайная гильдия, как вы ее называете, гораздо ближе к дому, чем кажется. Мой друг отец Стрэнгъярд также в ней состоял. Я полагаю, вы его помните?

– Стрэнгъярд? Королевский капеллан? – Теперь Джервис выглядел окончательно сбитым с толку. – Конечно, я его помню и все еще скорблю о его смерти. Замечательный, благочестивый человек. Что вы хотите сказать? Что за таинственное общество?

– Если их величества мне позволят, я объясню, – сказал Тиамак. – Членами Ордена манускрипта являются ученые, объединенные клятвой оберегать мудрость и знания. Это великая честь, но также и тяжелая обязанность, часто смертельно опасная, ведь иногда сохранить мудрость можно, только вступив в сражение с теми, кто хочет снова погрузить мир во мрак. Несколько членов нашего Ордена погибли во время войны Короля Бурь. Но, несмотря на все

опасности, нельзя взять и попросить о вступлении в Орден, как люди просят о королевской милости. Место в Ордене может быть даровано лишь нынешними Хранителями манускрипта – так мы сейчас называем себя, – нередко такое происходит, когда один из хранителей понимает, что его жизненный путь подходит к концу. Если возможно, такая же сияющая эмблема, какую вы сейчас видите, передается новому члену Ордена. Вы видели эмблему, принадлежащую Бинабику, дар его магистра. Я получил свою от доброго эйдонита, отца Динивана из Наббана, когда тот погиб от рук самого Прайрата, Красного священника, защищая Ликтора.

– Отец Диниван? Секретарь Ликтора Ранессина? – Джервис был удивлен, когда узнал, что к Ордену имеет отношение еще одно духовное лицо. – Я его хорошо помню!

– Да, Диниван. А Стрэнгъярд получил свою эмблему от Ярнауги из Тунголдира, когда этот достойный и мудрый человек остался и отдал свою жизнь, чтобы Джошуа и остальные могли спастись из Наглимунда, когда все казалось потерянным.

– Подождите минутку, – сказал герцог Осрик. – Вы сказали «Ярнауга»? Но того, кто отправил стрелу, зовут Ярнульф, очевидно, он также риммер. Быть может, родственник того человека, которого вы знали?

Тиамак покачал головой:

– Я никогда не встречался с Ярнаугой, потому что не бывал в Наглимунде, в замке Джошуа, когда туда пришел Ярнауга. Однако Стрэнгъярд был о нем очень высокого мнения, в особенности если учесть, как мало времени они провели вместе. Что касается вашего вопроса, эта мысль приходила в голову и мне, и Бинабику. Но у нас нет ответа. Возможно, у Ярнауги имелись родственники, но никаких записей о них не сохранилось. Стрэнгъярд никогда о них не упоминал, а собственный кулон Ярнауги с эмблемой Ордена висит у меня на шее. – Тиамак засунул руку под мантию, достал еще один кулон, аккуратно снял его с цепочки и положил на стол рядом с первым. – Однако, судя по письму, Ярнульф принадлежит к племени риммеров, очень давно поработанных норнами. Ярнауга из Тунголдира происходил из свободных риммеров, наших союзников, которых возглавлял герцог Элвритсхолла и которые находились под управлением Верховного Престола.

– Если Ярнульф является членом вашего Ордена, кто его туда принял? – спросил Осрик. – Кто дал ему кулон?

– Прошу прощения, милорд, но вы слишком спешите. Тут имеются и другие странности. Вы видите, что кулоны почтенного тролля и мой из золота? А этот – нет. Откровенно говоря, я никогда не слышал, чтобы Орден делал эмблемы из серебра, даже в самые ранние периоды своего существования. Но меня удивляет и кое-что еще, – сказал Тиамак. – Мы с Бинабиком тщательно изучили кулон Ярнульфа и сделали интересное открытие. – Он взял собственную цепочку и ту, что находилась в послании Ярнульфа, и протянул их герцогу. – Посмотрите внимательно и расскажите, что вы видите.

Осрик поднес их к глазам и прищурился.

– Я ничего не вижу. Возможно, новый сделан не так тщательно.

– Вы правы, милорд. А теперь переверните его.

Осрик приподнял бровь и сделал то, о чем его попросил Тиамак.

– Я не вижу ничего существенного.

– Совершенно верно. А теперь посмотрите на мой кулон. Переверните его.

Некоторое время герцог разглядывал цепочки и кулоны, а потом нахмурился.

– На твоём кулоне есть надпись, но такая мелкая, что ее невозможно прочитать.

– На нем надпись, потому что на кулоне члена Ордена она должна быть, – сказал Тиамак. – Это крошечные буквы «POQM», которые соответствуют словам на языке Наббана: «*Podosorbiem, quilmetinit*» – «*Тот, кто помнит, может заново создать мир*».

– Но на эмблеме, которую нам прислал Ярнульф, такой надписи нет, к тому же она из серебра, а не из золота. Что все это значит? – спросил Саймон.

– Больше всего мы боимся, что письмо прислано не истинным членом Ордена манускрипта, герцог Осрик, – объяснил Бинабик. – Или кулон не является настоящим.

– Девиз восходит к предку короля Саймона, Эльстана, Короля Рыбака, – сказал Тиамак. – Того, что основал Орден. Таковы наши убеждения, и вы найдете эти буквы на кулоне Бинабика, а также у Джошуа, где бы он ни находился, и у леди Файеры из Пердруина. Мы последние члены Ордена манускрипта.

– Последние? – спросил архиепископ Джервис.

Казалось, он испытал облегчение.

– Мы потеряли многих самых мудрых, а те из нас, кто все еще верен Ордену, ищут новых достойных кандидатов. Я должен признать, что мы, члены Ордена, позволили себе отвлекаться на другие вещи в мирные годы. Но сейчас... пожалуй, достаточно сказать, что нужда в существовании Ордена снова не вызывает сомнений.

– Но почему? – резко спросил граф Роусон. – Я не все могу понять, но нападение дюжины проклятых Белых Лис и одного гиганта еще не конец света. Почему вы ведете себя так, будто небо готово обрушиться на ваши головы? И что за чушь вы несете про какой-то орден, хранителей манускрипта и все такое?

– Из-за того, что написано в послании Ярнульфа, милорд. – Лорд Эoleyр долго молчал, и даже для Мири его слова оказались неожиданными. – Некто утверждает, что он как-то связан с Орденом, или намекает на это и говорит, что королева норнов пробудилась и хочет нам отомстить. Но мы имеем дело не только со словами! Есть еще кое-что, о чем мы не успели вам сообщить, – нечто важное, рассказанное нам нашим старым другом и его женой. – Шепот в зале моментально стих. Эoleyр посмотрел на короля и королеву, испрашивая разрешения говорить дальше. Королевская чета обменялась взглядами, и Мириамель кивнула. – Благодарю вас, ваши величества, – сказал Эoleyр и снова обратился к членам совета.

– Наш старый союзник Слудик из Энгни и его жена обнаружили, что Белые Лисы снова начали появляться на их землях в восточном Риммерсгарде после нескольких десятилетий отсутствия, а норны, похоже, начали войну со своими родственниками ситхи. Норны также атаковали солдат Верховного Протектората – солдат наших короля и королевы! – совсем рядом с границами Эркинланда, в то время как могли без особых усилий от нас спрятаться. Так что мы имеем сразу два очень серьезных исключения из правил, и они произошли почти одновременно. Разве это не повод для тревоги, милорд? – Эoleyр редко выказывал гнев, но сейчас не сумел скрыть раздражение. – Король и королева вместе сражались в войне Короля Бурь. Как и я. Мы собственными глазами видели, на что они способны – и чего едва не добились. Король Сеоман и королева Мириамель стали свидетелями того, как этот замок был облит неземным пламенем и отброшен на сотни лет в прошлое. Разве не так, ваши величества?

Саймон кивнул.

– О да, звучит, конечно, как песня или легенда, но это правда. Мы видели собственными глазами.

– Вот почему мы так встревожены, добрый лорд Роусон, – закончил Эoleyр. – Если бы нам не сопутствовала удача в сражениях с норнами, никто из нас не дожился бы до сегодняшнего совета.

Жесткий тон Эoleyра заставил замолчать даже лорда Роусона. Мириамель догадалась, что частично граф расстроен из-за того, что новая угроза не позволяла ему помочь родной стране и ее сердцу, Эрнистиру.

– Но что мы можем сделать? – спросил герцог Осрик. – Даже если ваши страхи оправданны, лорд-камергер, как мы должны действовать, получив столь невнятные предостережения? Если фейри выступят против нас открыто, мы будем сражаться, но этого не произойдет, они могут прятаться внутри своей горы до Судного дня, но нам не удастся до них добраться, как в свое время обнаружил Изгримнур.

Эoleyр посмотрел на короля и королеву. Саймон погрузился в размышления, а Мириамель кивнула и сказала:

– Пока мы не планируем никаких действий, ясно лишь, что нам необходимо узнать больше и что это тревожные знаки. Конечно, когда большая часть проблем связана с севером, мне представляется, что еще слишком рано собирать армию, но разумно позаботиться о том, чтобы подготовить новых солдат. – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Тиамак и Бинабик, если он будет так добр, пока является нашим гостем, постараются выяснить как можно больше о Черном риммере Ярнульфe и о том, что означают его слова про «корону из ведьминого дерева». Нам прекрасно известно, что такое ведьмино дерево, – норны используют его для мечей и доспехов, – но мы никогда не слышали о сделанной из него короне. И все же, чем бы она ни оказалась, если Утук'ку ее хочет, это наверняка не сулит нам ничего хорошего. На данный момент, полагаю, это все, потому что нам предстоит заняться текущими проблемами, в особенности если вспомнить, что король и я отсутствовали в Хейхолте столько месяцев. – Она повернулась к Саймону: – Следует ли сказать еще что-то?

Саймон вздрогнул:

– Извини, любовь моя. Я задумался о Джелой и Моргенесе. Бог на небесах, я бы все отдал, чтобы двое мудрецов были сейчас с нами... – Он замолчал.

– Мы не знали этих людей, мой король, – сказал архиепископ Джервис, так и не дождавшись, что король продолжит.

– Нет, – сказал он, и Мириамель уловила печаль в голосе Саймона, которая никак не отразилась на его лице. – Нет, вы их не знали.

Он понимал очень многое, ее муж.

Глава 27. Полдень в «Безумной девице»

Вернувшись в привычное окружение, Морган испытал огромное облегчение, ведь он снова оказался в сердце империи, где ему ничто не угрожало. И все же он не чувствовал полного удовлетворения, что стало для него неожиданностью.

В открытое возле двери окно в таверну вливался полуденный жаркий воздух, пропитанный зловонием, или запахи таверны выходили наружу – пусть этот вопрос решают философы. Морган лишь знал, что было невероятно тепло, и после долгих месяцев, проведенных в дороге, главным образом в диких областях, запахи цивилизации казались ему особенно кричащими. На улицах валялся мусор, оставшийся после вчерашней королевской процессии, когда он проехал по городу вместе с бабушкой, дедушкой и их свитой. Его тоже приветствовали, но совсем не так, как короля и королеву.

«Могу спорить, они уже рассказывают сказки обо мне, – подумал он. – Говорят, что я прятался в лагере во Фростмарше, пока другие сражались с норнами – даже мой дед! Словно я не пытался присоединиться к солдатам. А бабушка приставила ко мне охрану, чтобы помешать мне сбежать на поле боя».

– Если вы опечалены, ваше высочество, – заметил сэр Астриан, – о чем говорит мрачное выражение вашего лица, я рекомендую вам посвятить свою жизнь служению людям, искупив тем самым свою вину. И еще одна чаша эля станет отличным первым шагом в новой жизни.

– Я и сам не против еще одной чаши эля, – сказал сэр Порто. – Но едва ли будет правильно посылать за элем принца. – Он нахмурился и погрузился в размышления. – Ольверис, ты пойдешь.

Сэр Ольверис лишь приподнял одну бровь и одарил сэра Порто пристальным взглядом.

– Ну, раз уж никто не хочет проявить инициативу и сделать то, что необходимо, – заявил Астриан, – я возьму на себя этот труд. – Он повернулся к дальней стороне зала, где хозяин таверны бранил мальчишку. – Хэтчер, еще кружку пива на стол принца!

Хозяин недовольно посмотрел на него и погрузился в подробный анализ достоинств предка мальчишки, который показался занимательным даже для слегка захмелевшего Моргану.

– Так он принесет нам эль? – наконец спросил Порто.

– Отказ обслуживать престолонаследника равносителен оскорблению Высокого Престола, – сказал Астриан. – Общество окажется в руинах, а Эркинланд будет захвачен ордами варваров, которые не склонны платить владельцам таверн за эль, потому что они могут легко получить его с помощью оружия. Конечно, Хэтчер принесет нам выпивку.

– Когда мы были на севере, – сказал Ольверис, – я надеялся, что Астриан замерзнет, хотелось узнать, станет ли он говорить то же самое, когда наконец ответит.

– Ты только послушай себя, Ольверис. – Астриан с отвращением посмотрел на собутельника. – В действительности все, что я говорю, пронизано сиянием мудрости – и чем больше я говорю, тем ярче становится день для окружающих меня людей. А ты произносишь десять слов за два года, и ни одно из них не стоит того, чтобы дожидаться, когда ты его скажешь.

Морган не особенно прислушивался к их перепалке; что-то грызло его изнутри, точно мышь стену дома.

«Это все проклятые тролли, – думал он. – До того, как Сненнек затащил меня на гору посреди ночи, со мной все было в полном порядке. А сейчас я чувствую себя так, словно влюбился в девушку, а она сбежала с другим».

– Что вас тревожит, ваше высочество? – спросил Астриан. – Честность вынуждает меня сказать, что у вас лицо человека, страдающего от запора.

Моргану совсем не хотелось становиться предметом шуток, хотя в большинстве случаев он не возражал против дружеского поддразнивания. Однако что-то изменилось, он чувствовал, что должен разгадать эту головоломку, и у него возникло ощущение, что предстоящая выпивка может быть испорчена.

– Ничего. Меня ничего не тревожит.

– Смело сказано, мой принц, и смело солгано. Перестаньте, вы должны нам рассказать. Где вы найдете такие же сочувствующие уши, как у меня и Ольвериса, хотя у него они расположены слишком высоко, и ему придется наклониться, чтобы вас услышать.

– А как же я? – проворчал Порто, ставший похожим на капризного ребенка, который не выпался. – Разве мои уши нельзя назвать сочувствующими?

– Лишь всемогущий господь знает, для чего предназначены твои огромные лоскуты кожи, – заявил Астриан. – Слушать? Нет, скорее поймать ветер и отплыть в Арчу.

– Я отращиваю волосы, чтобы их скрыть, – печально сказал Порто. – Они большие, это правда.

– Большие? С тем же успехом можно назвать великий океан «слегка мокрым». Или льва бродячей кошкой.

К ним подошел владелец таверны Хэтчер и поклонился Моргану. В течение всего разговора он неловко мямлил в руках грязную тряпку, точно набожный человек, перебирающий четки.

– Прошу прощения, ваше высочество, – сказал он. – Как всегда, я приветствую ваше традиционное появление в «Безумной девице»...

– Как тебе и следует поступать, – перебил его Астриан. – Какое еще второсортное заведение – прошу меня простить, но я говорю откровенно – может похвастать такими особенными клиентами? А теперь иди и принеси нам эля.

– Послушайте. – Хэтчер был волосатым мужчиной с сильным голосом, но сейчас выглядел так, словно готов заплакать. – Никак не получится. На чем вы сидите? Скамья, и очень хорошая скамья. А как вы называете это? – Он наклонился вперед и постучал костяшками пальцев по дереву. – Стол. Первое место на всей улице Барсука или поблизости от Рыночной площади, где есть настоящий стол. Я не заставляю ваше высочество сидеть на полу, не заставляю держать чашу на коленях. У меня все великолепного качества.

Морган бросил взгляд на посетителей таверны, которые сидели вокруг досок, лежавших поверх бочек, они тут же оторвались от своих кружек и уставились на принца и его друзей, как всегда, радуясь новому развлечению.

– Качество, – сказал Морган.

– Да, ваше высочество. И, прошу прощения, мой принц, но обратите внимание на то, что все ножки у стола одинаковой длины. Здесь вы не найдете старой разбитой мебели.

– Если не считать Порто, – заметил Астриан.

Морган не выдержал и рассмеялся. Старый рыцарь расправил плечи – он и в самом деле слегка заваливался в сторону – и постарался изобразить справедливое негодование.

– Но качество стоит мне денег, – сказал Хэтчер, полный решимости не отвлекаться. – И тут мы подходим к деликатному вопросу, ваше высочество, если мне простят мою дерзость.

– Как будто мы можем тебе помешать, – сказал Астриан. – Ты явно намерен уморить нас скукой, и тогда мы попытаемся найти другой оазис, чтобы успокоить наши нервы.

– Не нужно шутить, сэр Астриан. Вы хорошо со мной обращались – как и принц, – и я всегда рад видеть у себя его и вашу компанию. Кстати, если уж говорить о качестве, вчера сюда заходила леди Стрендж.

– Лиза? О, я по ней соскучился, – сказал Астриан. – И чем она сейчас занимается? У нее прошли красные пятна?

– Именно так, – продолжал владелец таверны, не обращая внимания на Астриана. – Сама Лиза Стрендж, и вы хорошо знаете: Лиза Стрендж – это качество. Она не станет спать с муж-

чиной, у которого нет доходов и дома. – Казалось, Хэтчер немного запутался и замолчал, чтобы собраться с мыслями. – Как бы то ни было, я благодарен, что у вас есть традиция сюда приходить, ваше высочество, – сказал он Моргану, – но тут возникает вопрос, прошу вашего прощения, о незакрытых счетах.

Морган вздохнул:

– Ради бога, просто пошли их лорду Джереми, королевскому камергеру, и он с тобой расплатится.

– Но в этом как раз и дело, – сказал Хэтчер. – Перед тем, как вы отправились на север, лорд-камергер прислал письмо, очень строгое, в котором уведомил меня, что больше не намерен погашать ваши долги из таверны. Так он написал. И еще добавил, что мне больше не следует их ему присылать. Теперь вы должны сами по ним расплачиваться.

Мелкая неприятность неожиданно превращалась в очень серьезную причину для тревоги.

– Это ошибка, – сказал Морган. – Я уверен, что ошибка. Напиши ему снова.

– Я писал три раза. И в последний раз он ответил. – Хэтчер оказался в серьезной западне, с одной стороны, ему хотелось ублажить принца, но с другой, он мог потерять свое заведение. – И проблема состоит в том, ваше высочество, что вы должны... – Он наклонился так, что его бородатое лицо оказалось рядом с ухом Моргана. – Два золотых и пригоршню серебра. И это не считая двери, выбитой в прошлом декабре. Мне пришлось ее заменить, вместе с петлями и всем прочим.

– То есть ты хочешь сказать, что мне здесь уже не рады? – спросил Морган, изо всех сил стараясь наполнить свой голос благородным возмущением.

– О, клянусь всеми святыми, конечно, я вам рад! – Хэтчер, истративший всю свою храбрость, решил отступить. – Дело в том, ваше высочество, что я не могу бесконечно увеличивать ваш кредит, но это вовсе не значит, что я вам не рад. Теперь, когда вы вернулись, ну, я подумал, что нам с вами следует поговорить, чтобы мне не пришлось принимать другие меры.

– Другие меры? – Астриан наклонился над столом. – Ты нам угрожаешь, ничтожество?

Морган увидел искренний страх на лице Хэтчера и вмешался:

– Хватит, Астриан. Никто никому не угрожает.

«Если не считать моего настроения», – подумал он, потому что шансы его исправить, как следует выпив, стремительно исчезали. Он встал. В старой таверне пахло хмелем и потом, и ему вдруг захотелось оказаться подальше отсюда.

– Ты получишь свои деньги, Хэтчер. Клянусь честью принца Эркинланда.

– Ну вот, – сказал владелец таверны, вытирая пот с широкого красного лица. – Вот. Сказано со всем возможным благородством. Вашим спутникам следовало бы поучиться у вас манерам, ваше высочество. Так ведут себя благородные люди, честно и открыто. – Он слегка прищурился. – Могу я задать вопрос, если он не покажется вам недостаточно вежливым, сир? Потому что я сам должен деньги пивовару, и он говорит вещи, которые мне совсем не нравятся.

– Я дам тебе знать, Хэтчер. А теперь уходим отсюда.

Морган встал и подождал, когда друзья последуют его примеру. Порто слегка покачивался, точно высокое дерево со слишком короткими корнями. Астриан и Ольверис выглядели совершенно трезвыми, но Морган знал, что это не так. Оба пьянели медленно, и порой трудно было понять, насколько сильно они набрались, пока Астриан не терял контроль, а Ольверис не засыпал, сидя за столом, что случалось с ним почти так же регулярно, как со старым Порто. На самом деле Морган сомневался, бывали ли они когда-нибудь совершенно трезвыми.

«Ну и что я теперь буду делать целый день?» – спросил себя Морган. Он надеялся, что сможет не думать о подобных вещах, ему хотелось лишь тихо дрейфовать и забыть о путешествии в Элвритсхолл и унижении, которое ему пришлось перенести во время схватки с нормами в ту странную ночь на горе под насмешливой луной.

«Что я вообще буду делать?» Он не знал, как улучшить свое странное мрачное настроение.

«Почему ужасные тролли потащили меня на вершину той горы? С тех пор у меня не было ни одного счастливого мгновения».

Он даже едва не пожалел, что не свалился тогда вниз.

Брат Этан считал, что леди Телия одновременно самая воспитанная и самая неженственная аристократка из всех, что ему доводилось встречать. В некоторых аспектах она была идеальной: никогда не выходила из себя на людях, насколько он знал, общалась со всеми одинаково равно, будь то горничная или коннетабль. Но, в отличие от многих других придворных дам, леди Телия не боялась испачкать руки. Ее совершенно не тревожила кровь или то, что являлось естественной частью жизни, и порой ему казалось, что она получает удовольствие в ситуациях, когда другие леди убегали или падали в обморок.

Конечно, в некотором смысле многие придворные дамы не были ей ровней: леди Телия родилась в простой купеческой семье, которая даже не пыталась купить титул, несмотря на довольно приличные доходы и очень неплохую виллу в горах Наббана. И до того, как она встретила и вышла замуж за Тиамака, одного из самых необычных лордов во всем Эйдондоме, она была монахиней.

«Очевидно, ее растили совсем не как изысканный цветок», – подумал Этан, пока она разглядывала женщину ситхи, на сей раз в присутствии мужа.

– Она не произнесла ни слова вот уже несколько дней, и, как видишь, ее дыхание стало быстрым и поверхностным. – Телия подняла веко ситхи и без малейшего трепета осмотрела зрачок, словно это монета или камень.

Всякий, кто не провел рядом с ней несколько дней, как брат Этан в течение последних двух недель, посчитал бы ее равнодушной, даже бесчувственной, но он видел, что леди Телия глубоко переживала из-за того, что не могла помочь незнакомке.

– Я готов поверить, что ее отравили, – сказал Тиамак и повернулся к Этану: – Никто так и не нашел наконечники стрел, которые удалось вытащить из ее тела?

Этан покачал головой:

– Нет. Они были, но на следующий день исчезли. Я помню, как они лежали на белой тряпице, испачканной кровью. Лорд Пасеваллес также не знает, что с ними произошло.

Тиамак кивнул:

– Ты можешь их описать?

– Я могу попробовать. – Монах закрыл глаза, пытаясь вспомнить тот день, когда он увидел, как раненая ситхи голыми руками успешно сражалась с вооруженным воином. – То, что осталось от древков стрел, было очень, очень темным, словно их натерли чернилами.

– Как стрелы норнов. Но я не уверен. Если ты вспомнишь что-нибудь еще, брат, пожалуйста, без колебаний расскажи мне. – Он повернулся к жене: – Черные стрелы. Как ты думаешь, это могли быть норны?

Она поморщилась:

– Не спрашивай меня про стрелы. Ты знаешь о таких вещах гораздо больше меня – ты ведь столько лет провел на охоте в болотах, в поисках пищи. К тому же какая разница?

– Потому что в этой части мира странно видеть черные стрелы, ведь их используют только норны, – сказал маленький мужчина. – Но я думаю, что в детстве видел такие черные древки, натертые ламповой сажей, на юге.

– Вы хотите сказать, что это могли быть стрелы враннов? – спросил Этан.

– Нет! Господи, нет, хотя некоторые кланы используют яд, наши стрелы слишком маленькие и не оставляют таких ран, какие были у этой женщины, когда ее принесли из Кинсвуда.

Стрелы враннов не смогли бы настолько глубоко проникнуть в плоть – ими стреляют с близкого расстояния в птиц, змей и других мелких животных. Мы же видим раны от боевых стрел.

Телия закончила изучение ран пациентки, которые почти полностью исцелились, хотя лихорадка по-прежнему не проходила.

– И они, вероятно, были отравлены, – сказала она. – А ты знаешь какие-то другие племена или народы, которые мажут свои стрелы ядом?

– Ядом? Я не могу ручаться за самих ситхи и их кузенов норнов, – ответил Тиамак. – И нам будет нелегко справиться с последствиями действия яда – мы ведь очень мало знаем о ситхи и их обычном состоянии. Но в некоторых землях под Наббаном смертные раньше использовали отравленные стрелы, когда отправлялись на войну или собирались кого-то убить и хотели, чтобы жертва не выжила после ранения. – Он нахмурился. – На самом деле теперь, когда я всерьез задумался, такие кланы есть в Тритингсе, в особенности у озера Тритингс, они специально изготавливали яд для того, чтобы смазывать им наконечники стрел. Они называют его шлемом демона – тебе он известен как волчий аконит. Но я не думал, что он до сих пор в ходу.

Неожиданно к горлу Этана подступила тошнота.

– Если ситхи отравили волчьим аконитом, ее невозможно исцелить! – вскричал он.

– Мы и прежде знали, что наших умений недостаточно, – сказала леди Телия.

– Сожалею, но должен подтвердить, что моя дорогая жена права. – Тиамак покачал головой. – Однако ей может помочь небольшая доза наперстянки.

– Наперстянки? То, что дети называют «дом фейри»? Но это ведь также яд.

– Как вы знаете, брат, многие вещества ядовиты в одних дозах, но полезны в других, – сказал Тиамак. – В любом случае я с грустью должен признать, что это ее не исцелит, но может немного продлить жизнь и даст силы, чтобы она смогла с нами поговорить перед смертью. – Он пожал плечами. – Ничего больше я придумать не могу. Жена, а что скажешь ты?

– Мне также нечего предложить, – ответила она. – Я приготовлю для тебя наперстянку – у меня есть немного в моем саду лекарственных растений. – Леди Телия вновь укрыла одеялом бледное неподвижное тело ситхи и вышла.

– Моя жена и ее сад могли бы убить меня пять раз во время одного завтрака, если бы она захотела, – с улыбкой, удивившей Этана, сказал Тиамак. – Это главная причина, по которой мне следует быть хорошим мужем, не говоря уже о том, что есть множество других. – Он еще раз потрогал лоб ситхи и отвернулся. – Ты хотел поговорить со мной еще о чем-то, брат?

Этан с трудом сдерживал нетерпение, так ему хотелось рассказать о книге, найденной среди вещей принца Джона Джошуа.

– Да, милорд. Пока вас не было, лорд-камергер Пасеваллес попросил меня осмотреть книги покойного принца Джона Джошуа. Принцесса Идела хотела узнать, не пожелаете ли вы забрать некоторые из них в новую библиотеку.

– Она очень добра, – сказал Тиамак. – Но я думал, что мы взяли все книги Джона Джошуа.

– Очевидно, нет, милорд. В ее покоях есть шкаф с книгами, которых вы не видели. Я в этом уверен из-за того, что там нашел.

Пока Этан описывал, как он обнаружил «Трактат об эфирных шепотах» и о том, что ему известно про автора, Фортиса Отшельника, Тиамак слушал его с необычно отсутствующим выражением лица. Этан даже подумал, что поступил неправильно, если книга, к примеру, не является столь печально известной, как он решил.

– ...И теперь она у меня, милорд, спрятана в чертежном зале, – сказал он в заключение, – хотя мне не хотелось там ее оставлять. Я снова осмотрел вещи принца Джона Джошуа, и хотя мне не удалось обнаружить ничего, столь же опасного, как «Трактат», должен признаться, там оказалось несколько томов, которые я не узнал и даже не сумел идентифицировать язык, на котором они написаны. Я что-то сделал не так?

Тиамак так долго молчал, что Этан уже не сомневался, что совершил какую-то ошибку.

– Ты кому-нибудь рассказывал про эту книгу? – наконец спросил Тиамак. – Ты что-нибудь говорил принцессе Иделе?

– Нет. Я не хотел ее беспокоить. Я собирался рассказать лорду Пасеваллесу, но нас прервали.

Тиамак кивнул:

– Я бы хотел на нее взглянуть. Мне доводилось о ней слышать, но совсем немного. Я не знал, что церковь считает эту книгу столь ужасной.

– Она находится в запретительном списке уже два столетия, милорд. – Этан сделал знак Святого Древа. – Даже обладать ею... я боюсь, что подверг опасности свою душу.

К огромному облегчению Этана, Тиамак не стал смеяться, даже не улыбнулся.

– В последнее время тебе пришлось нелегко. Я вижу это на твоём лице, брат.

– Меня пугает книга, – признался Этан. – Мне страшно, что она находится в замке, но еще того хуже то, сейчас она принадлежит мне.

Тиамак кивнул:

– Я понимаю, но, конечно, не могу с уверенностью утверждать, оправданы ли твои страхи. В моей прежней жизни я не слишком хорошо знал, чем занимались ученые. Мне известно лишь то, что рассказали мои друзья из Ордена манускрипта и что я почерпнул у мудрецов, с которыми познакомился в Кванитупуле. Права церковь или нет относительно вредности книги епископа, но я бы хотел на нее взглянуть. Ты можешь принести ее мне позже, сегодня вечером?

– Боюсь, я освобожусь только после вечерней молитвы, милорд.

Теперь улыбнулся Тиамак:

– Тогда до вечера. А сейчас я должен вместе с женой попытаться помочь бедной женщине, потом мне предстоит встреча с королем и королевой.

Этан почувствовал, что его отпускают, но остался стоять.

– Еще один вопрос, лорд Тиамак?

– Да, конечно.

– Вы видели норнов, атаковавших королевский отряд? Тех, что северяне называют Белыми Лисами? Они действительно так зловещи, как их описывают в легендах?

– Нет, на сей раз мне повезло. Тот, Кто Всегда Ступает По Песку, сделал так, что я находился далеко от места сражения. Но я видел их раньше – в этом замке, в последние дни войны Короля Бурь. Я не знаю о книге, которую ты обнаружил, брат Этан, и ее якобы мрачной истории, но могу тебя заверить, что истории о норнах правдивы – они свирепы, умны и ненавидят нас. Да, Белых Лис следует бояться. Да позаботятся небеса о том, чтобы мы никогда не увидели их в наших землях.

Этан уже пожалел, что задал свой вопрос. Он снова сделал знак Древа и ушел.

– Я сожалею, что здесь все еще царит беспорядок, – сказал Джереми. – Все было... так сложно...

– Для всех нас, – сказал ему Саймон. – Не беспокойся.

– Просто дело в том... – Джереми замолчал, заметив Мириамель, которой две леди помогали за ширмой снять платье.

Она, в свою очередь, его заметила и одарила взглядом, от которого Джереми покраснел.

– Мастер спальни – это почетный титул, Джереми, – сказала она, пока еще оставалась в платье. Под ним у нее оказалась лишь тонкая рубашка. – Ты не обязан оставаться с нами.

Джереми покраснел еще сильнее.

– Прошу прощения, ваше величество.

– Да, день действительно выдался длинным, – сказал Саймон, не понимая, почему Джереми не понял намека. – Все устали.

– Я лишь хотел поблагодарить вас. За то, что вы включили меня во Внутренний совет. Саймон махнул рукой.

– Ты всегда был хорошим другом, Джереми, и спас мне жизнь на дороге Фростмарш. Я намерен удостоить тебя еще большими почестями – и дополнительными обязанностями, можешь не сомневаться. Но я заметил, что ты совсем мало говоришь.

Лорд-камергер пожал плечами и не поднял взгляда. Временами он вел себя как неловкий юноша из далекого детства Саймона, каким-то образом перенесшийся в массивное тело мужчины средних лет.

– А что я могу сказать? Я слежу за едой и бельем. И ничего не знаю о военном искусстве.

– Пожалуйста, Джереми, – сказала Мириамель, в голосе которой появилось нетерпение. – Никто не собирается воевать, во всяком случае, мы очень на это рассчитываем. Мы просто хотим подготовиться к тому, что *может* произойти. В точности как ты с едой и бельем.

Джереми продолжал смотреть в пол, но расправил плечи.

– И все равно, вы проявили ко мне доброту, Саймон. Вы оба.

Саймон чувствовал, что Джереми хочет сказать еще что-то, но король весь день слушал людей, и у него уже кружилась голова от разговоров.

– Ты мой друг и всегда им будешь, Джем. А теперь, будь добр, проводи леди, помогавших королеве, в переднюю комнату. Мы собираемся спать.

Джереми выглядел потрясенным.

– Конечно! Извините, уже поздно. Я не подумал.

– Слуги также могут уйти, – сказал Саймон. – Мы с Мири хотим поговорить наедине.

– Конечно, ваши величества.

Он выпрямился, отложив на будущее свою проблему, чтобы заняться текущими обязанностями. Саймону ужасно не хотелось обращаться с Джеремией как с обычным слугой, но он уже был готов схватить лорда-камергера за шиворот и вытолкать вместе с остальными фрейлинами, слугами и всеми прочими из спальни.

Когда небольшой караван наконец-то скрылся за дверью, Саймон сбросил одежду и забрался под одеяло. Мириамель сложила украшения в шкатулку и присела, чтобы расчесать волосы.

– Как ты думаешь, что все это значило? – спросил он.

– Что? Джереми?

– Я уже начал сомневаться, собирается ли он вообще уходить. Я даже подумал, что он попытается надеть мне домашние тапочки. – Саймон нахмурился. – Я ненавижу, когда он себя ведет словно верный пес. Он знает меня еще с той поры, когда мы оба были зелеными кузнечиками.

– Ты хорошо с ним обошелся, Саймон. Ученик свечного мастера стал лордом-камергером Верховного Престола – ему не стоит сетовать на судьбу.

Саймон хорошо знал этот ее тон.

– Иными словами, перестань тревожиться.

Она перехватила его взгляд в зеркале и устало улыбнулась в ответ.

– Совершенно верно.

Саймон уселся поудобнее, чтобы лучше видеть жену.

– Полагаю, ты права. Нам и без того есть о чем беспокоиться. Ты слышала, что сказал Тиамак о ситхи?

– Он, Телия и милый брат Этан сделали все, что было в их силах, Саймон, не взваливай все проблемы на свои плечи.

– Но почему ситхи отправили к нам посланника – ведь прошло так много времени с нашей последней встречи?

– Что мы можем сделать? – спросила Мириамель. – Она умирает. Мы должны попытаться отыскать тех, кто в нее стрелял, хотя это, скорее всего, браконьеры.

– С отравленными стрелами? – Саймон покачал головой. – Кроме того, я говорил о другом. Что мы будем с *ней* делать? Она умрет, если мы не отвезем ее домой.

Мириамель оторвалась от зеркала, подошла к кровати и села.

– Даже если бы мы знали, как найти Джирики и остальных, нам неизвестно, смогут ли они ей помочь. Она умирает, Саймон, любой смертный не дожил бы до нашего возвращения. Когда она не вернется назад, ситхи пошлют нового посла или отправят нам письмо.

– Но мы не можем просто сидеть и ждать! – Саймона шокировала бы ее бессердечность, если бы долгий опыт не научил его, что уставшая Мириамель становится бессердечной Мириамель. Он вздохнул и начал снова: – Мы *не можем* ждать, Мири. Неужели после стольких лет молчания ситхи случайно прислали к нам посла именно в тот момент, когда снова зашевелились норны – когда они пересекают наши границы, а сука с серебряным лицом, их королева, ищет то, что называют Короной Ведьмы?

– Возможно, мы придаем слишком много значения странному посланию.

– Но зачем вообще было его нам отправлять?

– Быть может, Ярнуйф опасался, что его могут схватить.

– Ярнуйф, не так ли? – Саймон заложил руки за голову и посмотрел на жену, которая продолжала изучать себя в зеркале. – Нет, это также не имеет смысла. И тебе не кажется, Мири, что даже если ситхи не отправляли сюда своего посла, или кем там еще она может быть, пришло время нам самим с ними связаться. Джирики может знать, что происходит с норнами, а если нет, нам следует поделиться с ним слухами, которые до нас дошли. – Он вздохнул. – И я очень хочу снова его увидеть.

– Ты хочешь сказать, его сестру.

– Адиту? Да, и ее тоже.

– Да, ее тоже. – Голос Мири прозвучал как-то отстраненно. – Должно быть, замечательно жить вечно, как ситхи, – сказала она, продолжая смотреть в зеркало. – И оставаться молодой и прекрасной, в то время как все остальные стареют.

Саймон рассмеялся:

– Ты бы и вправду этого хотела? Остаться девочкой, которую я увидел в первый раз, в то время как я бы старел рядом с тобой? Мне нравятся твои морщины и седые волосы, жена. Они напоминают мне о годах, которые мы прожили вместе.

Она с преувеличенной осторожностью положила на место щетку для волос, словно на самом деле хотела швырнуть ее в Саймона.

– То есть ты хочешь сказать, что если бы Адиту оказалась здесь и ходила вокруг тебя в своих прозрачных одеждах, с очаровательным и таинственным лицом, ты бы не начал бегать за ней, как пес, почуявший сырое мясо?

– А это еще что такое? Ты ревнуешь? К Адиту? Дорогая, я не видел ее много лет! Не говоря уже о том, что между нами ничего не было. И не стану тебе напоминать, что она на пару столетий старше любого из нас. – Саймон попытался рассмеяться, но это оказалось сложнее, чем он рассчитывал. – А я думал, ты хорошо относишься к Джирики и Адиту, как и я, Мири.

– Ты жил с ними. А я – нет. – Мириамель вздохнула. – О, я не знаю. Да, мне они не безразличны. И я была взволнована не меньше тебя, когда подумала, что отношения между нашими народами меняются к лучшему. Но ситхи всегда отличались скрытностью. Они предпочитают оставаться в тени, держаться подальше от наших дел.

– Ситхи стараются не выходить из тени потому, что наши люди продолжают пытаться их убивать, моя дорогая. Я надеялся – мы оба надеялись, – что нам удастся это изменить. Но, что

еще важнее, они знают норнов гораздо лучше, чем мы. А теперь забирайся в постель. Я хочу поговорить с тобой совсем о другом.

– Я очень устала, Саймон.

– Не об этом. Но здесь – залезай ко мне. Ты простудишься, если будешь сидеть в одной ночной рубашке. – Он отбросил одеяло, она скользнула к нему, и он почувствовал ее прохладную кожу сквозь тонкую ткань ночной рубашки.

– Я здесь. Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Саймон вздохнул:

– Я думаю, нам следует доставить женщину ситхи обратно к ее народу, в лес Альдхорт. И я должен поехать вместе с ней. Пришло время поговорить с Джирики и остальными ситхи – и выяснить, почему они так долго хранили молчание.

Мириамель напряглась.

– Я категорически против.

– Но почему? Мири, ты видела существ, с которыми мы сражались, и жуткого гиганта! Что, если нам снова предстоит война с норнами? Мне даже страшно подумать, что нам придется воевать без советов ситхи. И я не думаю, что мы можем просто ждать, пока их посол умрет. Так нельзя поступать – ведь целители ситхи могут ей помочь.

Королева заговорила тихо, но Саймон почувствовал, что она расстроена.

– Кое-что из того, что ты говоришь, звучит разумно, но я должна подумать. Однако в любом случае *ты* не поедешь, Саймон. Сначала путешествие в Мермунд, потом Элвритсхолл к бедному Изгримнуру, наш народ практически тебя не видел в течение полугода. Ты говоришь, что может начаться война, и тут же предлагаешь снова отправиться через весь континент, как ты поступал, когда был совсем молодым, ради благородного и веселого похода и поисков ситхи?

– Ты извращаешь мои слова так, что я не в силах их узнать. – Саймон ненавидел, когда Мириамель говорила с ним так, словно он снова хотел стать молодым и не знающим обязательств. Конечно, в его душе существовал тайный уголок, где пряталась мечта о приключениях, – но у кого внутри не звучит капризный детский голос, уговаривающий отбросить опыт зрелости? – И я не мальчик, которого ты когда-то встретила, и не просто твой муж. Я король Верховного Престола.

– А я королева. И королева говорит, что король не может позволить себе отправиться в поисках приключений в тот момент, когда у нас накопилось столько проблем. Неужели ты забыл про Эрнистир и слухи о Хьюго, который начал поклоняться дьяволу? Неужели не слышал, как Пасеваллес рассказывал нам, что Наббан превратился в кипящий котел и может в любой момент взорваться?

Саймон долго молчал, дожидаясь момента, когда у него исчезнет желание скрипеть зубами от разочарования.

– Но что тогда нам делать, Мириамель? Я не могу просто ждать, когда эта женщина умрет, и надеяться, что Джирики пришлет кого-то еще.

Она повернулась к нему спиной, но осталась лежать рядом, чтобы ощущать тепло его тела.

– Отправь на поиски ситхи Эoleyра, если нужно кого-то послать. Он Мастер Престола. Это его обязанность, и он знает их почти так же хорошо, как мы.

– Эoleyр так встревожен событиями в Эрнистире, что с трудом может сосредоточиться на текущих делах.

– Еще одна причина, чтобы отправить именно его. Пусть займется чем-то важным, пока мы не узнаем наверняка, что Хьюго действительно стал проблемой. Пошли с раненой ситхи Эoleyра или кого-то другого. Но *ты* никуда не поедешь, Саймон.

Некоторое время он лежал молча, погрузившись в размышления.

– Мири?

Она ответила ему далеко не сразу:

– Что?

– Ты на меня сердишься?

– За то, что ты хотел отправиться на поиски ситхи, когда у нас здесь сотни проблем, которые необходимо решить? С чего бы это?

– Ты сердишься.

Она повернулась к нему лицом и положила голову на грудь.

– Да, немного. Но это пройдет. Всегда проходит.

Глава 28. Колыбельные песни Лагуны Красной Свины

Фремур пришлось довольно долго идти через лагерь к началу луга, где Унвер и его приемный отец держали свои фургоны, но прошло несколько дней с тех пор, как он в последний раз видел высокого воина. Все уже знали новость, но он сомневался, что Унвер ее слышал.

Фремур не любил ходить, но после того, как его лошадь вернулась без седока после рейда на обитателей каменных жилищ, его брат Одриг забрал ее и сказал: «Всякий мужчина, который не в силах удержать лошадь, не заслуживает ею владеть».

Казалось, все в клане Журавля знали о решении Одрига, и никто не скупился на ядовитые замечания, когда Фремур шагал между фургонами в сторону Березового луга. Он шел, опустив голову и прикусив губу, чтобы не отвечать на насмешки. Одриг ясно дал ему понять, что он поддерживает оскорбления: «До тех пор, пока ты не отратишь толстую шкуру, ты бесполезен для меня и всех остальных». Одриг считал, что лучший метод воспитания заключается в регулярных побоях и унижениях в присутствии других членов клана.

Фремур не считал, что его кожа стала толще с тех пор, как закончилось его детство, но иногда появлялась уверенность, что его сердце сжалось и затвердело, точно сырая шкура, оставленная на солнце. Он часто думал о себе именно так, будто его внутренности превратились в узел из сыромятной кожи и он становится только прочнее и жестче, когда его натягивали. Он ощущал нечто похожее и в Унвере, однако напряжение внутри Унвера было значительно сильнее, вроде толстых веревок, которые используют для того, чтобы поставить вертикально упавшие после землетрясения камни на Клановой Земле. Вербки скрипели всякий раз, когда принимали на себя их невероятную тяжесть, и вскоре становились похожи на мощные сухожилия мужчин, надежно державших их в руках, когда они сражались с самой землей. Именно таким был Унвер, вот только его сухожилия никогда не знали отдыха. Другие члены клана Журавля его не любили, но боялись мощного тела, длинных рук и застывшего, лишенного выражения лица, не менявшегося подобно камням, что с легкостью выдерживают бесконечные атаки ветра и непогоды.

«Он слишком свиреп и не склоняет голову перед моим братом. Однажды Одриг его убьет или заставит уйти из клана», – думал Фремур.

Никто во всем клане, за исключением, быть может, его приемного отца Жакара, не помнил настоящего имени Унвера. Когда он неуклюжим мальчишкой только появился в клане, кто-то спросил его, кто он такой.

«Унвер», – ответил тот, глядя на Одрига и других парней, точно медведь, окруженный лающими собаками, – это значило «никто», и с тех пор все в клане стали так его называть. Даже сестра Фремюра Кульва, а она одна из немногих по-доброму относились к высокому воину. Для всех остальных он был лишь странным, недружелюбным членом клана, который жил с вечно пьяным приемным отцом на краю лагеря – хороший всадник и отличный боец, но в остальном его старались избегать.

Подойдя к краю луга, Фремур увидел старого Жакара, сидевшего на ступеньках фургона и точившего нож длинными скребущими движениями. Фремур не имел ни малейшего желания разговаривать с вредным стариком, поэтому направился к тропинке, шедшей между деревьями в обход неухоженного фургона Жакара в березовую рощу. Там, как он и предполагал, Фремур нашел Унвера, который с помощью камней пытался придать нужную форму деревянным деталям своего незаконченного фургона, а Деофол, его огромный конь с темной шкурой, равнодушно щипал траву. В это время года трава была высокой и сочной, и все лошади обросли жиром. Наступило время праздника, во всяком случае, для большей части клана.

– Привет, всадник, – сказал Фремур. – Пусть копыта твоего скакуна всегда находят тропу. Унвер поднял голову.

– Не смогу сказать того же тебе. Где твоя лошадь?

Фремур совсем не хотелось об этом говорить, и он кивнул в сторону фургона Унвера, который выглядел уже почти готовым и куда лучше расшатанной повозки Жакара. Фургон еще предстояло покрасить, однако все сочленения были тщательно подогнаны, а каждая спица в каждом колесе отполирована до гладкости стекла.

– Как продвигается твоя работа?

– Неплохо, – сказал Унвер, протягивая Фремору мех с вином.

– Если хочешь, я могу помочь тебе закончить, – предложил Фремур, делая глоток терпкого красного вина. – Я имею в виду твой фургон, а не вино. У меня нет лошади, и мне все равно нечего делать.

Унвер приподнял бровь, но не стал задавать очевидный вопрос.

– Перед покраской нужно продолжить полировку. Ты можешь с этим помочь – но тебя не спасет даже Громовержец, если ты сделаешь хотя бы одну зазубрину на дереве, Мышь.

– Мне никогда не нравилось это имя. – Фремур и сам не знал, почему он так сказал.

Унвер посмотрел на Фремур, сделавшего большой глоток, потом взял у него мех, напился сам и вытер капли вина с длинных усов. Его кожа, не такая темная, как у большинства людей клана, у которых под воздействием солнца и пыли равнин она приобретала оттенок вишневого дерева, напоминала по цвету круглые коричневые камни, лежащие на дне рек. У него был длинный нос, острый и тонкий, высокие скулы и необычные глаза, серые и похожие на дождевые тучи.

Фремур ждал, но Унвер не стал ничего уточнять относительно его прозвища. Вместо этого он проводил взглядом двух всадников, ехавших рядом вдоль дальней стороны луга, на расстоянии полета стрелы. Прищуренные глаза цвета бури следили за ними до тех пор, пока они не скрылись из вида, словно Унвер был хищником, а они жертвой.

Фремур чувствовал, как его охватывает разочарование из-за молчания Унвера. Он пришел сюда в поисках дружбы человека, понимающего, что такое быть изгоем в собственном клане.

– Что ты думаешь о моей сестре Кульве? – спросил Фремур и тут же пожалел о своих словах.

Он пришел, чтобы сообщить новость, и выбрал не самый лучший способ это сделать, но его обидело равнодушие Унвера.

Высокий воин внимательно на него посмотрел, словно в его словах могла быть какая-то ловушка.

– Она женщина. – Затем Унвер сообразил, что этого недостаточно. – Она хорошая женщина.

– Тебе она не безразлична, – сказал Фремур – и это было утверждение, а не вопрос.

Выражение лица Унвера стало еще более отстраненным, словно холодный ветер принес с собой снег.

– Она не стала для меня чем-то особенным. И тебя это не касается.

– Я видел, как вы гуляли.

Рука Унвера легла на рукоять ножа, висевшего у него на поясе, и в лице появилось что-то пугающее.

– Ты шпионил для Одрига...

– Нет! Нет, но я дважды видел вас вместе, когда вы шли и беседовали, а я ее искал. И я знаю свою сестру. Она бы не стала так свободно с тобой говорить, если бы раньше вы не проводили много времени вместе.

Серые глаза продолжали изучать Фремур, но рука Унвера покинула рукоять ножа.

– Почему ты говоришь мне все это, Фремур? Ты намерен защищать ее честь? Если ты настаиваешь, так тому и быть, но ты умрешь напрасно, а ее репутация будет уничтожена. Я не

нанес ее чести ни малейшего вреда. Мы лишь беседовали вдали от слишком длинных языков. – Он прищурился. – Или языки уже начали болтать? Вот о чем ты пришел мне рассказать?

Фремур собрался ему ответить, но Унвер внезапно вскочил на ноги и решительно зашагал к своему еще не покрашенному фургону.

– Должно быть, ты держишь меня за глупца, как и весь остальной клан. Неужели я бы стал пытаться украсть сестру тана? Меня будут преследовать до конца моей жизни. – Он остановился и развел руки в стороны. – Нет! Вот что я построил сам – лучший фургон в клане Журавля. Я участвовал в каждом рейде, выполнял любое поручение, которое мне давали. Посмотри! – Он распахнул дверь фургона, вытащил сверток, завернутый в промасленную ткань, и показал Фремуру груды блестящих предметов. – Настоящее золото с лошадиных поводьев и постромок. Серебро для петель и украшений, сделанных лучшим кузнецом клана Рыси. Когда я смогу показать фургон твоему брату, у него и других глупцов глаза вылезут из орбит! Ему придется отдать мне Кульву. – Унвер тяжело дышал, когда принялся снова заворачивать свои сокровища, словно пробежал большое расстояние. Потом он встряхнул сверток, и вещи внутри зазвенели. – Она будет ездить, как королева озерных земель!

Фремур почувствовал, как все у него внутри сжалось. Он хотел лишь поговорить о неприязни между Унвером и его ненавистным братом. Он не понимал...

– Но это не...

– Этого недостаточно? – Унвер разозлился, но даже не посмотрел на Фремура. – Тогда у меня будет больше. Я приведу твоему брату отличных лошадей в качестве выкупа. Но все мое золото ушло на покупку украшений!

– Унвер, нет. – Фремур покачал головой. Он не знал, с чего начать. – Дело не в этом... Я пришел, чтобы сказать тебе...

В глазах Унвера засверкало безумие.

– *Что?* Что ты пришел мне сказать?

– Что моя сестра Кульва... – Фремур с трудом сглотнул, потому что комок в горле начал его душить. – Мой брат обещал ее Дроджану. Они поставят брачные камни на собрании клана, когда луна будет полной.

Унвер долго молчал, потом посмотрел на Фремура так, словно тот умудрился отрастить перья и взлетел в воздух.

– Ложь, – сказал он, но его голос был пустым.

– Нет, не ложь. Я не видел тебя несколько дней и не знал, слышал ли ты эту новость. – Фремуру вдруг стало страшно, и он попытался отыскать слова, которые прогонят взгляд раненого животного из глаз Унвера. – Я даже не догадывался, что это так много для тебя значит, Унвер, но я сказал правду. И ты должен понимать, что Одриг никогда не отдаст тебе Кульву! Ты... – Он не знал, как найти нужные слова, потому что и сам был таким же. Как рыба в ручье, как он мог найти слова для воды, которая была со всех сторон, и они плавали в ней и дышали ею? – Ты недостойн. Так думает Одриг. Дроджан его друг. Дроджан делает все, что говорит Одриг.

Сверток из промасленной ткани выпал из пальцев Унвера на землю, а лицо побледнело, как сухая трава. Мгновение Фремуру казалось, что Унвер сейчас вытащит из-за пояса нож и убьет его, и он ничего не сможет сделать. Выражение лица Унвера менялось так быстро, что Фремур ничего не успевал понять. Наконец к Унверу вернулся голос.

– Уходи! – взревел он. – Уходи прочь! Ты и твоя проклятая семья! Ты ворон, приносящий плохие вести, хрипящий и чистящий перья на ветке. Твоя сестра столь же фальшива, как договор с обитателями каменных домов!

– Она ни при чем...

– Уходи! – в ярости выкрикнул Унвер, повернулся спиной к Фремуру и решительно направился к своему фургону, над которым он так долго и старательно трудился.

Он приложил руки к его боку, и мышцы на его шее напряглись. Затрещало дерево, фургон закачался, но устоял.

«Он слишком велик, чтобы один человек смог его перевернуть», – подумал Фремур. Но Унвер согнул ноги в коленях, налег на фургон всем телом, издал безмолвный крик ярости и сумел его перевернуть. Фургон медленно, как во сне, рухнул на землю с грохотом, подобным удару грома, и разлетелся на куски.

Фремур повернулся и побежал.

Джеса аккуратно запеленала Серасину и отнесла ее матери, которая с тремя фрейлинами сидела у окна, стараясь использовать светлое время для шитья.

– А вот и она, наша маленькая милашка, мой мохнатый кролик, – сказала герцогиня.

Она отложила рукоделие и взяла ребенка у Джесы, которая терпеливо осталась стоять рядом. Для маленькой Серасины наступило время сна, и вот как это происходило. Джеса не до конца понимала, почему герцогиня Кантия, которая любила свою дочь, так редко брала малышку на руки. Во Вранне, где родилась Джеса, ребенка укладывали на перевязь, рядом с животом матери, как только он мог держать головку, и носили с собой целый день. С детьми жителей материка, во всяком случае теми, которых Джеса знала здесь, в Наббане, обращались как с красивыми драгоценностями или одеждой, их давали матери, чтобы она могла на них полюбоваться, а потом забирали.

Странные обычаи удивляли Джесу, но она уже давно оставила попытки в них разобраться. Здесь многое было не так, как у нее дома, и ей лишь оставалось верить, что Та, Что Породила Человечество, сделала их такими по какой-то серьезной причине, только Джеса никак не могла понять, по какой именно. Она взяла ребенка из рук герцогини и положила в огромную раскрашенную колыбель.

Несмотря на то что Джеса очень плотно спеленала малышку, Серасина вертелась и извивалась. Чтобы ее успокоить, Джеса присела на корточки и принялась раскачивать колыбель. Герцогиня Кантия была доброй женщиной и не стала бы жалеть для нее стул, но Джеса никогда не чувствовала себя удобно, сидя на этой странной штуке. Некоторая мебель, которой пользовались жители материка, казалась ей ненадежной, точно плохо сколоченные лодки, способные в любой момент перевернуться и выбросить тебя за борт. Джеса научилась сидеть на корточках, когда ей было всего на несколько месяцев больше, чем Серасине, и чувствовала себя в таком положении удобно.

Герцогиня и ее леди негромко беседовали, но Джеса видела, как они периодически бросают взгляды через плечо в сторону колыбели – очевидно, плач Серасины раздражал некоторых из них, поэтому она запела песню, которую слышала от матери много лет назад в их доме на сваях, в Лагуне Красной Свины.

Приди, луна, приди, сладкая луна,
Приди через болота и принеси букет мальвы.
Приди в лодке с шестом, принеси букет гиацинтов.
Приди по реке, принеси пчелиные соты,
Приди на носилках, принеси молоко и творог.
Приди пешком и принеси корзину черники.
А теперь послушай меня и держи их крепко.
Держи их здесь для радости ребенка.

Качая колыбель, Джеса размышляла о том, доведется ли ей когда-нибудь держать на руках своего малыша. Она сама была еще ребенком, когда в первый раз оказалась в Наббане, ее купили как компаньонку и служанку для герцогини, когда обе были совсем юными. Кантии

она понравилась, поэтому, когда она повзрослела и у нее появились собственные дети, сначала сын Бласис, а теперь и новый ребенок, герцогиня оставила Джесу в качестве няни. Конечно, иногда Джеса скучала по дому, она так и не привыкла к тому, что часто проходило несколько дней, в течение которых она ни разу не чувствовала под ногами почву или воду. Но, когда Джеса думала о матери и женской работе, когда приходилось целыми днями собирать корни и дробить их, чинить сети и ухаживать за детьми или когда думала о других враннах, здесь, в Наббане, где ежедневные обязанности казались ей тяжелыми и опасными, она приходила к выводу, что пусть у нее и нет собственных детей, но она одна из самых счастливых людей в мире.

Джеса как раз начала новую колыбельную песню, когда кто-то постучал в дверь и одна из фрейлин герцогини встала, чтобы ее открыть. Оказалось, что пришел сам герцог, и когда Салюсер дал понять, что хочет поговорить с женой наедине, знатные леди продолжали радостно болтать о посещении сада Санцеллана, словно собирались туда до того, как появился муж герцогини.

Герцог Салюсер мельком посмотрел на Джесу, которая все еще сидела на корточках у колыбели, но его взгляд соскользнул с ее лица, словно оно было из полированного камня. Джеса не переставала удивляться этой невероятно странной особенностью обитателей материка: если они не разговаривали со слугой один на один, то делали вид, что его просто не существует, как если бы горничные и няни превращались в предметы мебели.

Когда герцог подошел к Кантии, она улыбнулась и подставила щеку. Салюсер наклонился и поцеловал жену.

– Сожалею, что мне пришлось отослать твоих дам, – сказал он ей, – но Терсиан Вуллис хочет получить ответ, и я не могу больше тянуть.

– Ответ на что?

– Речь о помолвке. Неужели ты забыла! Я тебя не торопил, учитывая твоё положение, но терпение Вуллиса истощилось.

Кантия едва заметно нахмурилась, и Джесе вдруг показалось, что туча закрыла солнце и тень набежала на прекрасный день.

– Ты сказал *помолвка*, муж мой, но, насколько я помню, речь шла лишь о возможном предложении маркиграфа. Да, правильно, ты говорил, что Вуллис хочет выдать свою дочь за нашего Бласиса. И я не забыла, что мы решили обсудить это после рождения ребенка. – Она улыбнулась. – И, вне всякого сомнения, прежде чем мы продолжим, тебе следует взглянуть на *свою* красивую дочь, спящую словно дар ангелов.

Герцог вздохнул:

– Давай не будем все усложнять. Конечно, я хочу посмотреть на свою дочь.

Джеса перестала качать колыбель, когда к ней подошел Салюсер. Герцог по-прежнему как будто ее не замечал и обратил все свое внимание на крошечную Серасину, завернутую в одеяло, поэтому Джеса могла рассмотреть герцога. Она редко видела его с такого близкого расстояния, хотя уже много лет жила с герцогиней Кантией, и ее всякий раз поражало то, каким обыкновенным казался этот мужчина с бледной, как рыбье брюхо, кожей и аккуратной песочного цвета бородкой. Он был высоким и достаточно красивым для обитателя материка, с дерзким выражением лица, но не производил впечатления выдающегося человека. Джеса не понимала, как такое могло быть: ведь после Верховного короля и королевы, о которых Джеса знала только из историй, – мифических фигур, вроде Тех, Кто Наблюдают и Творят, – герцог Салюсер являлся самым важным человеком на свете.

Как часто бывало раньше, от этой мысли у нее слегка закружилась голова, ведь он стоял совсем рядом, и от ужаса Джеса едва не потеряла равновесие и не упала.

Только теперь, когда сама Джеса стала женщиной, она начала понимать, как устроен мир обитателей материка и чем на самом деле является маленькое незначительное место ее рож-

дения – Вранн. Это понимание пришло к ней несколько лет назад, когда она узнала, что ее госпожа (которая во многих отношениях была близким другом с самого детства) собирается выйти замуж не просто за другого лорда, но за герцога Наббана, властелина самой большой и населенной страны всего мира.

Мысль эта оказалась невероятно пугающей, и в течение многих бессонных ночей Джеса думала о том, не сбежать ли ей обратно в болота, в столь хорошо знакомую лагуну. Она считала, что девушке вроде нее нечего делать в домах таких высоких людей. Джеса едва умела читать и то немного, что знала, почерпнула, наблюдая за Кантией и ее наставниками, но всегда с некоторого расстояния.

Однажды, за несколько дней до свадьбы, она всю ночь пролежала в ногах кровати Кантии, с ужасом думая о том, что ей предстоит жить в Санцеллане Маистревисе, величайшем дворце на вершине одной из самых высоких гор Наббана, где множество слуг, каждый из которых, несомненно, будет отчаянно завидовать ее положению. Джеса знала, что здесь, в этой необычной стране, убивают даже монархов, и не сомневалась, что другие слуги прикончат ее прямо в постели в первую же ночь. Они избьют молодую женщину из Вранна и сбросят со стены Санцеллана, и ее тело останется лежать на рынке, на площади Святого Галдина.

«Не будь душой, Джеса, – повторяла она себе снова и снова в течение той долгой ночи. – Джеса Зеленая Медоуказчица, так называли тебя старейшины. Зеленая Медоуказчица не убежала домой, в свое гнездо, когда ее преследовал древесный питон, она повернулась к нему и ослепила клювом! Не позорь трусостью ту, в честь которой тебя называли».

И, как если бы дух птицы пришел к ней в ту темную ночь, в жутком, наводящем ужас незнакомом месте, Джеса вдруг почувствовала, как что-то прошелестело мимо ее лица, вплелось в воздушную корону вокруг головы и через мгновение исчезло. Но с тех пор она больше не испытывала ничего подобного, и когда через две недели в первый раз вошла в Санцеллан Маистревис, следуя за своей госпожой, с удивлением и благодарностью поняла, что страх оставил ее. Из Лагуны Красной Свины в это странное место – какое путешествие она совершила!

Осторожно погладив лицо дочери указательным пальцем, герцог Салюсер отошел от колыбели и сразу принялся расхаживать перед большим окном, выходящим в гавань.

– Сейчас мне трудно увидеть что-нибудь, кроме тебя, милорд, – сказала герцогиня, – но ты не остаешься на месте достаточно долго, чтобы я могла как следует тебя разглядеть. Это не слишком успокаивает.

– Я уже сказал, давай не будем все усложнять, Кантия. Мне совсем не хочется это признавать, но я нуждаюсь в Вуллисе. Доминиат собирается в следующем месяце, на нем Далло Ингадарис намерен представить заслуживающую осуждения новую пошлину на шерсть – с единственной целью: столкнуть меня с Высокого трона. Но если Вуллис будет на моей стороне, он сумеет привлечь северных и западных лордов.

Герцогиня печально улыбнулась:

– Мой бедный муж. Ты так много работаешь! Я не сомневаюсь, что тебе нет никакой нужды убеждать людей следовать за тобой – ты же герцог! И тебя выбрали король и королева.

– Мой брат ненавидит меня за это. И проклятые Ингадарисы намерены сделать все, чтобы использовать его в качестве орудия против меня.

Маленькая Серасина проснулась и забеспокоилась, и вскоре Джеса потеряла нить разговора между герцогиней и ее мужем. Она уже слышала огромное множество подобных обсуждений, поначалу постоянно испытывала страх – неужели скоро начнется рейд тритингов? Дома Наббана начали войну между собой! Но теперь знала, что мир намного больше, чем она представляла, и вещи, которые кажутся совсем близкими, когда ее госпожа и другие о них говорят, на самом деле находятся очень далеко и едва ли могут причинить реальный вред герцогу, не говоря уже о том, чтобы коснуться самой Джесы.

Она также поняла, что некоторые вещи ближе, чем казалось. И доказательства тому появились, когда Джеса закончила гладить и качать ребенка, девочка затихла, и она положила ее обратно в колыбель. В дверь постучал стражник и объявил о появлении Друсиса, графа Тревинты и Эдне, брата герцога.

– Как такое может быть? – Салюсер выглядел удивленным и даже слегка испуганным. – Он же у себя, на востоке. – Герцог встал. – Не имеет значения. Я встречу его внизу, дорогая, чтобы избавить тебя...

Но он не успел закончить фразу, как дверь распахнулась и вошел Друсис.

– Прошу меня простить! – крикнул брат герцога, словно обращался к толпе. – Я жутко грязный с дороги и вторгаюсь в твою спальню, дорогая невестка.

Джеса, которая и в лучшие времена была существом робким, подскочила от испуга, услышав громкий голос графа: она никогда прежде не находилась в одной комнате с братом герцога, хотя видела его во время придворных церемоний и много о нем слышала. Выше своего брата герцога, он обладал впечатляющей мускулатурой и внушал страх во многих других аспектах. У него было красивое лицо, полные губы и блестящие выющиеся каштановые волосы. А еще от него исходила сила и энергия молодости, хотя он появился на свет всего на час позже брата. Джесе было практически невозможно отвести от него взгляд, хотя одна только мысль о том, чтобы заглянуть ему в глаза, приводила ее в ужас.

– Мы рады тебя видеть в любое время, дорогой Друсис, – сказала герцогиня Кантия, протягивая ему руку. – Этот дом еще и твой и всегда им будет.

– Ты слишком добра, невестка. – Он поклонился и поцеловал ей руку.

– Конечно, мы рады тебя видеть, – эхом отозвался Салюсер, но после громоподобного появления брата произнес эти слова тихо и без особого энтузиазма. – Мы просто удивлены твоим появлением, брат. Мы думали, что ты в Шасу Ориентис.

– Так и было. Но я очень быстро добрался сюда. Я не мог оставаться на месте, когда тебе и твоей молодой семье угрожает опасность.

– Опасность? Какая опасность? – резко спросил герцог.

Джеса подумала, что он разрывается между искренней тревогой и раздражением из-за внезапного и громогласного появления брата.

– Пожиратели конины. Они на нас напали! Атаковали Шасу Ориентис!

Герцогиня Кантия отложила в сторону шитье.

– Какой ужас, Друсис. Когда это случилось?

– Всего неделю назад. – Друсис подошел к окну, посмотрел в сторону гавани и на паруса, которые сидели на воде словно чайки.

– Я не могу поверить, что тритинги настолько безумны, чтобы атаковать твой дом. Что они сделали?

– О, они не стали осаждать замок, – сказал Друсис, взмахнув рукой, словно отгонял надоедливую муху. – Но они напали на Дринас Новис, город, расположенный в нескольких милях от замка, на границах моих земель.

– Поселение.

– Да, можно и так сказать. Определение ничего не меняет. Варвары убили два десятка моих людей, ранили в три раза больше и сожгли дотла половину домов. Почти двадцать человек мертвы, мужчины, женщины и дети! Так имеет ли значение, что они жили в новом городе?

Салюсер покачал головой:

– Конечно нет. Но для тритингов имеет значение тот факт, что мы строим города на их бывших землях.

Друсис возмущенно тряхнул головой.

– Так ты защищаешь убийц, брат? Разве так может рассуждать герцог Наббана, когда дикари отнимают жизни у его людей?

– Это ужасно, – сказала Кантия, глядя на мужа. – Мы же можем что-то для них сделать? Джеса подумала, что Салюсер выглядит как человек, который женился на вдове и только что обнаружил, что у нее восемь голодных ребятишек.

– Конечно, мы можем помочь, жена. Но я не понимаю тебя, брат – чего ты хочешь? Разве у тебя в Шасу Ориентисе больше нет четырех с лишним десятков рыцарей, а также множества копейщиков?

Когда Друсис нахмурился, его лицо изменилось, сильные красивые черты превратились в застывшую маску гнева.

– Ты полагаешь, это единственное, что произошло в последнее время? Земли Лесты Гермиса трижды подвергались рейдам в фэйервере, в прошлом новандере проклятые тритинги напали на отряд эскритора Рейлиса по дороге в Кванитупул. Как долго мы должны ждать, прежде чем предпримем ответные действия? Пока они не подожгут Маистревин, перебьют наших детей и изнасилуют женщин в домах? – Его смуглое лицо еще сильнее потемнело от гнева, но тут его взгляд остановился на герцогине Кантии, и он смутился. – Прошу прощения за резкие речи, миледи. Я так расстроен, что не сумел сдержаться. – Он снова повернулся к брату: – Неужели ты думаешь, Салюсер, что кольцо герцога, которое ты получил, потому что родился первым, заставит меня стоять в стороне и молча наблюдать, как дикари грабят нашу землю, сжигают поселения и убивают людей?

– Ты слишком быстро теряешь хладнокровие, Друсис, – сказал герцог. По мере того, как лицо его брата темнело, Салюсер все больше бледнел, и они становились такими непохожими друг на друга, что их уже трудно было принять за братьев. – Отойти в сторону и смотреть, как на наши земли совершаются набеги? Я не говорил ничего подобного – это твои слова. – Он сделал глубокий вдох, и даже Джеса поняла, что герцог старается сохранить спокойствие. Когда он поднял руку, чтобы пригладить бороду, пальцы у него дрожали. – Нет, мы обсудим проблему и разберемся с ней так, как делали всегда, созвав совет с другими аристократами Доминиата. А теперь, я не сомневаюсь, что ты проделал долгий путь и тебе нужно отдохнуть и привести себя в порядок – ты весь в дорожной пыли. – Салюсер хлопнул в ладоши, и через несколько мгновений в комнату вошли двое слуг. – Отведите моего брата в его покои и позаботьтесь, чтобы у него было все, что необходимо, – приказал им герцог. – Мы вернемся к нашему разговору позднее, Друсис.

Джеса видела, что лицо графа остается красным от гнева, но еще она заметила блеск в глазах Друсиса, как у охотника, заметившего, что его жертва выбралась из норы.

– Очень хорошо. Но я не стану скрывать свои чувства перед Ингадарисом, Альбиасом, Клавесом и остальными. Если ты не поможешь мне растоптать степных паразитов, я сам с ними разберусь!

Он решительно вышел из комнаты, и слуги поспешно последовали за ним.

Маленькая Серасина снова заплакала, и на этот раз к ней подошла герцогиня, которая взяла ее у Джесы, прижала к груди, дала пососать свой палец, и девочка быстро успокоилась.

– Позови кормилицу, – сказала она Джесе. – Слишком много криков. Малышку нужно покормить, прежде чем она снова заснет.

Джеса направилась к двери, но успела услышать, как ее госпожа говорит герцогу:

– Я бы многое простила твоему брату, если бы верила, что он действительно разгневан.

– Что? – Герцог явно удивился. – Что ты говоришь, Кантия?

– Я думаю, это обман. Он лишь надел маску гнева.

– Ты не понимаешь Друсиса, жена. Он с самого детства был упрямым и горячим. Он всегда сначала прыгал и только потом смотрел куда.

– О, я думаю, он смотрит, куда собирается прыгнуть, – сказала Кантия, и Джеса с удивлением услышала жесткие нотки в нежном голосе герцогини. – Я думаю, он смотрит *очень* внимательно.

Дверь у нее за спиной закрылась, и Джеса не слышала продолжения разговора.

Глава 29. Коричневые кости и черные статуи

– Какая разница, приду я на заседание Внутреннего совета или нет? – резко спросил Морган. Они с дедом находились вдвоем в тронном зале, ну, насколько такое возможно для короля и принца, поскольку вокруг молча стали эркинггарды. – Раньше тебя это не волновало.

Саймон устало вздохнул и постарался взять себя в руки.

– Ты не прав, Морган. Мы не ругались с тобой всякий раз, когда ты пропускал совет или по другим поводам, но из этого не следует, что мне и твоей бабушке все равно.

Конечно, Саймон испытывал гнев, но, как и всегда, ему было трудно смотреть на внука и не видеть утраченного сына. Те же тяжелые насупленные брови, те же красивые черты лица – во всяком случае, не как сейчас, когда Морган дулся словно капризный ребенок. У Моргана, не такого высокого и худого, как его отец, были те же черты, что и у Джона Джошуа; и порой, когда Саймон пытался воспитывать Моргана, ему казалось, что он ругает бедного мертвого Джонно.

– Но теперь многое изменилось, Морган, – продолжал король. – Пришло время взять на себя определенные обязанности и ответственность, а не исчезать вместе с друзьями в борделях Эрчестера, когда все мы тревожимся о возможном начале войны.

– Да, конечно, ответственность, – с горечью сказал принц. – Я должен вести себя как мужчина, потому что я наследник – да, да, я знаю. Но ты запретил мне участвовать в схватке, когда нас атаковали норны.

Что же, это Саймон хотя бы понимал.

– Не мой выбор. Королева за тебя беспокоилась. Мы знали силы врага...

– Но больше никто не остался в стороне от сражения! Даже бабушка находилась среди солдат. Королева!

Саймону пришлось сдерживать еще один разочарованный вздох. Он жалел, что Мириамель не поговорила с ним перед тем, как принять решение. Одно дело – защищать принца и совсем другое – создать ситуацию, из-за которой он почувствует себя униженным.

– Что сделано, то сделано, – наконец сказал Саймон. – Но что будет дальше, зависит уже от тебя.

Морган посмотрел на него, и на мгновение Саймону показалось, что он видит страшный отблеск взгляда отца Мири в горящих глазах Моргана.

– Позволь мне *что-то* делать, – взмолился принц. – Я прекрасно владею мечом. Астриан меня научил...

– Астриан научил тебя фокусам, – сказал Саймон. – Я их видел. Да, он неплохой боец и показал тебе весьма полезные приемы драки на ножах в тавернах. А участие в настоящей битве – в полных доспехах, в жару – шанс уцелеть есть только у самых сильных. Сражение – это не турнир. Ты не сможешь отдыхать между поединками и оценить следующего противника. – Голос Саймона стал громче, тема разговора заставила его оживиться. – Нет! В тебя будут лететь стрелы! Враги станут нападать на тебя сзади, хотя ты будешь драться в этот момент с кем-то другим.

– Я сильный, – сказал Морган. – Откуда ты можешь знать? Тебе все равно, ты не спрашиваешь. Ты со мной разговариваешь только для того, чтобы сказать, какой я глупец и как позорю Верховный Престол.

Саймон знал, что утратил контроль над своими чувствами, но в этот момент он видел лишь внука, который вслед за отцом ищет ранней смерти, пусть он и выбрал совсем другой путь.

– Клянусь Деревом, мальчик, – воскликнул он. – Неужели ты меня не слышишь? Воин, который готовится к битве в таверне, скорее всего, эту битву не переживет и уже не сможет вернуться к своим любимым кружкам. Очевидно, ты именно по этой причине не платишь за

эль, который подают тебе и твоим друзьям? Или ты планируешь умереть мученической смертью, чтобы оплатить все счета? В таком случае ты не просто глупец, а бессердечный глупец, потому что ты причинишь боль всем, кто останется жить. Разве твоей бабушке и мне выпало мало страданий?

Морган открыл рот, и на мгновение Саймону показалось, что принц скажет нечто такое, что ни один из них уже не сможет забыть, и понял, что во многом в том будет его вина. Но к облегчению более здравомыслящей части разума короля, которая продолжала пытаться взять себя в руки, его внук промолчал, повернулся и вышел, не спрашивая разрешения и не прощаясь. Саймон молча смотрел ему вслед, проглотив горькие слова, которые лишь ухудшили бы и без того тяжелое положение.

– Ну, – сказал он, обращаясь к трону из костей дракона и древним, свисавшим с потолка знаменам, – какие еще веселые события принесет мне этот день?

– Ну по меньшей мере еще одно, я надеюсь, – раздался голос из дверного проема.

Саймон повернулся и увидел Бинабика. В эти дни тролль сменил одежду для холодной погоды своей родины на мягкое полотно. Саймон подумал, что так он становится еще больше похож на народ Тиамака.

– Значит, часы уже пробили полдень?

– Нет, осталось еще четверть часа, так мне кажется, – ответил Бинабик. – Но я хотел поговорить с тобой, пока мы будем вдвоем, потому что королева не любит эту тему. Я ждал, пока ты закончишь разговор с внуком, а потом увидел, как он ушел с лицом, подобным выюге на Минтахоке, и понял, что ваш разговор закончился.

– Он никогда не заканчивается. И всегда одинаков.

– О, упрямство молодых. Почти такое же трудное, как упрямство пожилых.

Саймон приподнял бровь:

– И что *это* значит?

Должно быть, Бинабик улыбнулся, но Саймон не был уверен, потому что улыбка мгновенно исчезла.

– Не имеет значения, мой старый друг. Всего лишь старая поговорка кануков. Нет, я пришел, чтобы кое-что у тебя спросить. К тебе все еще не приходят сны?

Саймон решил, что готов сменить тему.

– У меня их совсем нет, и должен признать, что это очень странно. Мне даже не снится мой бедный мертвый арфист, хотя я вижу его лицо всякий раз, когда просыпаюсь. Как ты думаешь, что со мной случилось?

– Я не знаю, что сказать, друг Саймон. Возможно, это несущественно – ведь, как говорит Мириамель, многие вообще не видят сны. Но у меня другое ощущение. И все же я не могу предложить тебе никакой мудрости, как и Тиамак и его леди жена, хотя мы очень тщательно изучали их книги, пока они ухаживали за ситхи.

– О да. – Король вздохнул. Еще одна упущенная возможность. – Ей не становится лучше?

Тролль покачал головой:

– Нет, ее состояние медленно ухудшается, так мне кажется. Но иногда, несмотря на лихорадку, она что-то говорит. У нас сложилось впечатление, что ее зовут *Танахайа*. Ты слышал ее имя прежде, возможно, когда жил в Джао э-тинукай'и? Это может пролить свет на причины, по которым ситхи прислали ее к тебе.

– Нет. Я встречал там многих ситхи, но считанные из них сообщали мне свои имена. Большинство не воспринимают смертных всерьез.

Бинабик посмотрел на трон из костей дракона, стоявший на помосте за спиной Саймона, который присел за скромными тронами короля и королевы, словно горгулья на стене храма.

– Я вижу, костяное кресло короля Джона все еще здесь. Ты столько раз говорил, что хочешь его убрать.

– Мири мне не позволяет. Но я его ненавижу. Всякий раз, когда я на него смотрю, мне приходят в голову лживые истории о Престере Джоне. Я бы хотел вовсе их не знать.

– О том, кто на самом деле убил дракона? Значит, ты бы предпочел оставаться в неведении, чем знать о подвиге своего предка и о том, что его славу присвоил король Джон?

– Нет, конечно нет. Но оставить проклятую штуку здесь, чтобы все ее видели... с тем же успехом можно сказать, что правда не имеет значения.

Бинабик мрачно кивнул:

– Может быть. Но иногда я думаю, что ложь была единственной правдой, в которую тогда верили. И никто не пытался учить тебя неправильным вещам, так мне кажется.

Из часовни в сопровождении Сискви и Квины появилась Мириамель, которая выглядела как медведица с двумя детенышами.

– О да, старый трон, – сказала она. – Некоторое время мы держали его снаружи, но простым людям это не нравилось. Они любили моего деда Престера Джона – и продолжают любить – и всегда считали, что это его трон. В конце концов мне удалось убедить мужа вернуть его сюда, в Большой зал.

– Убедить? – фыркнул Саймон. – Скорее уж, приказать.

– Решения, которые принимают муж и жена, иногда бывают сложными, – с улыбкой заметила Сискви. – Некоторые вещи следует друг другу объяснять.

– Да, очень часто, – согласилась Мири. – В особенности мужьям.

– Ну, вы закончили радовать друг друга историями о том, как я глуп и упрям? – мрачно осведомился Саймон. – В таком случае мы можем выйти отсюда и поговорить. Я устал от пыли, статуй и старых костей. И древних лживых историй.

– Мы не можем выйти, пока не появится Эoleyр, – сказала Мириамель. – Он должен встретиться здесь с нами.

Саймон нахмурился, но он знал, что ничего не может изменить. Он встал с трона и уселся на ступеньку помоста, демонстративно не обращая внимания на укоризненный взгляд жены. Ей не нравилась его привычка совершать поступки, не подобающие королю, даже в присутствии друзей.

– Морган к нам не присоединится, – сказал он Мири, но не стал пускаться в дальнейшие объяснения. – Кого еще мы ждем?

– А, вот где вы все, – сказал Эoleyр, входя через богато украшенную дверь в тронный зал.

– Ну, теперь мы наконец-то отсюда уйдем, – сказал Саймон, поднимаясь на ноги.

Едва ли не самое важное в лидерстве, будь то управление королевством или маленькой группой друзей, заключается в том, чтобы проявить инициативу, и тогда остальные просто последуют за тобой. Конечно, Мириамель это также знала. Иногда все сводилось к гонке – кто первым приведет в исполнение свое решение.

Дюжина эркингардов последовала за ними из тронного зала, как всегда, сопровождая короля и королеву, точно стая псов в шлемах и зеленых доспехах. Иногда Саймон говорил, что пытаться пойти куда-нибудь без них равносильно желанию проскочить через собачий загон с мясными обрезками в руках.

«Когда-нибудь мы будем за это благодарны», – часто повторяла Мириамель.

Солнце уже успело подняться высоко в небо, и Саймон повел друзей в Сад Башни, который получил свое название из-за того, что был разбит рядом с тем местом, где когда-то стояла Башня Зеленого Ангела. Сад защищали высокие стены, а деревья за прошедшие годы успели сильно разрастись, и в саду появилось множество тропинок, ограниченных с двух сторон живыми изгородями. Стражники остались снаружи, лишь одна пара заняла пост у единственных ворот. Самая большая часть, оставшаяся от ангела, голова статуи, стояла на каменном постаменте посреди сада. Слуги только что закончили расставлять на тенистой траве блюда

с дневной трапезой: холодное мясо, фрукты, сыр и хлеб. Саймон поблагодарил их и отпустил. Он решил, что хотя бы на этот раз он и его друзья могут сами наливать себе вино.

– Остается только дожидаться Тиамака, – сказал он. – У него какие-то дела, но он обещал быть здесь, когда часы пробьют полдень. Пасеваллес тоже.

– Ты все спланировал заранее, не так ли? – спросила Мириамель.

– Я же сказал, что не хотел находиться внутри. Послушай, Мири, сегодня чудесный апрельский день. Почему бы нам не посидеть на солнце с друзьями?

Она рассмеялась:

– Действительно, почему бы и нет? Я думаю, это замечательная идея, муж.

* * *

Тиамак пришел довольно скоро, но Пасеваллес прислал записку с извинениями: у него возник небольшой кризис с бухгалтерией, который не позволит ему присоединиться к ним, поэтому они просто выпили за него. Однако ни теплая, приятная погода, ни дружеская компания не позволили Саймону пить сверх меры. Он заметил, что и Мири пьет весьма умеренно. По молчаливому согласию они беседовали только о приятных вещах. Квина и ее отец спели песню кануков об умном снежном кролике, который перехитрил лису, девушка играла роль кролика с таким очарованием, что все весело смеялись.

Когда с трапезой было покончено, Сискви встала и знаком показала дочери, чтобы она последовала ее примеру.

– Мы очень вкусно поели, – сказала Сискви. – Но теперь нам пора уходить. Однако прежде мы хотим выразить нашу благодарность.

– Куда вы собираетесь? – спросила Мири.

– Они идут на поиски Младшего Сненнека, – сказал Бинабик. – Квина убеждена, что молодой человек питается недостаточно хорошо, и хочет угостить его тем, что мы ели во время ленча.

Саймон подумал о молодом тролле, который, несмотря на свой небольшой рост, был толще короля, и с трудом сумел сдержать смех.

– Очень разумно, – только и сказал Саймон, однако Бинабик перехватил его взгляд и улыбнулся.

– Ты прекрасно поймешь жалость, которую мы испытываем к нему, – сказал Бинабик, – если вспомнишь о другом молодом человеке, который потерялся в чужих землях и всегда хотел есть.

– Мне все еще иногда снятся голуби, которых ты жарил для меня, когда мы только познакомились в лесу, – признался Саймон. – Мне кажется, вкуснее я в жизни ничего не ел.

– Нет лучше соуса, чем голод.

Когда мать и дочь ушли, Мири и Саймон переглянулись и посмотрели на Бинабика, Эoleyра и Тиамака.

– Вы не просто наши самые старые друзья, – сказал Саймон. – Вы были с нами во время войны Короля Бурь, а это еще важнее. Вы знаете о странных знаках, которые нам явлены в последнее время – норны, леди Альва и трупы ситхи, норны и их ручной гигант далеко на юге, вдали от обычных мест их обитания. И посол ситхи, пришедший к нам через много лет, на которого напали в нашем лесу Кинсвуд.

– И еще не следует забывать о послании от Ярнульфа, человека, путешествующего вместе с норнами, – напомнила Мириамель. – В нем говорится, что королева норнов проснулась и ищет корону из ведьминого дерева.

– Я полагаю, мы все очень серьезно отнеслись к угрозе со стороны норнов, ваши величества, – сказал Эoleyр. – Но вы помните, что говорил Изgrimнур: их осталось очень мало,

когда мы осаждали Наккигу, и они очень медленно размножаются, как и ситхи. И все же я отправил послания нашим союзникам, чтобы они готовились к возможной войне – не привлекающая особого внимания. Сейчас огромное значение имеют приграничные форты, которые могут нас защитить и, что еще важнее, предупредить нас о возможном вторжении с севера.

Они обсудили, как максимально быстро доставить солдат во Фростмарш, не вызвав тревоги у противника, и установить более надежную систему связи с фортами.

– Я поставлю в известность сэра Закиеля, ваши величества, – сказал Эoleyр, когда они завершили обсуждение. – К завтрашнему дню все приготовления будут закончены.

– Хорошо, – сказал Саймон. – А теперь, Тиамак, расскажи нам, удалось ли тебе выяснить что-нибудь новое о послании на копье. Является ли Ярнульф родственником Ярнауги и что он имел в виду, написав про корону из ведьминого дерева?

Тиамак покачал головой:

– О Ярнульфе мы ничего не можем вам рассказать. Мы с Бинабиком изучили все, что смогли найти в Хейхолте, но о нем нет упоминаний ни в одном из писем членов Ордена манускрипта. Кроме того, ни в книгах, ни в письмах не говорится о короне из ведьминого дерева. Каис Стерна, аристократ из Наббана, который посетил Асу'а еще во времена правления ситхи, сказал, что правители фейри носят короны – и, хотя они украшены изящной резьбой, их делают из березы.

– А кто может еще что-то знать? – спросил Саймон. – У Матери Церкви полно книг. И ты упоминал членов Ордена манускрипта. Орден еще существует?

– В некотором смысле, – нахмурившись, ответил Тиамак. – Бинабик и я, естественно, и Джошуа – если он еще жив. Однажды в Орден хотели принять Джелой, но она предложила вместо себя Файеру из Пердруина. Джелой никогда не любила связывать себя с делами людей. Она была счастлива в лесу вместе со своими животными и птицами.

– Ну а леди Файера? – спросила Мириамель. – Теперь, когда ты назвал ее имя, я его вспомнила, но я не слышала, чтобы ты о ней упоминал в последние годы.

– Она замолчала примерно в то же время, когда исчез Джошуа, – сказал Тиамак. – Я отправил ей много писем, но так и не получил ответа. В то время в Ансис Пеллиппе началась чума, а также произошел страшный пожар в той части города, где она жила, и весьма вероятно, что она мертва. – Он немного помолчал, а Саймон и Мириамель сделали знак Дерева. – Я сожалею, что не сумел сказать ничего обнадеживающего, ваши величества. Слишком много самых разных проблем требовало моего участия, и мне не казалось, что эта требует срочного внимания. Кроме того, в последние двадцать лет у нас царил мир, и, должен признаться, что после того, как мы не сумели отыскать Джошуа, я несколько раз откладывал восстановление Ордена и повторял себе: «Здесь столько всего нужно сделать, мы еще можем получить весточку от Джошуа. И все же, когда наступит весна, я отправлюсь в Наббан и начну поиски членов Ордена» или «Когда король и королева вернутся в Мермунд, я всерьез возьмусь за эту проблему». – Он выглядел печальным. – Так проходили годы, а вместе с ними исчезали шансы выяснить то, что нам было необходимо знать.

– Ты не единственный, кто может так сказать, Тиамак, – вмешалась Мириамель.

Саймон знал: несмотря на свой тон, она испытывала слабость к вранну, ведь вместе с ним, Изгримнуром и Камарисом им довелось многое пережить во время долгих скитаний на юге.

– Значит, нам могут что-то рассказать только ситхи, – проговорил король. – Но складывается впечатление, что их посланница умирает.

– Она сказала, что ее отравили, когда еще могла говорить, – пояснил Тиамак. – Не вызывает сомнений – что-то отнимает у нее силы с того самого момента, как на нее напали.

– И вместе с ней может уйти последняя надежда на помощь ситхи, – сказал Саймон, со значением посмотрев на королеву.

Она кивнула:

– Да, не беспокойся, я как раз собиралась об этом поговорить. – Она повернулась к своим собеседникам: – Мы с королем решили отправить посланницу ситхи домой. Мы надеемся, что их целители смогут ей помочь. Но даже в худшем случае нам необходимо выяснить, что им известно о планах норнов, и рассказать, что знаем мы. И какая бы тень ни легла между нашими народами, ситхи были нашими союзниками в прошлой войне, и им известно о норнах и их жуткой злобной королеве больше, чем всем остальным.

Мириамель помолчала, а потом посмотрела на графа Эoleyра. Саймону показалось, что она испытывает стыд.

– Мы с королем сожалеем, что нам снова приходится прибегать к твоей помощи, старый друг, но из-за того, что мы не знаем, почему ситхи перестали с нами общаться или почему их отношение изменилось, нам необходимо отправить кого-то с их раненой посланницей. И это должен быть тот, кто сможет говорить за короля и за меня. Ты лучший выбор.

Саймон внимательно наблюдал за Эoleyром и увидел, что тот едва заметно вздрогнул.

– Конечно, ваше величество. – Все признаки сомнений исчезли, Эoleyр был снова готов исполнить свой долг. – Я сделаю все, что скажете вы и король. Но существует одна проблема. Это будет долгое путешествие, а я достаточно стар. Что, если со мной что-то случится в дороге?

Мири нахмурилась:

– Ты думаешь, это будет слишком тяжело для тебя? – Она была явно разочарована.

– Нет, ваше величество. Но глупо делать вид, будто я все еще молодой человек. Мой возраст таков, что боги могут призвать меня в любой момент. И, если эта миссия действительно так важна, мне необходим спутник, который сможет стать вашим послом. Если со мной что-то случится.

– Конечно, ты можешь взять с собой подходящего спутника, – сказала Мириамель. – Но мы уверены в тебе и твоих силах, дорогой граф.

– Благодарю вас. – Он улыбнулся. – Надеюсь, боги того же мнения. Могу я сделать предложение? – продолжал он. – Быть может, добрый принц Морган будет сопровождать меня в качестве еще одного посла?

– Это представляется мне прекрасной идеей! – быстро сказал Саймон, заслужив разгневанный взгляд жены.

– Категорически нет! Мы с королем уже это обсуждали. Наш внук слишком молод, а путешествие будет опасным – мы даже не знаем, где искать ситхи. К тому же Морган является наследником Престола!

– Наследник, который ничего не делает, если не считать попок в тавернах и тому подобных заведениях... – начал Саймон, но ему не удалось закончить.

– Нет. Это невозможно. – Мириамель говорила так резко и с такой уверенностью, что Бинабик, Эoleyр и Тиамак смущенно зашевелились, не зная, куда девать глаза.

– Ну, – наконец заговорил граф Эoleyр, – тогда мне следует поискать другого спутника. Кроме того, следует начать подготовку к самому путешествию. Бинабик, Тиамак, как вы считаете, где нам следует искать ситхи? Найти тех, кто прославился своим умением прятаться от смертных, задача не из легких.

– Возможно, в южной части леса Альдхорт, так я думаю, – сказал Бинабик. – От своего мастера и Саймона я знаю, что лесной город Джао э-тинукай'и расположен в тех краях, но там огромные территории. Вероятно, тебе следует двигаться по Лесной дороге на восток, периодически останавливаясь и объявляя о своем появлении, чтобы ситхи заранее о тебе узнали.

– Спасибо тебе, добрый сэр тролль. Из тебя получился бы отличный Мастер Престола. – Эoleyр устало улыбнулся. – Я постараюсь изучить карты той части мира, которые у нас есть. Когда ваши величества хотят, чтобы я отправился в путь?

– Боюсь, чем раньше, тем лучше. – К Мириамель вернулось спокойствие. Она наклонилась вперед и накрыла своей ладонью руку Эoleyра. – И тебе следует взять с собой отряд

эркингардов. Мы хотим, чтобы ты благополучно вернулся обратно, благородный Эoleyр. Мы не сможем долго без тебя обходиться.

– Конечно, ваше величество. – Эoleyр начал подниматься на ноги, но делал это несколько медленнее, чем обычно. – Бинабик, Тиамак, если вы пойдете со мной, чтобы дать мне еще несколько добрых советов перед тем, как я начну планировать путешествие, я буду вам благодарен.

Все трое встали и собрались уйти из сада, но Саймон попросил Тиамака остаться.

– Они могут тебя подождать, – сказал король. – Боюсь, у нас есть еще одна проблема. Разговоры о прошлом напомнили мне, что я дал обещание Изгримнуру – и у меня есть долг перед памятью достойного старика.

– Саймон, о чем ты говоришь? – резко спросила королева.

– Ты знаешь, моя дорогая. Дети твоего дяди Джошуа. Королевская семья, которая должна была занять трон, если бы принц Джошуа захотел править.

– Не сейчас, Саймон. Слишком многое требует нашего внимания.

– Совершенно верно. Вот почему я обращаюсь к Тиамaku. – Он снова повернулся к советнику, который опирался на трость, чтобы дать отдых больной ноге. – Ты помнишь, что Изгримнур и его жена Гутрун стали крестными для двух детей Джошуа и Воршевы, близнецов Дерры и Деорнота. Перед смертью Изгримнур сказал нам, что он больше всего сожалеет о том, что так и не узнал об их дальнейшей судьбе.

Тиамак приподнял бровь.

– Но мы потеряли очень много времени, ваши величества – прошли годы.

– Почти двадцать, я думаю. Когда Орден в последний раз что-то слышал от Джошуа?

– Я думаю в 1176 году от основания и десятом году правления ваших величеств. Так что, да, прошло больше двадцати лет. След давно остыл. – Тиамак посмотрел на Саймона, и в его глазах король прочитал тоску. – Что вы от меня хотите?

– Ну, чтобы ты их нашел, конечно. Всех, если возможно, но я обещал герцогу Изгримнуру, что мы узнаем, что случилось с детьми Джошуа и Воршевы. – Он немного подумал. – Святой Риappa, у них уже могут быть собственные дети!

– Да, если они уцелели.

Терпение Мириамель истощилось.

– Саймон, это... ну, нет, не глупость. Мы действительно обязаны Изгримнуру. Но сейчас не время. Наббан раздирают внутренние конфликты, тритинги нападают на города, а теперь еще и новости о норнах... как мы можем думать о других проблемах?

– Но если мы сейчас не выполним последнее желание Изгримнура, то когда? – Саймон, когда хотел, мог быть не менее упрямым, чем жена. – А что, если в степях начнется война? Что, если в Наббане действительно воцарится хаос? Тогда след, который Тиамак *уже* называет остывшим, станет еще холоднее – если от него вообще останется хоть что-то! Джошуа и Воршева и их дети – последние члены семьи твоего отца, если не считать нас. Разве это ничего не значит?

– Так нечестно, – с мрачным видом заявила Мириамель. – Совсем нечестно.

– Просто объясните, что от меня требуется, – после долгого молчания сказал Тиамак. – Я могу взять письма Джошуа – я до сих пор храню те, что он мне написал, и, конечно, Стрэнгьярд тоже получил много писем.

– Ты говорил, что их давно изучили, – сказал Саймон. – Насколько я помню, у тебя есть еще письма, которые Джошуа написал Мири и мне, но из них невозможно понять, что с ним случилось и куда он направился. Нет, тебе следует поехать в Кванитупул, где они жили с Воршевой, а дальше идти по их следу – кто знает, куда он тебя приведет. Мы должны наконец узнать, что с ними случилось, в особенности с детьми. Мы обязаны, ради Изгримнура. Никого бы из нас здесь не было, если бы не герцог. И если бы не принц Джошуа, конечно.

Выражение лица Тиамака показалось Саймону странным. Он не сразу понял, что Тиамак близок к тому, чтобы сказать «нет» – и очень этого хочет, чего ни разу не случилось с тех пор, как Саймон стал королем.

– Я не уверен, что это хорошая идея, – наконец ответил Тиамак.

– О, благодарение Искупителю, – сказала Мириамель. – Хоть кто-то начал мыслить разумно.

– Что? Что ты хочешь сказать, Тиамак? Джошуа есть – или был – принцем Эркинланда, а потом он исчез! Дядя королевы! Мы спорили об этом в прошлом, и никто не хотел меня слушать, но, да защитит нас бог, если что-то случится с нами или с нашими близкими, семья Джошуа останется единственными людьми, в жилах которых течет кровь короля Джона. И даже если Морган сядет на трон, как надеемся мы с королевой, разве мы имеем право игнорировать предсмертное желание Изгримнура? – Саймону стало жарко, и он понял, что покраснел. – Перестань, Тиамак, ведь Изгримнур был и твоим другом!

Вранн бросил на короля мрачный взгляд.

– Дело не в этом, ваше величество... Саймон. – Тиамак поднял трость и указал на больную ногу. – И даже не в том, что я не в состоянии быстро ходить. И не могу ездить в фургоне, не испытывая боли.

– Но ты только что проделал длинный путь от Элвритсхолла.

– И, если быть честным до конца, мой старый друг, – я все время страдал. Но постарайтесь правильно меня понять. Дело вовсе не в боли – проблема в том, что я не могу перемещаться быстро. Кто знает, как далеко может завести нас след? Мне придется часто останавливаться и отдыхать, этого будет невозможно избежать. Даже самое отважное сердце не может далеко увести больное тело. У меня уйдет на поиски очень много времени – и прошу прощения, если мои слова покажутся вам исполненными гордыни, – но я боюсь, что вам будет не хватать моих советов в те опасные месяцы, которые нам предстоит пережить, пока меня здесь не будет. Бинабик скоро покинет нас вместе со своей семьей. И вы отправляете Эoleyра.

Саймон нахмурился:

– Я сожалею о твоих болях, конечно – конечно! – но мне кажется, что ты боишься оставить библиотеку, которую любишь больше всего на свете.

– Это не так. – На мгновение Саймон удивился, ему еще не приходилось сталкиваться со столь ярким проявлением чувств – его спокойный советник выказал гнев, хотя тщательно его контролировал. – Неправда и несправедливо с вашей стороны. Прежде всего я бы не хотел покидать свою жену, но все равно, если бы это стало лучшим решением, я бы отправился на поиски. Конечно, отправился бы. Вы прекрасно знаете, что я поклялся в верности Верховному Престолу и вам обоим, и вы ошибаетесь, предполагая иное.

Саймон почувствовал себя как ребенок, которого отругали, но он понимал, что Тиамак прав – он был к нему несправедлив.

– Достаточно. Я еще раз приношу тебе извинения за свои глупые слова. Но что нам делать, если ты не отправишься в эту экспедицию? Как ты правильно отметил, больше послать некого, ведь Эoleyр уедет вместе с раненой ситхи. Значит, нам придется снова отложить поиски, рискуя так и не узнать, что с ними случилось?

– Может быть, и нет. – Казалось, настроение Тиамака изменилось. – Возможно, есть человек, который с этим справится, так мне кажется – и, как ни странно, я начинаю думать о том, как я смогу ему помочь.

– Кого ты имеешь в виду?

– Брата Этана. Вы его знаете.

Саймон нетерпеливо махнул рукой.

– Да, молодой монах с испуганным взглядом.

Тиамак улыбнулся:

– Теперь, когда вы сказали, я с вами соглашусь. Да, у него немного испуганный взгляд. Вы не слишком хорошо знаете Этана, но я много с ним общался, и он сразу произвел на меня хорошее впечатление, как только его прислал к нам архиепископ. У него острый ум, он полон любознательности и у него доброе сердце.

– И все же, нечто столь важное... – Саймону не хотелось посылать с таким серьезным заданием человека, которого он едва знал.

Ему казалось, что это будет неуважением к памяти Изгримнура.

– Позвольте мне кое-что поведать вам о брате Этане, – сказал Тиамак. – Возможно, вы помните, что, когда умер отец Стрэнгъярд – мой дорогой старый друг, как мне его не хватает! – его свиток так никому и не передали.

Мириамель кивнула:

– Потому что все произошло очень быстро. В то лето лихорадка унесла многих.

Саймон вспомнил. Он не представлял, насколько сильно ему будет не хватать старого архивариуса, пока не стало слишком поздно.

– Да хранит нас бог, то были ужасные времена.

– В последние часы своей жизни он просил меня, чтобы я хранил его свиток и эмблему до тех пор, пока не найду того, кто будет их достоин. Теперь я начинаю думать, что брат Этан именно такой человек – и его следует пригласить в Орден манускрипта. Возможно, так вы поймете, что я о нем думаю.

– Ну, это очень сильная рекомендация. Ты уверен, что он справится?

– С задачей? Да. Он молод, и у него хорошее здоровье. Кроме того, он не верит в легкие ответы, как и положено истинному ученому. Я не могу представить лучшего кандидата. Но, что еще важнее, для него это будет хорошо.

– Почему ты так думаешь?

– После нашего возвращения из Риммерсгарда он был озабочен... определенными проблемами.

Саймон видел, что Тиамак решил ограничиться минимумом необходимой информации, и на мгновение испытал раздражение.

– Определенными проблемами?

– Вам не следует тревожиться, ваши величества, – это важно только для ученых, вроде Этана и меня, – но одна проблема вывела его из равновесия. Он стал плохо спать и, как многие религиозные люди, склонные к созерцанию, принял ее слишком близко к сердцу. Я считаю, что для него будет полезно заняться чем-то новым, увидеть другие земли, оторваться от знакомых стен замка и жизни храма.

Саймон поднял руку:

– Если ты готов поклясться, что он справится, для меня твоего слова достаточно. Мириамель?

– Конечно, мы бы предпочли, чтобы на поиски отправился ты, Тиамак, – сказала она. – И как ты догадываешься, я не считаю, что нам следует предпринимать их сейчас. – Она бросила быстрый взгляд на мужа. – Но если мы сможем послать твоего... ученика Ордена, вероятно, его следует называть именно так, я не стану возражать.

– Значит, так тому и быть, – сказал Саймон. – Но я бы хотел поговорить с Этаном перед тем, как он отправится в путь, чтобы он понимал, насколько серьезное дело ему поручают.

– Конечно, ваше величество. – Саймон вновь почувствовал в Тиамаке внутреннее сопротивление, однако решил не обращать на него внимания.

– И тебе следует позаботиться о том, чтобы он имел все необходимое для поисков Джошуа, Воршевы и их детей. И чтобы узнал всю правду.

– Я клянусь своей деревней, ваши величества. Я клянусь Верховным Престолом.

Когда Тиамак ушел, Саймон постарался не смотреть в глаза Мириамель. Он знал, что она недовольна, но сейчас ему не хотелось оправдываться. Вместо этого он посмотрел на еду и пустые чаши, лежавшие в траве.

– Мы заберем это с собой? И тогда все будет как в прежние времена, когда я работал на кухне, – сказал он.

– Мы пришлем слуг, – твердо сказала Мириамель, подобрала юбки и встала. – Если ты не забыл, я никогда не работала на кухне.

Саймон посмотрел ей вслед. Она снова на него сердилась, но возможных причин было так много, что он не знал, из-за чего именно.

«Как я могу проиграть спор, если я даже не знаю о существовании аргументов?» – спросил себя он.

Он раздраженно пнул чашу с вином, посмотрел, как оно выливается в траву, и последовал за женой.

Когда Тиамак добрался до своих покоев, он обнаружил там Телию, которая выглядела недовольной, хотя он не сразу понял, что стало тому причиной.

– Доброго дня, дорогая, – сказал он. – Как наша пациентка?

– Ситхи? Не лучше, но, благодарение богу, не хуже. И все же что-то ускользает от меня – от всех нас, – и я никак не могу понять, что именно.

Тиамак вздохнул:

– У меня такое же ощущение, но не только из-за ситхи, но и по нескольким другим поводам. Меня оно преследует вот уже несколько недель, как будто я наблюдаю за рекой дома, во времена моей юности. По воде идет рябь, но я не понимаю причин. На дне только камни или там кто-то прячется?

– Что тебя тревожит?

– О, все или ничего. Слишком многое, чтобы просто рассказать.

– Тогда я оставлю тебя, чтобы ты подумал в тишине, если только ты окажешь мне одну услугу.

– Какую?

– Налей мне чашку стимулирующего желтого щавеля, ладно? Я сегодня очень устала, и у меня болит голова.

– Целую чашку?

– Ну ладно, половину. И я выпью ее медленно. – Телия нахмурилась, но она рассчитывала, что у нее получилась игривая улыбка. – Ты слишком осторожен со мной, Тимо. Мы, женщины материка, очень крепкие, ты же знаешь.

– О да, конечно. – Он вытащил пробку из маленького кувшина, щедро плеснул желтой жидкости в маленький драгоценный стеклянный стаканчик и посмотрел сквозь него на полуценное солнце. Большое окно являлось главной причиной, почему Тиамак выбрал именно эти комнаты, которые в остальных отношениях были весьма скромными, но по сравнению с прежней жизнью ему больше всего не хватало света. Он встряхнул стакан и стал смотреть, как в нем, подобно облакам в небе, клубится туманная жидкость.

– Спасибо, муж мой, – сказала Телия, взяв стаканчик из его рук.

Он оставил ее с лекарством, а сам подошел к столу, решив наконец заняться тем, что занимало его мысли с того момента, как Этан показал ему запрещенную книгу. Тиамак сразу понял, как только увидел «Эфирные шепоты», что ему потребуется совет другого ученого, но Орден перестал быть прежним – осталось всего три его члена, да и то если Файера жива! Он стал рассматривать Этана как возможного нового кандидата из-за деятельного ума и доброго сердца молодого монаха, но его еще следовало подготовить на роль ученого, не рассчитывая на то, что он уже сейчас сможет оказать помощь. А помощь Тиамaku требовалась немедленно.

Его жена читала «Движение крови и дыхания» Ракуна и потягивала лечебный напиток, из чего Тиамак сделал вывод, что она все еще тревожится об умирающей ситхи. Казалось, после возвращения короля из путешествия Телия уходила в свои покои только для того, чтобы изучать медицинские книги или спать. Тиамак не был требовательным мужем, но начинал испытывать ревность к отравленной женщине, которая теперь получала все внимание его жены.

«Нет смысла страдать, – сказал он себе. – Лучше поблагодарить Того, Кто Всегда Ступает По Песку, за то, что Телия жива и здорова и мы вместе. К тому же я могу направить свою энергию на что-то более полезное».

Он взял лист пергамента из коробки, обрезал перо и начал писать.

«Мой дорогой друг Энгас, – начал Тиамак, у него промелькнула мысль, что это слишком свободное обращение, но он решил, что не станет ничего менять. – Я пишу тебе это письмо, потому что нуждаюсь в твоих знаниях, и это перевешивает мой стыд, который я испытываю, отвлекая тебя от жизни и работы. В мои руки попала очень необычная книга, ни один из нас ни разу ее не видел, мы только слышали о ней, книге с дурной славой.

И тем не менее я не стал бы тебя тревожить, однако я опасюсь, что ее содержание может оказать влияние на другие важные вещи. Большая часть книги написана на старом наббанайском, который вполне понятен, но используется в качестве шифра. Автор – я не стану упоминать его имя здесь, потому что ты сам догадаешься, какую книгу я имею в виду, – использует кандианские слова в тех местах, где называются и описываются самые важные имена и процессы. Я плохо знаю язык Кандии. Однако он хорошо известен тебе. Теперь ты понимаешь, какие у меня возникли проблемы.

Я не могу отправить тебе книгу, только сам привезти ее, чтобы передать из рук в руки, что сейчас совершенно невозможно, поскольку долг вынуждает меня оставаться в Эрчестере. Я не прошу тебя сюда приехать – я знаю, что нельзя обращаться с подобной просьбой к человеку в твоём положении, – но других идей у меня нет. Знаешь ли ты ученого, который мог бы мне помочь, старый друг? Есть ли ученые, не принадлежащие к церкви эйдонитов, которые знают древний язык Кандии? Если ты догадался, о какой книге идет речь, тогда тебе понятно, почему я не стану обращаться к санцелланским эйдонитам и почему больше ничего не напишу в письме, которое мне придется доверить курьеру, пусть даже и королевскому.

Надеюсь, ты чувствуешь себя неплохо, насколько это вообще возможно, и твоя работа хорошо продвигается. Каким бы ни был твой ответ, я с нетерпением жду момента, когда смогу прочитать твои записи о Варинстене и развалинах Кементари.

Твой брат по духу,

Тиамак из деревни Роцца, ныне из Эрчестера».

Тиамак перечитал письмо, промокнул чернила, сложил и запечатал его своей печатью, решив лично передать курьеру, отправляющемуся на юг, чтобы быть уверенным, что никто о нем не узнает. Скорее всего, ничего из этого не выйдет – Энгас никогда не интересовался чужой работой, – но Тиамак считал, что должен что-то сделать. С тех пор, как его посетило ужасное предчувствие, когда они путешествовали через Фростмарш, Тиамак преследовало необъяснимое ощущение, что у него совсем не остается времени и скоро произойдет событие, которое, точно огромный камень, упавший в маленький пруд, полностью изменит их с Телией жизнь.

«Пусть Древние даруют мне способность неверно видеть будущее, и пусть я не смогу его прочитать, как слова на языке Кандии, – начал молиться он, но у него тут же возникла другая тревожная мысль. – На что я посылаю брата Этана? Быть может, мне следовало отправиться на поиски вместо него?»

Конечно, на такие вопросы не существовало простых ответов – и только боги могли их знать.

Тиамак поцеловал жену в лоб и направился к двери, но тут увидел, что стакан с лекарственным напитком уже почти выпал из ее руки; она заснула с раскрытой книгой на коленях. Он забрал книгу и стакан, который, к счастью, уже практически опустел, и поставил их рядом на стол.

– Доброго и спокойного тебе сна, дорогая жена, – прошептал он, закрывая дверь.

Глава 30. Медленная игра

Они ехали на северо-восток через широкие равнины, которые риммеры называли Остердир, все дальше удаляясь из весны в снега, которые растают еще очень не скоро. Лес оставался на севере, а озеро, огромное, как море, тянулось рядом на мили к югу. Мако был доволен, что им удалось выбраться из «ловушки смертных», как он ее называл, но когда Кемме во второй раз за столько же часов сказал: «Четыре Когтя и гигант, и мы прикончили несколько дюжин их лучших воинов!» – командир посмотрел на него с раздражением.

– Королева и не ожидает от нас меньшего, Жертва, – только и сказал Мако, но Кемме больше ничего не говорил.

И все же. Мако был доволен тем, что произошло, и в течение следующих долгих дней не пытался сделать жизнь Нежеру невыносимой, как раньше, хотя обращался с ней с прежним презрением.

Буря следовала за бурей, но плохая погода никогда не мешала хикедая, а из-за того, что не защищенная от ветра часть северного мира оставалась практически необитаемой, королевская Рука продолжала двигаться в сторону далекого пика Джиньяхайю'а не только после наступления темноты, но и днем. Но Мако не утратил осторожности: смертный Ярнульф знал эту территорию лучше, чем любой из хикедая, и он часто с ним советовался, но Ярнульфу никогда не разрешалось вести Руку за собой или ехать впереди. Мако сам занимал место во главе, пропустив вперед лишь гиганта Го Гэм Гара, который расчищал путь, когда снег становился слишком глубоким для лошадей. Кемме и Саомеджи следовали сразу за вождем, и он изредка с ними совещался. Таким образом, Нежеру и смертный замыкали их маленький отряд.

Ярнульф слегка придержал лошадь, но так, чтобы Нежеру этого не заметила. Она решила, что он хочет поговорить с ней, потому что она опозорена, попытается привлечь на свою сторону и сделать из нее союзницу. Все остальные хикедая не верили смертному, и в данном случае Нежеру была с ними согласна. Королевские Охотники считались жестокими одиночками, к тому же они невероятно гордились своей свободой, в то время как остальные их соплеменники носили ошейники рабов. Она не могла поверить, что один из Охотников так легко согласился разделить судьбу отряда Когтей.

– Итак, Жертва Нежеру, – неожиданно заговорил Ярнульф. – Как ты здесь оказалась?

Ей все еще казалось странным, что кто-то с такой необычной внешностью настолько безупречно говорит на ее родном языке. Он даже удваивал звук «к», как хикедая, при вдохе, а не на выдохе. И прекрасно понимал тонкости языка, спрашивая у нее «как» она здесь оказалась, а не «почему», что сильно напоминало допрос.

– Меня послала Королева. А как *ты* оказался здесь, освобожденный раб Ярнульф? – спросила она.

Он улыбнулся, признавая, как и она, что им предстоит долгая, медленная игра, которая может продолжаться несколько дней. В этих бескрайних заснеженных равнинах с нависающим серо-белым небом и чахлыми темными лесами никто никуда не торопился.

– Я пришел из рабских загонов Наккиги, конечно, – сказал он. – Наккиги-Какой-Она-Была, если уж быть точным до конца, из старого города, расположенного снаружи горы. Я родился в замке Белой Улитки, у подножия Стормспейка, и с самого первого вдоха научился бояться Королевы. Так что в этом отношении я ничуть не отличаюсь от тебя.

– За исключением того, что я не носила рабский ошейник и меня учили любить Королеву, а не бояться.

– Одно и то же в конечном счете. – Он бросил на нее насмешливый взгляд. – И я знаю, что ты родилась не в рабском загоне, Жертва. На это указывает каждое твое движение.

– Что ты имеешь в виду?

– Цвет твоей кожи и форма лица говорят мне, что ты полукровка, но ты двигаешься так, как будто ты выросла среди аристократов Наккиги. Я прав?

– Да, – сказала она, уязвленная точностью его догадок. – И что еще ты видишь в моем прошлом, Королевский Охотник?

По его губам промелькнула еще одна довольная улыбка. «Смертные, в особенности этот, слишком охотно делятся своими мыслями, – подумала Нежеру, – их лица подобны книгам, в которых все написано».

– Не только твоя гордая осанка позволяет мне понять, что ты воспитывалась в благородном доме, прежде чем стала членом своего Ордена, – сказал он. – Ты явно знакома с Хаоса-Раши, «Путем изгнанников», которому обучают детей высших кланов. И точность, с которой ты им пользуешься, говорит о том, что ты совсем недавно покинула дом, где провела детство.

– С чего ты взял?

– С годами у ваших людей владение древними жестами становится более свободным и не таким четким. Среди самых старших – например, у советников Королевы, рожденных на земле, – невозможно понять, хотели они что-то сказать или просто пошевелились.

Ему снова удалось заставить Нежеру врасплох: этот смертный мог быть кем угодно, только не глупцом. Но их игра уже начала доставлять ей удовольствие.

– В таком случае позволь мне рассказать кое-что о тебе, – сказала она. – У тебя был учитель, какие редко бывают у рабов. Ты изучал боевые искусства и даже верховую езду до того, как покончил с жизнью раба. Ты даже пытался *отучить* себя от некоторых жестов, тех самых, что послужили поводом для насмешки надо мной, во всяком случае, теперь ты можешь сойти за своего среди риммеров. – Она была вознаграждена легким движением уголка его рта – попадание! – А теперь скажи, зачем ты пытаешься скрыть то, как тебя воспитывали?

– Следует отдать тебе должное, Жертва Нежеру. У тебя острый взгляд, хотя я уже говорил о своем наставнике Ксока прежде. Но причина, заставившая меня отучить себя от языка жестов, привитых мне с самого детства, должна быть очевидна. Как один из Королевских Охотников, я путешествую по землям от границы владений Королевы до Риммерсгарда – а иногда, как в данном случае, до самых северных границ Эркинланда. Мне приходится иметь дело с другими смертными, которых я встречаю во время путешествий, и я часто делаю покупки в их поселениях. Как ты думаешь, что я получу вместо вяленого мяса и зерна, если они узнают, что я один из Охотников за рабами Королевы Утук'ку?

– Полагаю, петлю. И железную клетку для твоих костей. – Теперь улыбнулась Нежеру, совершенно сознательно показывая, что ей было бы очень приятно это увидеть. – Я слышала, что тела предателей часто вешают на границе земель смертных, чтобы показать остальным, что бывает, если они берут серебро Королевы.

– Совершенно верно.

Некоторое время они ехали молча. Далеко впереди Нежеру видела сгорбленный силуэт гиганта, похожий на движущийся сугроб. За ним о чем-то беседовали Мако и Саомеджи, чуть отставал от них Кемме. В последние дни командир и Певец все чаще вели долгие разговоры, нередко спорили, и Нежеру хотелось бы узнать, о чем шла речь. И еще она не понимала, почему господин Саомеджи, Ахенаби, позволил ей остаться в Руке, когда Мако хотел отправить ее в Наккигу для наказания. Конечно, их миссия очень важна, но Лорд Песни, вне всякого сомнения, мог выбрать ей на замену любого из нескольких дюжин воинов из своих Певцов или прошедших подготовку солдат. И Ахенаби, ворвавшись в ее мысли, не мог не узнать, что она солгала, когда сказала, что у нее будет ребенок. Почему он не обратил на это внимания? И ничего не сказал Мако, который продолжал верить в ее ложь.

– Если я прав, а у меня есть основания так думать, ты очень молода для своей расы, – неожиданно сказал Ярнульф, словно подслушал ее мысли. – Почему же *ты* стала участницей этого тяжелого путешествия – какой бы ни была его цель?

– Я была одной из лучших среди тех, кто проходил обучение в Ордене Жертвы. – Она почувствовала напряжение в своем голосе и разозлилась. Неужели Ярнуйфу очевидно, что и она не знает ответа на этот вопрос. – Я убила шестерых вооруженных рабов голыми руками, сделала калеками двух воинов Жертвы во время Игр. Я могу драться не хуже любого мужчины – и лучше большинства.

– О, в этом я не сомневаюсь, – сказал он. – И все же выпуски обученных воинов Ордена Жертвы проходят каждые несколько лет, не так ли? Наверняка есть дюжины других воинов, которые в свое время добились таких же результатов, как ты, и успели побывать в настоящих сражениях. Ведь ты не участвовала в реальных битвах до нашей схватки с эркинландерами?

Нежеру ощутила острую обиду, и ее это удивило.

– Ты ошибся, смертный. Я участвовала во многих сражениях и схватках, – сказала она, пожалуй, слишком быстро, думая об островитянах, которых убила, и о том, кому позволила ускользнуть.

– Вот как. – Он повел себя так, словно она с ним согласилась, что снова вызвало у Нежеру приступ раздражения. – Так кто же твои родители, Жертва? Они должны быть достаточно могущественными, чтобы добиться столь привилегированного положения для своей дочери, хотя она так молода.

– Моя молодость не имеет значения.

– Неужели? А для меня она значит многое. Ваш народ живет в сто раз дольше, чем мой, – однако я могу поспорить, что, несмотря на твое высокое положение и полученные почести, я прожил больше в этом мире, под этими звездами. – Он указал в сторону ночного неба. – Я прожил двадцать восемь лет. А сколько ты?

– Не имеет значения. – Она постаралась, чтобы ее лицо ничего не выражало, но сейчас ей хотелось его убить, чтобы прекратить насмешки. – Ты наносишь мне уколы, чтобы самому не отвечать на мои вопросы.

Бледно-голубые глаза пристально смотрели на Нежеру.

– В таком случае я приношу свои извинения. В некотором смысле я гость и должен вести себя лучше. Задавай свои вопросы, Жертва. Есть ли во мне то, что вызывает у тебя интерес?

– Интерес? Может быть. – Нежеру понимала, что потеряла хладнокровие. Она молча повторяла Молитву Верных Слуг, пока к ней не вернулась способность ясно мыслить. – Твои стрелы отличаются от наших, – наконец сказала она.

Он приподнял брови, делая вид, что удивлен.

– Ну да, *это* серьезный повод для беспокойства.

– Сам по себе нет. Но на твоих стрелах перья ястреба или орла. А мы, Жертвы, используем перья черных гусей.

– Ты хочешь устроить соревнование, чтобы выяснить, чьи стрелы лучше летят в цель? Пусть я и не хикедая, но до сих пор никто не усомнился в моем умении стрелять из лука.

– Я не ищу соревнования – хотя было бы любопытно устроить его как-нибудь между нами. – Нежеру позволила себе слегка улыбнуться. Она ощутила силу, словно сдвинула край плаща, чтобы показать острый клинок. – Однако я следовала за тобой по склону горы в ту ночь, когда мы ускользнули от армии смертных, я видела много стрел с таким оперением, как у тебя, и все они торчали из стволов деревьев.

Некоторое время они ехали молча.

– Боюсь, я тебя не понимаю, Жертва.

– О, думаю, ты все прекрасно понимаешь, освобожденный раб. Для того, кто называет себя искусным лучником, ты слишком редко попадал в тела смертных.

Он небрежно потряхнул головой.

– В горах было полно смертных в ту ночь, они окружали нас со всех сторон, когда мы начали прорываться к свободе. Я не могу отвечать за все стрелы, на которых не было оперения черных гусей.

– Верно. Но лишь немногие из наших смертных врагов могли стрелять нам в спины, поэтому я все еще не понимаю, как такое количество стрел, летевших по направлению нашего бегства, могло не попасть в цель – если только ею не являлись деревья.

Лицо смертного превратилось в маску – как у истинного хикедэ'я, исполняющего свой долг.

– Ты хочешь что-то мне сказать, Жертва?

– Называй меня Нежеру, пожалуйста. Я полагаю, мы уже достаточно давно знакомы, не так ли? В конце концов, мы вместе сражались, вместе убивали смертных, а теперь вместе путешествуем. А я буду называть тебя Ярнульф. Или это не твое настоящее имя?

– Оно такое же настоящее, как любое другое. – Он снова посмотрел на нее, но теперь в его глазах она увидела заметно больше уважения. – Ты так и не ответила на мой вопрос. Откуда в тебе кровь смертных?

Она немного подумала.

– От моей матери. Она риммер, как и ты.

– И тоже рабыня, как я и остальная часть моей семьи?

– Не совсем. – И это было правдой – на самом деле не существовало других таких же отношений, что связывали благородного отца Нежеру и ее мать чужестранку. – Но я полагаю, что ей должна быть знакома твоя жизнь.

– Надеюсь, что нет, леди Нежеру. Потому что я бы никому не пожелал такой жизни, как моя.

И он совершенно неожиданно для Нежеру прищипорил коня и не сбавлял хода, пока не оказался посередине между ней и остальной частью отряда.

«Да, – подумала она не без удовольствия. – Нам предстоит долгая и неспешная игра».

Его самым ранним воспоминанием был холод, когда он прижимался к другим детям в рабских бараках. Ветры, спускавшиеся с Норнфеллса и кружившие около великого Стормспейка, казалось, никогда не стихали, неизменно пытаясь отыскать путь в примитивные здания, и под их свистящие песни прошло все его детство. Даже рядом с другими дрожащими ребятами, чьи худые тела жались друг к другу, словно мышата в гнезде из тряпок, Ярнульф никогда не мог согреться.

Он помнил холод и, конечно, голод. Хикедэ'я считали детей пригодными лишь к самому легкому труду, пока они не достигали определенного размера, обычно в возрасте десяти лет, и не особенно заботились о питании потомства рабов. Тех, кто оказывался достаточно сильным и выживал, имело смысл поддерживать, остальные не заслуживали хорошего зерна, так что детей кормили лишь так, чтобы они не умирали от голода. А если те, кто побольше, забирали еду у тех, кто меньше, это лишь доказывало, что более сильные достойны жизни и, вне всякого сомнения, принесут своим владельцам пользу. Больных оставляли умирать. В течение столетий хикедэ'я так же поступали и со своими детьми – зачем же относиться иначе к потомству смертных рабов?

Ярнульф знал свою мать Рагну лишь в течение нескольких первых лет своей жизни, и хотя ему казалось, что он все еще помнит ее лицо, полной уверенности у него не было. Однако он не забыл ее голос, одну из немногих хороших вещей из своего детства. Чудесный, нежный и сладкий, как пение птицы. Ее тихие слова, когда они прижимались друг к другу ночью и она старалась не разбудить остальных, были его единственными приятными воспоминаниями. Она рассказывала ему истории о своей семье и народе и даже научила читать и писать древние руны предков, которые они принесли с собой, когда пересекли океан и оказались в Светлом Арде.

Когда ему исполнилось восемь лет – его брату Ярнгримнуру было на год меньше, а сестре Грете всего четыре, – умерла еще одна женщина-рабыня, и их мать забрали в замок, чтобы она ее заменила. Ярнульф, его брат и сестра больше никогда ее не видели.

Ярнульф делал все, что мог, для брата и сестры, особенно для Греты, обнимал девочку долгими ночами, когда ветер пробирался в многочисленные щели в стенах холодных каменных зданий, которые хикед'я называли «рабскими амбарами». Бывали ночи, когда Грета дрожала по несколько часов подряд даже во сне. Его брат также страдал, и в первую же зиму после ухода матери Ярнгримнур умер от потницы, а его тело увезли на тележке в Поля безымянных, чтобы сжечь.

Рабские амбары, как и сами рабы, принадлежали замку Белой Улитки, одному из самых крупных поместий Наккиги-Какой-Она-Была, городу внутри горы, который когда-то тянулся далеко за подножие великого Стормспейка. Старый город был чудом рифленого камня и широких дорог, огромных каменных зданий и стен, но практически превратился в руины. И все же часть старых семей отказывалась уходить внутрь горы; они продолжали придерживаться прежних обычаев, жили в древних замках, примостившихся на горных склонах, надзирали за собственными рабами и фермерами-арендаторами, вместо того чтобы предоставить эту работу надсмотрщикам, которые и сами являлись рабами. Хозяева замка Белая Улитка и других внешних поместий выращивали овец, домашний скот и лошадей на насыпях, расположенных на восточных склонах горы Стормспейк, продолжая жить по законам предков, когда те только прибыли в эту землю изгнания, которую называли До'зае не-Согея – Садам Теней.

Ярнульф унаследовал от матери и давно утраченного отца не только стройное сильное тело, рост и знание древних рун. Мать научила его смотреть и думать, объяснила, что для того, чтобы победить силу, не обязательно быть сильнее.

«Пойми меня правильно, – однажды сказала она. – Мы так же сильны, хотя являемся рабами. Помни, мы из клана Ярн – Железного клана, – а фейри всегда ненавидели и боялись железа».

Снова и снова Рагна требовала, чтобы он учился держать свой гнев под контролем, напоминала, что есть другие способы сражаться и даже побеждать.

«Ум сможет спасти тебя там, где сила и размер не будут иметь значения, – сказала она ему и для примера поведала историю о боге огня Локене, однажды обманувшем короля огров. – Терпение тоже очень полезная черта, потому что Время способно осуществить то, что не под силу людям».

Ярнульф особенно любил именно эту историю, потому что знал про гигантов. Он часто наблюдал, как работают огромные существа – хикед'я называли их *раони*, – они перемещали тяжелые камни и балки для своих хозяев, потому что были такими же рабами, как и Ярнульф. Когда он их увидел, Ярнульф понял, что есть враги, с которыми он никогда не сможет сражаться, и этот урок никогда не забывал. Вот почему, после того как их мать забрали и она стала домашней рабыней, юный Ярнульф сдерживал свой гнев до тех пор, пока у него внутри все не выгорело, но ничего не сказал и не сделал.

«Ум сможет это сделать, – повторял он себе снова и снова, хотя его кровь кипела. – И еще терпение, – думал он, цепляясь за любимую поговорку Рагны в тот момент, когда ее уводили, даже не позволив оглянуться, – потому что Время способно осуществить то, что не под силу людям».

Однако то был день, наполненный горечью, и эта рана так никогда и не затянулась.

По мере того как он становился старше, его стали выбирать для работы, которую хикед'я поручали молодым рабам. Ему приходилось жать ячмень на крутых склонах, пока его кожа не начинала чесаться, носить воду для жнецов, нечистоты в поля, складывать мусор в кучи. Постепенно он начал общаться с детьми хикед'я. Поместье, окружавшее замок Белой Улитки, представляло собой маленький город, где поселились самые разные люди. Гиганты и подме-

ныши, которых называли пенги, казалось, мало отличались от животных и считались еще более низкими существами, чем Ярнульф и его смертные соплеменники, но в самом замке жило несколько каст хикедая – Связанные родством, Давшие клятву и Полноправные. Связанные родством были фермерами, имели лишь немногим больше свободы, чем рабы, но считались хикедая: даже самые убогие и захудалые из них обладали полной властью над любыми смертными. Давшие клятву являлись воинами и слугами, а также занимали другие важные должности. И, конечно, господин и его семья, Полноправные, каста тех, кого сама Королева причислила к аристократии.

Ярнульф крайне редко видел детей Полноправных, которые росли и получали образование во внутренней цитадели замка. Юные сыновья и дочери Давших клятву каждый день приходили на невспаханные поля, расположенные рядом с рабскими амбарами, где изучали искусство войны, ведь всем хикедая, за исключением Связанных родством, следовало уметь сражаться.

Сначала Ярнульф лишь наблюдал за ними, когда у него выдавались свободные мгновения. Его особенно заинтересовал их наставник – старый хикедая с резкими чертами лица. Ярнульфу было трудно определять возраст своих хозяев, которые не старели, как смертные, но наставник двигался так неспешно, что это говорило об опыте, к тому же он не оставлял свои волосы белыми, как большинство других мужчин, а окрашивал их в серый оттенок ведьминого дерева, вышедший из моды задолго до того, как родились дедушка и бабушка Ярнульфа.

Он узнал, что старик был знаменитым фехтовальщиком и когда-то командовал Жертвами, и что его зовут Денаби сей-Ксока. Никто из других рабов ничего больше о нем не знал, но все в поместье слышали его пронзительный голос, когда он кричал, отдавал приказы или насмехался над своими учениками, юными хикедая, лишь немногим старше и крупнее Ярнульфа. Молодой раб благодарил судьбу за этот голос, ведь он слышал его с большого расстояния и запоминал все, что говорил старый воин своим подопечным.

Скоро Ярнульф стал стараться поскорее завершить свою работу, чтобы провести хотя бы несколько мгновений возле края тренировочного поля, откуда он наблюдал, как юные хикедая учатся владеть мечом, копьем и стрелять из лука. Через некоторое время, разочарованный тем, что у него нет собственного оружия, Ярнульф ночами, после того как его сестра засыпала, делал себе деревянный меч из обрезков, прикрепляя к нему камни с помощью украденной бечевки, чтобы получить необходимый вес. Он прятал его в березовой роще, рядом с тренировочным полем, оставался в тени, скрывавшей его (как он думал) от молодых воинов, поглощенных занятиями, и имитировал их движения.

Когда глазастые ученики хикедая наконец его заметили, что было практически неизбежно, последовало наказание, быстрое и болезненное. Полдюжины молодых хикедая перепрыгнули через ограду и побежали к нему. Ярнульф и оглянуться не успел, как его окружили. Несколько мгновений ему удавалось держать их на расстоянии с помощью своего деревянного меча, но очень скоро они сумели сократить дистанцию и все вместе на него навалились. Они избивали его плоской стороной мечей, пока он не упал на землю, а потом некоторое время пинали ногами, так что ему показалось, что он сейчас умрет от боли и невозможности сделать вдох. После того как они сломали его деревянный меч и разбросали куски, как цветы на похоронах, дети его хозяев вернулись к своим тренировкам.

Ярнульф довольно долго лежал на животе, вжимаясь лицом в холодную влажную землю, ему хотелось встать или хотя бы отползти, но ребра болели так сильно, что он не мог даже приподняться. Он чувствовал, как перемещается по небу солнце, и знал: если сейчас не поднимется на ноги и пролежит здесь всю ночь, то умрет. Но любое движение приводило к тому, что одна разбитая часть тела соприкасалась с другой, столь же изувеченной. Он беззвучно плакал, не в силах пошевелиться, несмотря на усиливающийся ветер.

– Клянусь Садам, что здесь лежит? – Голос был веселым, но насмешливым. – Может быть, маленькая мышка, с которой поиграл кот? Бедная мышка. Счастливый кот.

Ярнульф попытался перевернуться, чтобы посмотреть, кто говорит, но боль была слишком сильной.

– Или рыба выбралась из озера Румия и попыталась ходить, как животное? Как странно видеть рыбу на таком большом расстоянии от воды.

Это сводило с ума. Ярнульф подтянул под себя колени, но не сумел сдержать стона от боли, вспыхнувшей сразу в нескольких местах. Однако он задушил крик – вместо него получился хриплый клекот из-за стиснутых зубов – и наконец ему удалось немного приподняться и увидеть, кто над ним потешается. Сам Ксока, старый воин, тренировавший Давших клятву, смотрел на него веселыми глазами. Пожилые хикедэ'я выглядели так же, как молодые, но столетия, проведенные под солнцем и ветром, оставляли свой след на лишенном возраста лице. Ксока был не так красив, как молодые хикедэ'я, и казалось, будто его лицо высечено не слишком тонкими и острыми инструментами.

Ярнульф сумел встать на четвереньки, но ему было тяжело держать голову поднятой.

– У тебя есть имя, маленькая мышка, маленькая рыбка? – спросил мастер оружия. – Или ты собака? Ты выглядишь как собака, когда стоишь на четырех конечностях.

Почему такой важный мастер тратит свое время и смеется над умирающим рабом? Ярнульф продолжал молчать.

– Однако ты не виляешь хвостом, – продолжал Ксока. – Я назову тебя Сан'накуно, Печальная собака. – Он подошел ближе. Мастер клинка был одет в свободное черное одеяние воина, но без знаков различия, белые ноги оставались босыми. Одна из его тонких, покрытых мозолями рук коснулась бока Ярнульфа, ощупывая места, куда раз за разом раба пинали его ученики. – Я люблю собак, – сказал Ксока, – особенно собак, у которых есть сила духа. Я предлагаю тебе сделку. Если ты сегодня сможешь сам добраться до рабского барака и прийти ко мне после того, как твоя работа будет закончена, я научу тебя, как должна кусаться собака. Ты бы этого хотел?

Ярнульф не понял – *кусать*? Он продолжал молчать.

– Или можешь остаться здесь. Ты и сам знаешь: никто тебе не поможет – отбившиеся от стада умирают.

И с этими словами старый хикедэ'я повернулся и зашагал в сторону тренировочного поля.

К тому времени, когда Ярнульфу наконец удалось подняться на ноги и начать долгий путь к рабским баракам, солнце давно опустилось за великой горой. Всю ночь он так дрожал, и холод был таким жестоким, что после того, как ему удалось заснуть, Ярнульфу приснилось, что он умер и лежит вместе с братом Ярнгримнуром на пылающей погребальной лодке, как их древние предки. Но на следующий день он сумел подняться с постели, когда прозвучал звонок, призывающий рабов вставать, и побрел на работу.

Зью Ксока его ждал, верный своему обещанию. Старый мастер ничего не сказал, лишь швырнул Ярнульфа тренировочный меч.

– *Покажи мне двенадцать стартовых позиций*, Сан'накуно.

И с этого момента у Ярнульфа появился учитель. Уроки проходили, только когда у старого мастера клинка было подходящее настроение, а это случалось далеко не каждый день, во всяком *случае*, сначала, но достаточно часто у Ярнульфа появлялась возможность практиковать что-то новое по ночам, когда остальные рабы спали. Он незаметно выбирался из бараков, чтобы иметь возможность тренироваться с деревянным мечом, который он прятал в деревьях, рядом с рабским амбаром. Даже в самую холодную погоду он выходил из барака и начинал беззвучный танец атаки и защиты, пока руки и ноги не становились синими от холода. В неко-

торые ночи он едва успевал вернуться в постель до того, как звучал звонок и ему приходилось снова приниматься за работу.

Ксока никогда этого не говорил, но Ярнульф казалось, что на мастера произвели впечатление его способность к учению и упорство, с которым он занимался. Тем не менее он обращался с Ярнульфом не менее сурово, чем с другими учениками: практически не разговаривал, а большую часть поправок делал при помощи плоской части своего меча – наносил быстрые болезненные удары по незащищенному запястью или голове, но постепенно таких ударов становилось все меньше и меньше.

Так Ярнульф рос, чувствуя, что проживает две жизни, сонную, когда работает, и истинную, которую проводил, защищаясь от выпадов Ксоки при помощи Формы Тени и Формы Воды и отвечая собственными изощренными атаками. Когда у него получалось неплохо, мастер отходил от него с едва заметной улыбкой, и Ярнульф чувствовал, что нашел свою истинную цель в жизни.

Лишь значительно позже он понял, что Денаби сей-Ксоку не интересовал лично он, Ярнульф. Для него он был лишь объектом обучения. Старый хикедая испытывал удовлетворение от мысли, что способен натренировать даже нечистокровного щенка – смертного! – сражаться так же хорошо, как высокорожденные дети его расы. В некотором смысле Ярнульф был не более реален для мастера клинка, чем кусок мыльного камня, на который скучающий мужчина, чьи лучшие дни уже давно позади, тратит свое время, чтобы вырезать бога или фигурку любимого пса. Ярнульф не был для Ксоки человеком, просто он так развлекался.

Но Ярнульф долго этого не понимал и осознал только через несколько лет, которые стали лучшими в его юности.

А потом настал день, когда пришли солдаты Хамака и забрали его сестру Грету.

* * *

– Ты давно молчишь, – сказала Нежеру.

Ярнульф заморгал. Он смотрел вперед, но ничего не видел, хотя перед ним расстилась широкая тропа, которую проделал гигант, оставив сугробы по обе стороны, словно после огромной океанской волны.

– Я был занят... воспоминаниями.

– Ну, это я и сама поняла.

Она действительно была странной, эта Жертва. Она практически прямо сказала ему, что он даже не пытался убивать солдат Эркинланда во время их бегства. Ярнульф подозревал, что у нее также возникли сомнения относительно стрелы, пущенной им со склона холма. И вместе с тем ему казалось, что любопытства в ней больше, чем недоверия. Такие молодые хикедая, как она, редко достигали внутренних границ Наккиги, но тех немногих, которых он встречал, наполняла неколебимая вера не только в Королеву и Священный Сад, но и в отвратительную животную низость смертных. Почему же Нежеру другая?

Конечно, она наполовину смертная, но он жил с полукровками в бараках, и они еще больше ненавидели смертных, чем хикедая с чистой кровью. Всю жизнь Ярнульфа хикедая использовали смертных женщин для рождения детей. Среди высших кланов, семей рожденных на Земле, такое случалось, но редко. А вот то, что полукровка вроде Нежеру смогла достичь высокого положения в столь юном возрасте – его удивляло. Даже молодым смертным в землях смертных редко выпадала подобная честь.

Нет, здесь была какая-то тайна, но до тех пор, пока он не узнает о ее отце и его месте среди окружения Королевы, он мог лишь строить предположения. А предположения, как он узнал на собственном опыте, часто становятся врагами действия.

«Важно лишь то, как ее лучше всего использовать. Потому что я поклялся исполнить святой долг и не обману твои ожидания, господи», – подумал он.

– А ты никогда не задумывалась о том, какие шутки играет с нами судьба? – спросил он вслух.

Сначала ему показалось, что ее лицо выражает лишь презрение, но потом подумал, что за ним может скрываться что-то еще. Тревога?

– Судьбы не существует, – сказала она. – Как и шутки. Я делаю то, что приказывает Королева. Это единственный путь, и, если я остаюсь на нем, никаких сомнений быть не может – никаких шуток, как ты их называешь.

– Я говорю об одном, а ты совсем о другом, – сказал он, убедился, что остальные находятся достаточно далеко, и только после этого продолжал: – Я говорю о неправдоподобности, а ты называешь это сомнениями, словно весь мир вступил в заговор против тебя. Я попробую подойти с другой стороны. Насколько вероятно, что тебе оказана огромная честь, Жертва Нежеру, и ты стала Когтем Королевы, когда сотни и сотни других Жертв, которые старше тебя и обладают большим опытом, такой чести не удостоились?

– Ты уже задавал этот вопрос. Я тебе ответила. Я заслужила свое место.

– Но, если ты так хороша, если ты такой редкий воин, почему твой командир так жестоко тебя наказывает?

Она бросила на него быстрый ненавидящий взгляд.

– Ты ничего обо мне не знаешь, смертный. Ничего не знаешь о нас.

– Я видел твою спину, видел шрамы. Они еще не полностью зажили. И не думай, что я за тобой шпионю, – это произошло случайно. Ты скромна для своей расы. Большинство из вас равнодушно относятся к наготы, потому что, в отличие от нас, жалких смертных, вы почти не ощущаете холода. Но ты не такая, Жертва Нежеру, ты осторожна – или стыдишься выставлять напоказ свои раны. Тем не менее я их видел.

Она заметно побледнела, и он подумал, что она стала похожа на статую из мрамора.

– Я заслужила наказание. Я не сумела исполнить свой долг.

– И все же однажды, несколько дней назад, ты упоминала своего отца. Теперь, после того как Королева проснулась, он очень занят, так ты сказала. Полагаю, он аристократ, занимающий высокий пост. Я прав?

Она выглядела так, словно хотела оказаться подальше от него. Да, она очень молода, подумал он: несмотря на застывшее лицо и выдержку хикедэ'я, она еще не научилась полностью скрывать свои чувства. Ярнульф долго был Охотником, и норны давно стали его добычей – его жертвами. Он видел, как она мучительно размышляет, прячась за маской невозмутимости.

– Кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы? – спросила она. – Почему бы тебе не пойти и не спросить у Мако про *его* отца?

– Потому что тогда мне пришлось бы с ним сражаться, и один из нас умер бы. В любом случае это уменьшило бы наши шансы выжить в этих опасных землях. Ты не такая, как командир Руки Мако. Он знает лишь то, чему его научили, и ему достаточно. А для тебя – нет, хотя сомнения – такое слово ты употребила, не так ли? Сомнения? Они тебя пугают. Это очевидно. Но почему?

– Твои вопросы бессмысленны и нежелательны, смертный. Более того, теперь я уже совершенно уверена, что ты хочешь навредить нашей Руке и миссии.

– Ты, как никогда, далека от правды. Я хочу, чтобы миссия закончилась успехом.

И на этот раз Ярнульф не старался скрыть свои чувства, потому что он не лгал.

Несмотря на схожесть с лицами и телами смертных и даже хикедэ'я, Вийеки не мог заставить себя поверить, что пенги, подменивши тинукеда'я, больше, чем животные. Старейшие

строители его Ордена утверждали, что помнят времена, когда даже самые убогие из них умели говорить, но сейчас это казалось совершенно невозможным. И когда он смотрел в пустые, похожие на коровьи, глаза людей-носильщиков, стоявших рядом с огромным воротом и ожидавших команды надсмотрщика, Вийеки обнаружил, что сама идея представляется ему не постижимой.

– Взойдите на тележку, Верховный магистр, – произнес голос у него за спиной. – Нам предстоит долгое путешествие.

Вийеки повернулся к высокому солдату в серебристой драконьей маске.

– Назови мне еще раз свое имя, офицер, чтобы я знал, кого винить, если это приключение закончится неудачно.

Стражник склонил голову.

– Я С'айессу, Первый оруженосец Хамака, и облачен специальными полномочиями самой Королевы.

Вийеки посмотрел на накидку солдата и простой лабиринт, который он носил в качестве эмблемы.

– Но у тебя лишь шлем Хамака, а не гребень Хамака.

– Вот почему меня называют оруженосцем, Верховный магистр.

– Но тогда кому ты служишь? Не Королеве Утук'ку.

– Мы все служим Королеве, Верховный магистр.

– Просто скажи мне, кто послал тебя за мной, приказав поднять с постели в час отдыха.

Если дворец, то почему мы направляемся не туда?

Голос стражника не изменился.

– Мне запрещено говорить больше, чем я уже сказал, Верховный магистр. Но скоро вы все узнаете, если взойдете на тележку.

То, что задумали те, кто его призвал, явно не было секретом. Почти все в его доме, жена Кимабу, секретарь и слуги видели солдата и его символ лабиринта, когда он ждал у входной двери, а он обычно означал приказ прибыть во дворец Омейо. Однако посланец при всех заявил, что они направляются в другое место, и никто из свиты Верховного магистра Вийеки не должен следовать за ним. Кимабу, естественно, стала возражать, настаивая, что следует дожидаться более внятного приказа, но Вийеки уже много лет участвовал в смертельно опасных политических интригах Наккиги, и столь странный призыв его даже несколько заинтриговал.

Однако ему не нравилось широкое отверстие, из которого поднимался пар и которое вело вниз, под город, а также древняя тележка у ворот, готовая спустить его в глубины великой горы.

– Я не могу поверить, что Королева намерена встретиться со мной в таком месте, – сказал он.

– Королевы там нет, Верховный магистр, – ответил стражник. – *Это* я могу вам сказать.

– Его преосвященство Ахенаби? Верховный магистр Зунияби?

Стражник покачал головой.

– Пожалуйста, Верховный магистр. Тележка ждет вас.

После некоторых колебаний Вийеки шагнул в шахтную тележку. Стражник в драконьем шлеме последовал за ним, закрыл дверцу на задвижку и дал сигнал надсмотрщику носильщиков. Огромные существа, лишь немногим меньше диких гигантов, начали поворачивать ворот.

Массивные веревки закрипели, и тележка, вздрогнув, стала опускаться вниз, минуя один уровень за другим, уходящие в глубины горы, где носильщики и другие рабы добывали серу и золото. Тележка раскачивалась и дрожала, Вийеки почувствовал, что воздух становится теплее, у него заложило уши, а еще что-то пульсировало в нем самом, какое-то неуловимое неудобство, которому он никак не мог найти названия.

Наконец тележка застонала и остановилась, и стражник в маске дракона открыл дверцы.

– Идите вперед, Верховный магистр.

Неприятное чувство усилилось, и Вийеки впервые охватило настоящее нежелание идти дальше.

– А как же ты?

– Мне нужно отвезти обратно пассажира, потом я вернусь за вами. – Стражник явно испытывал раздражение из-за колебаний Вийеки. – Вам не следует бояться, Верховный магистр.

Вийеки спустился с тележки и зашагал по коридору с низким потолком. Тренированный взгляд сообщил ему, что проход пробит в горе очень много лет назад, во всяком случае, с помощью каменных инструментов, а не металлических или из ведьминого дерева, которыми пользовались в последние столетия. Странное внутреннее неудобство усилилось, словно он стоял на носу раскачивающегося на волнах корабля; от идущего со всех сторон жара на коже выступил пот. Вийеки замедлил шаг, но это никак не повлияло на его ощущения, и он вознес безмолвную молитву Силе Королевы и пошел дальше.

Через несколько поворотов коридор неожиданно привел его в огромную пещеру естественного происхождения – во всяком случае, так подсказал ему опытный взгляд. Мерцающий желто-красный свет окрашивал ее в цвет огня, расселина в центре изрыгала пар и дым, словно он оказался в уменьшенной версии Зала Колодца. Время от времени, словно язык голодного дракона, пламя вырывалось из расселины в камне. Если не считать этого, каменная пещера казалась совершенно пустой, хотя жуткий жар и давление стали сильнее. Теперь Вийеки чувствовал не только тошноту, но и нечто более острое, вроде растущего ужаса, сжимавшего грудь, во рту и горле у него пересохло.

«Что это за место такое? Пещера, которая находится настолько ниже всех действующих шахт? Но никто из Строителей здесь не работал, по крайней мере, в мои времена», – подумал он.

Вийеки долго смотрел на меняющийся свет и тучи в центре пещеры, прежде чем сообразил, что мрак, парящий в облаках пара над расселиной, есть нечто большее. На самом деле у него были руки и ноги и развевающийся плащ. Грудь Вийеки сжало еще сильнее, сердце забилося быстрее.

«Неужели они кого-то тут повесили? – объятый внезапным ужасом, подумал он. – Возможно, здесь совершаются казни? Да защитит меня Сад, быть может, моя семья не зря испытывала страх? Так вот почему меня привели в это тайное место?»

Он замер, не желая подходить ближе к яме и парящей над ней тени.

– Интересно, как долго он будет падать, если я его столкну, – произнес голос рядом с его ухом. – И успеет ли свариться, пока летит вниз?

Даже Вийеки, ветеран, который провел столетия в темных залах Наккиги, едва не вскрикнул от внезапного страха. Он резко развернулся, и его рука легла на рукоять висевшего на поясе кинжала.

За спиной у него стоял Джиджибо Мечтатель, странный прапрапраплемянник Утук'ку, чье узкое лицо то поднималось, то опускалось вниз.

– Лорд Джиджибо, вы меня напугали. – Взгляд Вийеки беспомощно вернулся к парившей над расселиной темной фигуре, которая подрагивала в мерцании оранжевого пламени. – Кто это? И почему меня сюда привели?

– Неужели он не знает? – спросил родственник Королевы. – Я не думал, что он такой глупец. Разве он не помнит, как я ему сказал, что его семья замечена? – А затем, через мгновение, не меняя интонации: – Да, я бы *хотел* сегодня поесть вяленого лосося. – Джиджибо ткнул костлявым пальцем в сторону темной фигуры в клубах пара: – Ты только посмотри, магистр Вийеки. Там ответ на оба твоих вопроса.

Вийеки взглянул на диковинную фигуру.

– Вы хотите сказать, что это не пленник?

– О, он совершенно определенно пленник, – заявил Мечтатель. – Но совсем не такой, как ты думаешь. Хм-м-м, да, интересно, что будет, если содрать с твоего тела всю кожу.

Во время предыдущих встреч с Джиджибо Вийеки понял: лучше всего делать вид, что слова, произнесенные безумцем вслух, попросту не звучали, какими бы ужасными или шокирующими они ни казались.

– Я все еще не понимаю вас, лорд Мечтатель. *Кто* меня призвал?

– Я не могу задерживаться здесь и разговаривать, благородный лорд Вийеки, – нетерпеливо заявил Джиджибо. – Ты знал, что однажды, когда мы все умрем, мы будем пахнуть точно так же? Змея в тележке с яблоками ждет, чтобы вернуть меня в мои покои, ты же понимаешь. – Он усмехнулся. Мечтатель походил на плохо сделанную вещь – кожа слишком туго натянута на костях, глаза слишком широко раскрыты. Даже зубы у него были кривыми. – Вы только посмотрите на него, он нахмурился! – сказал Мечтатель. – А ведь он еще не встречал Шепчущую. Как бы я хотел заполучить его дочь-полукровку! Я не стану снимать с него кожу, нет, нет. Слишком грубо. Тогда я не смогу ничего узнать, верно?

И с этими словами Джиджибо сделал преувеличенно низкий поклон и зашагал прочь в том направлении, откуда пришел Вийеки и где его, вероятно, ждала шахтная тележка. Вийеки в смятении смотрел ему вслед, встревоженный тем, что сказал Джиджибо о его дочери. И лишь через мгновение он вспомнил другие слова, произнесенные Мечтателем.

«Шепчущая, – подумал Вийеки. – Неужели он имел в виду?..»

«У нас мало времени», – произнес голос, и по спине Вийеки пробежал холодок.

Голос прозвучал не возле его уха, а прямо в мыслях, и на этот раз это был не голос Королевы, а нечто более напряженное и далекое, словно ему пришлось преодолеть длинный, длинный туннель.

«Не обращай внимания на святого дурачка, – продолжал голос, и эти слова показались Вийеки твердыми и сухими кусочками дрейфующего пепла. – Он не является частью того, что тебе предстоит сделать».

Вийеки, чувствуя, как сердце быстрее забилося у него в груди, резко повернулся, но не увидел того, кто произнес эти слова. Затем краем глаза он уловил движение, и его взгляд вновь переместился вверх. Темная фигура в развевающемся плаще опускалась с большой высоты, медленно вращаясь в потоках пара и мерцающего света пламени, вырывавшегося из расселины.

Нет, не опускалась, понял Вийеки через мгновение. Здесь не было проводов, веревок или петли. Он никогда не видел ничего подобного, ни у великого волшебника Ахенаби, ни у самой Королевы Утук'ку.

– Что вы от меня хотите? – снова спросил он дрожащим голосом, и ему стало стыдно.

Теперь, когда темная фигура спустилась ниже и парила над расселиной, он увидел, что лицо под капюшоном лишено черт и скрыто бинтами, в том числе рот и глаза. Вийеки содрогнулся. Теперь он знал, кто его призвал, но это не помогло ему успокоиться. Существо остановилось, слегка покачиваясь в потоках горячего воздуха, поднимавшегося из огненной расселины. Страшная аура смерти омыла магистра – не запах, но нечто более глубокое, находившееся вне восприятия его чувств, ужас, от которого в страхе и отвращении содрогнулся разум.

«Я один из высших аристократов Королевы», – сказал он себе, хотя едва мог ясно мыслить, и постарался дышать ровнее, чтобы собраться с силами и заговорить.

– Леди Омму, Шепчущая, – сказал он, и даже произнесенное им имя наводило ужас. – Великая госпожа, вы призвали скромного слугу Королевы?

Долгие мгновения лишенное лица существо не отвечало, и Вийеки не сомневался, что оно слушает оглушительную пульсацию его наполненной ужасом крови. Даже Королева никогда не вызывала в нем такого трепета.

«Магистр Вийеки, я наблюдала за тобой. – Мысли Шепчущей доходили до него фрагментами шепота, словно их доносил меняющийся ветер, и впивались в его собственные точно

когти крыс. – Из пустошей смерти я видела вещи, которые были недоступны даже Королеве, пока она дрейфовала в джи'индра сквозь страну снов и смерти. Я видела твою родословную, подобную сияющей дороге, ведущей до настоящего момента и к тому, что придет потом».

Все в нем взывало к бегству, но Вийеки заставил себя стоять и слушать ужасный шепот и отвечать самым твердым голосом, на который он был способен.

– Невозможно поверить, что я могу быть вам интересен, великая госпожа. Только не хикед'я из Красной Руки. Только не той, что сумела дважды вернуться из страны смерти.

«Ты важен для меня... из-за целой цепочки обстоятельств. По другую сторону смерти... Я многое видела. – Каждое слово эхом отдавалось в сознании Вийеки. – Возможно, ты станешь частью великого. Скоро Королева даст тебе задание, но твоя кровь говорит мне, что тебе предстоит совершить нечто большее... спасти народ хикед'я. Ты меня понимаешь, маленький магистр? Огромные события... пришли в движение».

Вийеки склонил голову, но не от благоговения, а из-за того, что не мог долго смотреть на неестественный свет, пробивавшийся сквозь бинты Омму, которые скрывали ее лицо.

– Два задания, но только одно из них от Матери всего сущего. Я не понимаю вас, госпожа.

«Да, не понимаешь, – сказала Шепчущая, и ее голос был подобен ветру, долетавшему из самого отдаленного и одинокого места, когда-либо существовавшего в мире. – Ты не можешь. Помни одно. Я пришла из-за пределов смерти – от берегов Небытия. Я могу говорить только правду. Так знай, наступит момент, когда для завершения великого деяния тебе придется сделать выбор».

– Что... что вы имеете в виду, госпожа?

«Чтобы спасти то, что ты любишь, ты будешь вынужден убить то, что любишь еще больше. Если ты потерпишь неудачу, все будет кончено. Твой народ – а это еще и мой народ – умрет и исчезнет навсегда».

Вийеки вдруг почувствовал себя беспомощным, больным.

– Но почему я, госпожа? Моя кровь ничто по сравнению с кровью величайших представителей нашего народа!

И голос послышался снова, такой далекий, словно он приплыл из-за луны и звезд.

«С тем же успехом ты можешь спросить, почему верх не является низом... или темнота это не свет. Таков порядок. И я могу говорить только правду. А теперь оставь меня. Я хочу умыться в крови земли. Мне холодно в вашем мире, ты же видишь... так холодно!»

Внезапно Омму повернулась к нему спиной, ее плащ с капюшоном стал развеиваться медленнее, чем должен был, и она начала подниматься вверх, пока не превратилась в небольшое пятно мрака над мерцающим пламенем, словно паук, незаметно поджидающий жертву на краю паутины.

Вийеки не стал кланяться, но, спотыкаясь, поспешил покинуть пещеру, ему хотелось поскорее добраться до длинного вертикального туннеля и шахтной тележки, которая поднимет его туда, где все имеет смысл. Его кожа была холодна как лед, а сердце превратилось в камень, с грохотом бьющийся в груди. Главный Строитель, который провел многие и многие годы в самых глубоких пещерах под землей, никогда в жизни так не мечтал вдохнуть свежего воздуха или просто увидеть свет настоящего неба.

Глава 31. Высокое темное место

– Там будет вино, – заявил Астриан. – Хорошее вино. Капитан Кенрик обещал прикатить несколько бочонков пердруинского кларета. А оно стоит того, чтобы послушать скучные солдатские разговоры, не так ли?

Из-за того, что Морган так до сих пор и не сумел расплатиться с Хэтчером, владельцем таверны, они в тот вечер подались в «Галку», а не в свой обычный порт захода, «Безумную девицу».

– Ничто не стоит такой скуки, – заявил Ольверис, прерывая затянувшееся молчание. – Вот почему я начинаю пить уже сейчас. Чтобы продержаться до тех пор, когда откроют кларет.

– Ты можешь смеяться, но сэр Закиель заслуживает этой чести, – сказал Порто, нахмурившись. – Орден Красного Дрейка не дешевая безделушка, которую дают каждому, кто умеет низко кланяться, чтобы произвести впечатление при дворе. Это воинский Орден!

– Так вы действительно не пойдете, ваше высочество? – спросил Астриан у Моргана. – Мы там неплохо проведем время.

Принц покачал головой:

– Там будет мой дед. Молоты ада и еще бабушка. Они выпьют лишнего и весь вечер станут рассказывать старые военные истории. И бросать на меня суровые взгляды из-за того, что я не был на войне.

– Тут нечего стыдиться, – серьезно сказал Порто. – За это нужно испытывать благодарность.

– Тебе легко говорить. Ты был на войне. Как и вы все. Первое, что приходит им в голову, когда они видят кого-то из вас: «О, вот идет солдат». А о чем они думают, когда видят меня? «О, принц. Он избалован, ну, вы же знаете. Пьет целыми днями и играет в кости».

– Да, но ты пьешь и играешь в кости с нами, храбрыми солдатами, – с улыбкой ответил Астриан. – А это кое-чего стоит.

Морган был не в том настроении, чтобы его насмешили подобные шутки. Жесткие слова, произнесенные королем, то и дело всплывали в его мыслях.

– Нет, я не пойду. Мне совсем не хочется слушать, как эркингарды защитили меня от опасности, когда нас атаковали норны. Я должен был сражаться с ними! И не моя вина, что королева мне не позволила.

– Не ваша, – согласился Астриан. – Но не только вы не участвовали в той схватке. Я находился на склоне, однако мне только и удалось, что увернуться от нескольких стрел. Я даже не видел ни одного фейри.

– Но ты много раз бывал в сражениях. Никто не подумает, что ты трус.

– Никто не думает, что вы трус, ваше высочество, – сказал Порто.

– Ха! Все так думают. Придворные и народ Эрчестера. Вы слышали, что они говорили, когда мы въезжали в город? Половина из них называла меня Пьяницей и Принц Еще Вина. Я сам слышал.

– А другая половина вас приветствовала, – сказал Астриан. – Всем известно, что люди переменчивы, мой принц. Они подобны детям, которые не знают, чего хотят. Предложи им молоко, и они заплачут. Забери молоко, и они зарыдадут еще сильнее.

– Или описают тебя с ног до головы, – добавил Ольверис.

– Именно. – Астриан налил Моргану еще одну чашу. – Выпейте и согрейте кровь, чтобы пойти с нами. Вы прекрасно проведете вечер.

– Нет. – Морган выпрямился и встал, пусть и не без труда; почти все утро он чувствовал себя неважно.

Просыпаться с больной головой не самый лучший признак зрелости, как было год назад, когда он только начал регулярно пить с Астрианом и его приятелями.

– Я собираюсь найти себе занятие. Желаю вам всего хорошего, господа. Надеюсь, вино из Пердруина действительно заслуживает похвалы.

Он направился к выходу, стараясь шагать уверенно, и тут вспомнил про королевских стражников, которые ждали его перед входом в трактир. Морган развернулся, прошел через зал и вышел в заднюю дверь во внутренний дворик.

– В последнее время наш принц выглядит озабоченным, – услышал Морган, когда проходил мимо стола своих друзей.

Ответ Астриана заглушил шум пьяной ссоры снаружи, когда Морган распахнул дверь, но он услышал, как остальные рассмеялись.

Задолго до того, как он добрался до королевской резиденции, Морган понял, что ему совсем не хочется ложиться в постель, но он сам лишил себя компании и возможности развлекаться. Большая часть эркингардов находилась на приеме в честь Ордена Красного Дрейка, другие стояли на страже. Казармы в цитадели пустовали, за исключением нескольких ветеранов, которые грели старые кости у огня, а он и без того задолжал участникам игры в кости, которая шла в караульном помещении у ворот Нирулаг.

«Как стратег я полный неудачник, – подумал Морган. – Пытаясь избежать встречи с дедом и бабушкой, я обрек себя на скучный вечер в полном одиночестве».

Когда Морган шел через Средний двор замка, он услышал праздничный шум, доносившийся из большого зала Эрчестера. Судя по крикам, смеху и не слишком слаженным песням, которые принес ветер, товарищи по оружию сэра Закиеля быстро расправлялись с кларетом. «Очевидно, большая часть Хейхолта веселится с ними», – подумал Морган, потому что вокруг никого не было и все лавки давно закрылись.

Морган все еще находился во власти обиды и гнева, и даже приятная вечерняя прохлада не могла их прогнать, а тишина в вечернем замке почему-то вызывала еще большее раздражение, чем шум далекого веселья. В третий или четвертый раз после того, как он вошел в Хейхолт, Морган подумал о возвращении в Эрчестер, но не для того, чтобы присоединиться к пиру, а в поисках других развлечений, и, хотя он прекрасно понимал, что стражи на воротах охотно пропустят его обратно, несмотря на поздний час, не сомневался, что об этом обязательно станет известно королю и королеве.

Пока он шел по тихим пустынным улицам, на него нахлынули детские воспоминания о таком же вечере во время праздника летнего солнцестояния, как раз перед тем, как его отец заболел и умер, когда все находились в каком-то другом месте, а он остался один. Маленький Морган, ему тогда было семь лет, совсем недавно оправился после лихорадки, более недели провалявшись в постели. Мать еще болела, но если за Морганом ухаживала только старая няня Клода, принцессу Иделу, лежавшую в своих покоях, окружали фрейлины и часто навещали гости.

В тот вечер, когда он уже почти поправился, принц пребывал в плохом настроении, поэтому дождался момента, когда Клода заснет на стоявшем рядом с кроватью стуле, оделся и направился в спальню матери. Идела страшно испугалась, когда увидела сына, – она была уверена, что он может снова заболеть лихорадкой, и заставила фрейлин выставить мальчика за дверь. Растерянный Морган бродил по замку, пытаясь найти какое-то занятие. Из-за того, что он так долго лежал в постели, Морган забыл про праздник летнего солнцестояния и удивился и немного встревожился, когда увидел, что все куда-то исчезли.

Наконец он вышел из резиденции и направился через двор цитадели к покоям отца в Старой амбарной башне – ну, на самом деле, ее едва ли следовало называть башней – скорее, арестантская камера у стены Внутренней цитадели, слишком сырая, чтобы использовать ее в качестве амбара. Принц Джон Джошуа неизменно закрывал дверь, и Моргану приходилось

долго стучать, прежде чем отец понимал, что к нему пришли, и спускался вниз, недовольный, что его отвлекли. Несмотря на то что принц говорил Порто, отец не узнал его всего один раз, но в последний год жизни Джон Джошуа стремился поскорее вернуться к своим занятиям, и Моргану казалось, что, будь на его месте простой слуга, отец не заметил бы разницы.

Но в ту ночь, в том странном, необитаемом Хейхолте, его отец так и не спустился вниз, хотя Морган стучал по деревянной обшивке двери до тех пор, пока у него не заболели костяшки пальцев. Наконец, скорее от раздражения, чем по какой-то другой причине, Морган дернул дверь, и, к его удивлению, она открылась.

Вокруг не было стражников, и Моргана охватило любопытство, хотя он знал, что отец, который никого и никогда не пускал в свои покои в башне, будет им недоволен. Но странный вечер, а также долгие дни, проведенные в постели, пробудили в нем желание приключений, и Морган стал подниматься по ступенькам в мерцающем свете факелов, горевших на каждой лестничной площадке, пока не добрался до отцовских покоев, на самом верху.

Последняя дверь также оказалась не запертой, это послужило для Моргана сигналом, что он может продолжать свои исследования, и мальчик проскользнул внутрь. На одном из столов горела лампа, словно отец только что куда-то вышел. После стольких лет попыток угадать, чем он занимается, Морган испытал некоторое разочарование. Если не считать огромных размеров, комната мало отличалась от спальни отца в резиденции. Здесь стояло несколько столов и скамеек, и на каждой ровной поверхности лежали тяжелые старые книги и заплесневелые древние манускрипты. И почти всеми Джошуа пользовался, книги лежали открытыми на какой-то странице, а манускрипты развернуты и придавлены гладким камнем или другой тяжелой книгой.

Толстые тома показались Моргану малоинтересными, ему нравились рассказы о приключениях рыцарей или истории о войнах и других волнующих вещах, к тому же большинство книг было на незнакомых ему языках, и после поверхностного осмотра он быстро спустился вниз. В покоях отца не оказалось ничего заслуживающего внимания, а ему совсем не хотелось, чтобы его здесь застали и наказали.

На нижнем этаже он немного задержался, заметив, что воздух здесь какой-то странно липкий, необычный для лета, а еще Морган уловил незнакомый, ни на что не похожий запах. На верхних этажах так не пахло. К его удивлению, оказалось, что лестница ведет не только вверх, но и вниз. Когда Морган вошел, он не обратил на это внимания, потому что ее скрывала каменная спираль основной лестницы. Кроме того, сверху лежала деревянная рама, но не для того, чтобы помешать кому-то спуститься, а чтобы никто случайно не упал в темноту.

Морган наклонился, сделал глубокий вдох и уловил не просто аромат сырости, запах был необычным, каким-то... старым. Морган не понял, что это может означать, но его охватило любопытство, и он уже собрался поднять деревянные дощечки, чтобы посмотреть, что там находится, когда услышал, как со скрипом открывается дверь башни, поднял глаза и с удивлением увидел высокую угловатую фигуру отца в дверном проеме.

Принц Джон Джошуа устроил странный спектакль, он слегка раскачивался, а его глаза были широко раскрыты от удивления.

– Морган? – невнятно пробормотал он. – Господи, мальчик, это ты? Что ты здесь делаешь?

В растрепанных темных волосах и на плечах Джона Джошуа Морган заметил лепестки роз и вспомнил, что сегодня день летнего солнцестояния, и в замке тихо из-за того, что большинство его обитателей веселится у костров, разведенных вдоль Хейклифа.

Прежде чем Морган успел что-то сказать, Джон Джошуа увидел, что мальчик наклонился и положил руки на деревянные дверцы, закрывавшие спуск вниз. Морган так и не успел ничего ответить, Джон Джошуа прищурился, и выражение его лица изменилось.

– Что ты делаешь? Ты не должен сюда приходить, и тебе нельзя приближаться к этим ступенькам! Ты можешь упасть и разбиться насмерть!

Морган пытался протестовать, но отец рванул его вверх так сильно, что мальчик потерял равновесие и упал. Джон Джошуа, с растрепанными волосами и бородой, с глазами, горящими, как у уличного безумца, тут же поставил Моргана на ноги.

– Никогда больше сюда не приходи! – закричал отец. От него пахло вином и дымом костра. – Это слишком опасно для ребенка! Где стражники? Я их жестоко накажу. Неужели меня окружают одни глупцы?

После чего он молча отнес Моргана к входной двери в башню, поставил на крыльцо и захлопнул у него за спиной тяжелую дверь.

Они больше не вспоминали ту ночь, а когда наступил день следующего летнего солнцестояния, его отец уже умер, и Морган никогда больше не сможет с ним поговорить, во всяком случае, в этом мире.

* * *

Морган, который погрузился в детские воспоминания по пути к воротам во Внутренний двор замка, забыл о том, где он находится, когда услышал у себя за спиной знакомый голос.

– Смотри, Квина! Наш друг Морган!

Он обернулся и увидел Младшего Сненнека и его нареченную, которые быстро к нему приближались, причем Сненнек широко расставил руки в стороны.

– Мы уже собирались ложиться спать, а тут ты! Быть может, тебя послал за нами Бинабик, мой будущий тесть?

Морган вздохнул:

– Нет. Я просто гулял.

Сненнек широко улыбнулся.

– Вот уж не думал, что ваш народ так поступает, если в этом нет необходимости.

– Гуляет?

– Выходит из дома. Ваш народ ненавидит выходить из дома. Я этого совершенно не понимаю. Квина, ты со мной согласна, не так ли?

– Может быть, дело в запахе, – предположила она.

– В запахе? – Как и всегда, когда он оказывался рядом с троллями, Морган испытал недоумение, но в его нынешнем мрачном, полупьяном состоянии не ощутил обычного подъема.

– Потому что твой народ бросает свои *амак* и *кукак* прямо перед домами, – объяснил Сненнек.

– Да, – кивнула Квина. – Прямо в... реку на суше.

Морган недоуменно прищурился, он совершенно перестал понимать, о чем идет речь.

– Река на суше?

Сненнек и Квина быстро, но энергично посоветовались между собой на кануке.

– На улице, она имела в виду. Разную грязь выбрасывают на улицу.

Морган пожал плечами:

– Это город. В городах так устроено.

Сненнек кивнул:

– А те, у кого есть богатство, заставляют других убирать грязь, чтобы их дома не имели запаха *кукака*. Но в других местах его полно!

– Если честно, я не хочу говорить про... *кукак*, – сказал Морган. – Я вообще ни о чем не хочу говорить. Я возвращался к себе. Спать.

– Как и мы, но у нас случилась такая удачная встреча, так я думаю. – Сненнек улыбнулся своей широкой желтой улыбкой, и Морган невольно отметил про себя, что тролли сохранили все свои зубы. – У меня возникли вопросы, на которые я надеялся получить ответы.

Морган ощутил острое желание заглушить свои унылые мысли.

– Я отвечу на твои вопросы, если у тебя есть немного кангканга. Итак?

Сненнек улыбнулся, снова продемонстрировав желтые зубы, и вытащил мех из-под куртки с капюшоном. Морган взял его и сделал солидный, но осторожный глоток. Он научился пить кангканг, но у него был вкус дегтя, и слишком большой глоток мог заставить упасть на колени, кашляя и отплевываясь. Однако у него имелось неоспоримое достоинство – он очень быстро начинал действовать; Морган еще только вытирал губы, а теплое сияние кангканга уже расцветало у него в животе, направляясь к голове.

Он втянул в себя воздух, чувствуя покалывание во рту.

– Вопросы? – спросил Морган.

– Отец Квины Бинабик был очень занят, – сообщил Младший Сненнек. – И ему не хватило времени, чтобы как следует показать нам ваш... как правильно сказать? Деревня? Поселок?

– *Город*. Да, Эрчестер – это город. Едва ли не самый большой во всем Светлом Арде.

Как правило, Моргана тошнило от всего, что мог предложить Эрчестер, но он не хотел, чтобы его город проигрывал по сравнению с каким-нибудь палаточным лагерем троллей в холодных горах.

– Город. Так. – Сненнек кивнул. – Так что у нас есть вопросы. Вот первый: почему ночью все уходят в дома? Даже в Минтахоке, где дуют ледяные ветры, тролли навещают друг друга в пещерах.

У Моргана не имелось простого ответа на его вопрос.

– Сегодня многие стражники и дворяне отправились на праздник в Эрчестер. Но в остальное время... ну, просто здесь так принято. Потому что на улицах темно. Ну, я хотел сказать, дело не в том, что им грозит опасность, особенно здесь, в замке, но местные жители не...

– О, потому что амак покрывает улицы! – сказал Сненнек, довольный, что наконец получил ответ. – Ваши люди не любят ходить в гости в темноте, потому что не хотят наступить в грязь. Конечно. А теперь еще один вопрос, если ты будешь так любезен.

Морган не стал его поправлять. Улицы просто пустели по ночам, и все.

– Еще кангканга, – вместо этого сказал он.

И, когда маслянистая жидкость наполнила его рот, обнаружил, что уже не так сильно беспокоится об испорченном вечере. Быть может, его еще удастся спасти.

– Сненнек, спроси у высочества Моргана про большую корзину, – вмешалась Квина. – Что это такое?

Морган удивленно вытаращился на Сненнека, который показал мимо ворот Внутреннего двора на проход между двумя близко стоявшими зданиями. Морган прищурился и вскоре сумел понять, что имел в виду тролль: серую массу Башни Хьелдина, возвышавшейся над крышами и стоявшей вплотную к северной стене цитадели.

– Корзина? – спросил Морган. – Ты имела в виду башню?

– Да, башня! – сказал Сненнек. – У нас дома, в Икануке, есть корзины такой формы. Мы их используем, чтобы готовить корни. Башня. Но почему никто туда не входит и не выходит? Мы стояли перед ней днем, но все двери были заперты.

Сначала Старая амбарная башня, теперь эта. Похоже, сегодня по неизвестной причине вечер размышлений о запретных зданиях, и Моргана вдруг охватил суеверный страх.

– Она называется Башня Хьелдина. – Кангканг уже добрался до его конечностей, яркий и теплый, как солнечный свет, – или так ему только казалось? – и страх быстро отступил. – Никто туда не заходит, потому что там разгуливают привидения.

Сненнек покачал головой:

– Я не знаю такого слова.

– Там разгуливают видения? – предположила Квина, но в ее голосе не было уверенности. Морган сначала удивился, а потом улыбнулся:

– Нет, не *видения* – привидения. Когда призраки, злые духи и демоны поселяются в доме, то говорят, что там водятся привидения.

Сненнек сделал быстрое движение сжатым кулаком.

– *Киккасут!* Но, если там живут демоны, зачем башню оставили в покое, словно уважаемого дядюшку? Каждый день, что я провел здесь, я видел, как люди разбирают одни каменные здания и строят новые.

– Демоны там больше не живут. – Теперь Морган в этом не сомневался, хотя в детстве (вместе с многими другими обитателями замка) такой уверенности у него не было. Принц и его товарищи по играм часто подначивали друг друга подняться по ступенькам и прикоснуться к огромным дубовым дверям или забраться в караульное помещение, которое их защищало. Он все еще помнил, как его охватывало невероятное возбуждение и страх, когда он приближался к жуткому запретному зданию. И у него неожиданно появилась новая идея.

– Тебе известно, кто такой Прайрат? Отец Квины должен был рассказать тебе о Красном Священнике. Клянусь всеми святыми, все постоянно про него говорят. – Морган фыркнул. – Можно подумать, он все еще здесь живет. Некоторые глупцы так и считают. – Он протянул руку к меху с кангангом и сделал еще один большой плоток.

– Нам известно имя Прайрат, – сказал Сненнек, снова делая жест сжатым кулаком. – Он был священником, который совершал ужасные дела во время войны Короля Бурь, для Элиаса, отца королевы, когда тот носил корону.

– Да, но он не был скучным священником, – сказал Морган. – Он управлял демонами. Именно он пытался вернуть Короля Бурь.

– Тогда почему его... башня... все еще стоит? – спросила Квина.

– Да, – сказал Сненнек, – это и меня удивляет. – В Минтахоке, если кто-то сделает что-то ужасное, мы сожжем пещеру изнутри, чтобы ее очистить, а затем наполним ее землей и камнями, но мы так поступаем только потому, что гору нельзя сломать и снести.

Морган потянулся к меху и тут только понял, что все еще держит его в руках. Принц прошел в ворота и зашагал в сторону приземистой тени башни, махнув рукой троллям, чтобы следовали за ним.

– Про эту башню так много говорят, что я перестал слушать, – продолжал Морган. – Да и кому интересны одни и те же истории? Но, мне кажется, мои дедушка и бабушка рассказывали, что под замком прорыто множество туннелей. Даже под нашими ногами! – Это кое-что ему напомнило – вязкий запах, лепестки цветов, широко раскрытые гневные глаза, – но он снова прогнал эти воспоминания. – И еще внутри башни находились разные опасные вещи...

Он замолчал, ему вдруг показалось, что он повторяет истории, которые рассказывали ему взрослые, или страшные сказки, какими дети обожают пугать друг друга.

– Яд и... другие плохие вещи. Поэтому на двери повесили цепи и заколотили досками окна. Ну а там, где верхние окна открывались, насыпали камни, чтобы никто не мог забраться внутрь.

Глаза Сненнека широко раскрылись.

– Верхние окна открываются?

– Некоторые. Плохой священник любил наблюдать за звездами. Так мне говорили. У него там были... разные приспособления. Специальные зеркала и магические кристаллы, так я думаю. Вещи. – Морган взмахнул рукой – детали вылетели у него из головы, а канганг наполнил тело теплом прямо сейчас, и беспокойство заметно отступило. – Это правда. Я был на крыше. Оттуда можно заглянуть внутрь и увидеть камни.

– Ты побывал в башне? – спросил Сненек. – Но ты же говорил, что это запрещено.

– Ха. – Морган снова махнул рукой. – Ты всегда делаешь то, что тебе говорят старшие? Это совсем не опасно – если умеешь лазать. В детстве я забирался на каждую стену замка, на каждую башню. – Что было некоторым преувеличением, но после унижительного вечера, проведенного с троллями на замерзшем озере, а потом в высоких холодных горах Грианспога, он хотел, чтобы они знали, что у него есть собственные умения и опыт.

Башня Хьелдина была уже совсем рядом. Серп луны парил рядом с ее уступом, словно божественный ангел на старой картине, шепчущий что-то Усирису. Глядя на башню, пожалуй, впервые за долгое время, Морган вдруг подумал, как сильно она отличается от окружавших ее строений; стоит ли удивляться, что она привлекла внимание троллей. Даже до того, как узкие окна башни заколотили, казалось, что, похожие на прищуренные глаза, они скрывают какую-то тайну. Единственными большими проемами являлись окна верхнего этажа, когда-то в них было вставлено красное стекло, теперь же остались лишь темные дыры, напоминавшие пустые глазницы черепа. За исключением окон и труб, башня не имела никаких характерных черт, и приземистая цилиндрическая форма делала ее немного похожей если не на корзину, как думали тролли, то на одну из больших супниц с замковой кухни.

«А что происходит, когда ты слишком долго не снимаешь крышку с кипящей кастрюли?» – спросил у себя Морган и покачал головой, пытаясь избавиться от странных, выбивающих из равновесия мыслей.

– Вы и сами можете взглянуть на камни, с вершины башни, – сказал он троллям. – Ну, если хотите, конечно. Но, скорее всего, вы не станете – из-за того, что про нее рассказывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.